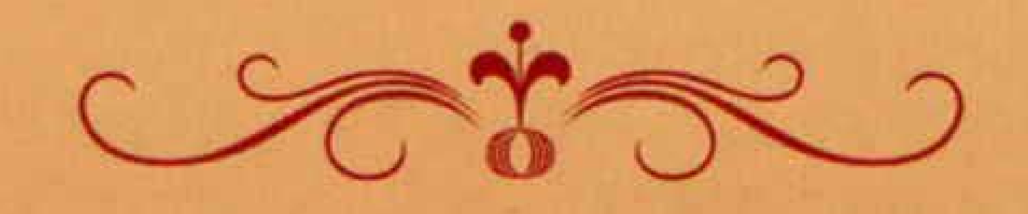
О. В. Творогов

АРХЕОГРАФИЯ И ТЕКСТОЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

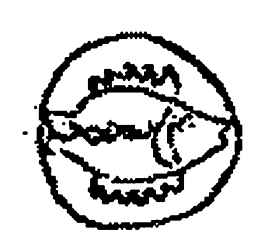

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

О. В. Творогов

АРХЕОГРАФИЯ И ТЕКСТОЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Курс лекций

Альянс-Архео
Москва—С.-Петербург
2009

Творогов О. В. Археография и текстология древнерусской литературы. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 280 с.

ISBN 978-5-98874-041-4

Книга О. В. Творогова «Лекции по археологии и текстологии древнерусской литературы» предназначена прежде всего для начинающих исследователей-медиевистов, источниковедов, работающих с древнеславянским письменным наследием, и представляет собой практическое руководство по археографии и текстологии древнерусской литературы. В книге собрана важнейшая информация по описаниям древнеславянских рукописей, даются сведения о коллекционерах, археографических экспедициях, в результате которых были сформированы основные рукописные фонды отечественных книгохранилищ. Автор также в доступной форме излагает основы текстологии: методику работы со списками литературных памятников, терминологию, важнейшие приемы и последовательность работы текстолога. Отдельная глава по библиографии позволяет молодому исследователю сориентироваться в многообразии научной литературы и быстро собрать литературу вопроса.

Книга О. В. Творогова основана на курсе лекций, которые автор долгое время и успешно читал в различных петербургских вузах, и является, по многочисленным отзывам, уникальным и незаменимым пособием для подготовки специалистов в области медиевистики.

Редактор *М. А. Федотова*

Рецензенты:

Т. И. Афанасьева, И. В. Федорова

ISBN 978-5-98874-041-4

АРХЕОГРАФИЯ

Лекция первая

АРХЕОГРАФИЯ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Начнем с определения термина «археография». Первоначально археографом называли переписчика древних (античных) рукописей. Затем в течение долгого времени археография и почти синонимичная ей в словоупотреблении тех лет археология означали сумму дисциплин, изучающих древности: монеты, статуи, печати, рукописи.

В России в 1807 г. Н. Ф. Кошанским была переведена книга А. Миленя «Руководство к познанию древностей», в которой в частности в «науке археологии» выделялось две части: «познание нравов и обрядов древних» и «археография», «показывающая объяснение памятников». Но уже в 1823 г. П. М. Строев употребил термин «археография» в значении «описание письменных памятников». Так было положено начало широкому и узкому пониманию термина «археография». На узком понимании настаивает, например, известный археограф и источниковед В. П. Козлов, определяющий археографию как дисциплину, занимающуюся «изучением документальных публикаций». Споры о термине «археография» продолжаются и в наши дни. Пример тому — бурное обсуждение статьи В. П. Козлова «Теоретические основы археографии с позиций современности», опубликованной в журнале «Отечественные архивы» в № 1 за 2001 г. В ее обсуждении

приняли участие на страницах журнала семь ученых, среди которых хорошо известные С. М. Каштанов и И. В. Поздеева.[1] Но мы не будем углубляться в эту полемику, хотя книги и статьи возвращают нас к проблеме терминологии, неизменно напоминая о том, как важны научные дефиниции и как опасно пренебрежение точными терминами. Спорят и о том, какие научные дисциплины являются основными, а какие — вспомогательными, к какой области знания относится та или иная проблема и т. д. Читая подобные работы, невольно приходишь к мысли о некоем порочном круге: перечисляются десятки суждений предшественников, затем выдвигается свое, новое мнение по всем вопросам, которое будет считаться окончательным лишь до той поры, пока не выходит следующая теоретическая работа. Как справедливо заметил известный источниковед С. Н. Валк, очень часто теоретизируют те, кто никогда не занимался практической работой по отысканию, описанию или изданию источников, а археографы и текстологи-практики обеспокоены не столько теорией, сколько методами и способами исследования, вопросами сугубо практического характера.[2] Поэтому мы обратимся именно к этой практике, приняв вполне достаточное для наших целей определение предмета археографии, сформулированное С. О. Шмидтом: «археография — это наука о собирании, описании и издании исторических источников».[3]

Мы рассмотрим следующие конкретные темы:

1. История рукописных собраний;

---

[1] *Козлов В. П.* Теоретические основы археографии с позиций современности // Отечественные архивы. 2001. № 1. С. 10—33. См. также: *Поздеева И. В.* Новая концепция эдиционного архивоведения // Там же. 2002. № 1. С. 57—62; *Каштанов С. М.* О предмете и объекте археографии (некоторые замечания по поводу статьи В. П. Козлова) // Там же. № 3. С. 59—63.

[2] *Валк С. Н.* Судьба «археографии» // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 453—465.

[3] *Шмидт С. О.* Некоторые вопросы развития советской археографии // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 132—141.

2. Отечественная археография конца XVIII—XIX века. Два пути изучения рукописного наследия;

3. Сводный каталог древнерусских рукописей;

4. Основные собрания рукописей в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга;

5. Основные принципы описания рукописей;

6. Типы изданий исторических источников. Практические советы по подготовке текста к изданию.

История рукописных собраний

Итак, основным источником для исторических исследований являются древнерусские рукописи. Мы находим их сейчас сосредоточенными в библиотеках, архивах и музеях и лишь в малой части в частных коллекциях.

Обзор основных архивохранилищ России начнем кратким экскурсом в историю складывания древнерусских рукописных собраний. В период с XI по XVII век большинство рукописей было сосредоточено в книгохранительницах храмов и монастырей. О собраниях домонгольской поры мы располагаем лишь разрозненными и зачастую косвенными данными. Многократны упоминания о Киевской библиотеке, собранной, как полагают, в большей своей части во времена Ярослава Мудрого, о чем повествует статья 1037 г. «Повести временных лет»: Ярослав «книгамъ прилежа, и почитая ѐ часто в нощи и въ дне. И собра писцѣ многы и прекладаше от грекъ на словѣньское писмо. И списаша книгы многы...».[4] Хотя библиотека Ярослава не сохранилась, по косвенным, повторяю, данным мы можем судить о том, что к концу XI в. Русь обладала весьма разнообразной в жанровом отношении книжностью. Но судьбы конкретных «ярославовых» книг проследить почти не удается, а по некоторым единичным примерам мы видим, сколь они были сложны и загадочны. Так, знаменитый Изборник 1073 г. был обнаружен в

[4] Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 66.

1817 г. К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым в библиотеке Воскресенского (Новый Иерусалим) монастыря, основанного в 1656 г. и пострадавшего от пожара в 1726 г. Характерно, что в библиотеках и архивохранилищах Украины — Киева, Львова и Одессы — из 55 единиц хранения, датируемых XI—XIII вв., 49 — это отрывки (в том числе болгарские и сербские). Из сохранившихся кодексов можно указать лишь Христинопольский апостол XI в. (Сводный каталог, № 59 и 60), Бучацкое и Оршанское евангелия XIII в. (Сводный каталог, № 244 и 342).[5]

Так не являются ли наши представления о богатой книжности домонгольской Руси, погибшей в значительной части во время монголо-татарского нашествия, всего лишь патриотической фантазией? Вовсе нет. Для реконструкции состояния древнерусской книжности этого периода есть два пути. Один из них успешно пройден Б. В. Сапуновым, который в работе «Книга в России в XI—XIII вв.» (Л., 1978) привел следующие рассуждения. На основании летописей ученый установил, что в домонгольской Руси существовало не менее десяти тысяч церквей, а так как для богослужения даже в приходской и домовой церкви было необходимо не менее восьми книг, то следовательно, предполагается как минимум наличие не менее 90 000 книг, а при оптимальном варианте даже 130—140 тысяч томов.[6]

Но есть и другая возможность судить о репертуаре древней книжности. Если иметь в виду сложность изготовления книги, ее дороговизну, дефицит переводчиков и переписчиков, естественно предположить, что усилий хватало только для обеспечения минимума книг, необходимых для богослужения.

Но среди дошедших до нас (а сохранилось ничтожно малое число древнерусских книг старшего периода) рукописей мы встретим жития святых Кондрата, Феклы, Сав-

[5] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. С. 101—103, 250—251, 295—296.

[6] *Сапунов Б. В.* Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978. С. 82—83.

вы Освященного, Пандекты Антиоха Черноризца, сборник из 13 слов Григория Богослова, Лествицу Иоанна Синайского, Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского, Толкования Ипполита на Иоанна Дамаскина, не говоря уже о разнообразных по составу Успенском сборнике или Торжественнике со Златоструем XII в. Все это свидетельствует о том, что на Руси до XIII века функционировали не только богослужебные книги, но и произведения других жанров, представлявших ценность и интерес для достаточно опытного в книжной премудрости читателя.

Но до нашего времени из всего этого богатства уцелело лишь 960 (включая отрывки) рукописей XI—XIV веков, при этом нужно допускать возможность, что часть из них сохранилась за пределами России и лишь впоследствии оказалась в составе русских хранилищ.[7] О причинах утрат книжных сокровищ подробно пишет Б. В. Сапунов в упомянутой ранее книге. По всей вероятности, допускает автор, «уцелели только доли процента былого книжного богатства Руси XI—середины XIII в.».[8]

Итак, нет сомнений в существовании библиотеки при Киевской Софии, так же как и библиотеки Софии Новгородской (по счастью сохранившейся хотя бы частично в Софийском собрании РНБ). Большими библиотеками обладали Печерский монастырь в Киеве, Юрьевский, Хутынский, Антониев и Лисицкий монастыри в Новгороде.[9] С трудом прослеживаются следы библиотеки ростовских епископов. Гипотеза об этой библиотеке была высказана выдающимся исследователем древнерусской книжности академиком А. И. Соболевским. Он относил к числу до-

---

[7] Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV века включительно) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 182.

[8] *Сапунов Б. В.* Книга в России в XI—XIII вв. С. 29.

[9] См. подробнее: *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 3—123.

шедших от нее рукописей 7 книг, среди которых Успенский сборник, Златоструй с Торжественником, Пандекты Никона Черногорца. Из Ростова происходят Житие Нифонта 1219—1222 гг. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 35) и Апостол толковый (ГИМ, Синодальное собр., № 7). Полагают, что рукописи могли быть заказаны самими князьями, ибо Евангелие Константина (ГИМ, Синодальное собр., № 262) и Слово Ипполита об Антихристе (ГИМ, Чудовское собр., № 12) — лицевые, восходящие к болгарским образцам.[10] Любопытны, но, к сожалению, не поддаются проверке сведения Татищева о библиотеке князя Константина Всеволодовича, который «великий был охотник к читанию книг и научен был многим наукам, того ради имел при себе людей ученых, многие книги греческие ценою высокою купил и велел переводить на русский язык <...> Он имел одних греческих книг более 1000, которые частию покупал, частию патриархи, ведая его любомудрие, в дар присылали сего ради».[11] Напомним, что дед Константина — Юрий Долгорукий — был женат вторым браком на Ольге, дочери императора Иоанна Комнина (годы правления — 1118—1143 гг.), сестре Мануила Комнина (годы правления — 1143—1180 гг.). Но библиотекам домонгольской Руси был нанесен огромный урон нашествием Батыя. Предполагалось даже, что половина книг, дошедших до нас от домонгольского времени, принадлежала новгородским храмам и монастырям. Так, например, основанная в 1191 г. библиотека Рождественского монастыря во Владимире погибла при взятии города в 1238 г. Г. И. Вздорнов называет единст-

[10] *Соболевский А. И.* Остатки библиотеки XIII в. // *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 205—207. См. также: *Голышенко В. С.* К гипотезе о ростовской библиотеке XIII в. // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 45—64; *Князевская О. А.* О ростовских рукописях XIII в. // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971. С. 145—152.

[11] *Татищев В. Н.* История Российская. М., 1964. Т. 3. С. 206.

венную сохранившуюся от нее рукопись — майскую Служебную минею XIII в.[12]

Больше сведений сохранилось о монастырских и храмовых библиотеках XVI—XVII вв. При этом существуют возможности изучения старых описей, но описи эти неполны, кроме того они учитывают в основном собственно монастырскую казну (т. е. книги, принадлежавшие монастырю), а не келейные книги, находившиеся в кельях монахов. По разным косвенным данным на середину XVII в. рукописей было в Троице-Сергиевом монастыре 742, Кирилло-Белозерском — 1304, Соловецком — 948, Иосифо-Волоколамском — 1150, Антониево-Сийском — 359, Ферапонтовом — 237 и т. д.[13] Известны многочисленные случаи, когда монастырские книги изымались, например, для Типографской библиотеки. Уже в XVI в. предпринимаются первые попытки сосредоточить рукописные собрания вокруг важных книжных предприятий или вокруг авторитетного деятеля книжной культуры. Так, в середине этого столетия создается «митрополичья книжная казна» в связи с работой над новыми комплектами Великих Миней Четьих (ВМЧ) — Успенским и Царским. Впоследствии «казна» была преобразована в Патриаршую библиотеку, а ее наследником является Синодальное собрание ГИМ.[14]

Особое место занимает библиотека при Печатном дворе. Существовало мнение, что она возникла в середине XVI в. вместе с основанием типографии, но оно было опровергнуто уже А. Е. Викторовым.[15] И хотя четкую грань между Патриаршей и Типографской библиотеками долгое время было провести трудно, есть основания говорить о созда-

---

[12] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XIII—начала XV в. М., 1980. С. 15.

[13] См. в книге: *Луппов С. П.* Книга в России в XVII в. Л., 1970. С. 156—157.

[14] Там же. С. 170—187.

[15] *Викторов А. Е.* Библиотека и историческая деятельность Московской синодальной типографии. М., 1859.

нии отдельной Типографской библиотеки лишь во второй половине XVII века. Сюда попали книги, привезенные Арсением Сухановым в 1655 г. с Афона — он отобрал и отослал в Москву около 500 рукописей.

Крупными библиотеками обладали Посольский и Аптекарский приказы. Известно и о личных библиотеках Артамона Матвеева, В. В. Голицына, царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, царевича Алексея Алексеевича, причем большинство в них составляли печатные иностранные книги.

Стоит упомянуть и о библиотеке Ивана Грозного. Сохранились косвенные свидетельства о ее богатстве. Библиотека досталась царю в наследство от Ивана III и Василия Ивановича. Максим Грек писал о ней: «Общее и духовное брашно всем предложи <...> да не паки в ковчезех, якоже и преже, таковое богособранное сокровище, да возсияет все обще...».[16] Более определенно сказано в «Сказании о Максиме Философе», в котором говорится, что в 1506 г. Василий «отверзе царская сокровища древних великих князей, прародителей своих, и обрете в некоторых полатах безчисленное множество греческих книг, словенским же людям отнюдь неразумны...».[17] Об авторе «Сказания» идут споры: предполагают, что оно было написано А. М. Курбским или же кем-то из лиц его окружения.[18] Ссылаются на свидетельства пастора Веттермана, которому Грозный в 1565—1566 гг. в присутствии Щелканова, Висковатого и Фуникова демонстрировал книги на греческом, латинском и еврейском языках. Однако скорее всего фальсификатом является так называемый «каталог Дебелова», согласно которому библиотека Грозного насчи-

[16] Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Казань, 1860. Ч. 2. С. 316.

[17] *Белокуров С. А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии // Сб. Московского Главного архива Министерства иностранных дел. М., 1898. С. XXXI.

[18] См.: *Калугин В. В.* Князь Андрей Курбский и Максим Грек // История и культура Ростовской земли: 1996. Ростов, 1997. С. 137—142.

тывала 800 книг.[19] Хотя у нас нет сомнений в существовании библиотеки Ивана Грозного (об этом свидетельствует как книжная эрудиция самого царя, так и «следы» этой библиотеки в виде дошедших до нас «даров» царя в монастыри, о чем писали Н. Н. Зарубин и А. А. Амосов),[20] но ее состав (в частности обилие в ней иноязычных книг) и дальнейшая ее судьба оставляют много вопросов: во всяком случае в XVII веке о ней не вспоминали, а миссия Арсения Суханова на Афон говорит о потребности в иноязычных оригиналах.

Археография в конце XVIII—начале XX в.

В XVIII в. чрезвычайно возрос интерес к отечественной истории и в связи с этим возникла необходимость в собирании, изучении и публикации исторических источников.[21] Археографическая работа проходила по трем направлениям.

Во-первых, стремились собрать наибольшее число рукописей в государственных хранилищах.

Во-вторых, осуществляется ряд научных (разумеется, в понимании того времени) изданий памятников древнерусской книжности.

В-третьих, правда, лишь в самом конце рассматриваемого периода — в 1825 г. — появляется первый печатный каталог рукописей — составленное К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым описание рукописей, принадлежащих библиофилу графу Ф. А. Толстому, впоследствии приобретенных Публичной библиотекой.

Для решения первой из названных задач существовало четыре формы.

---

[19] См. подробнее: *Козлов В. П.* Тайны фальсификации. М., 1996. 2-е изд. С. 113—132.

[20] См.: Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин; подгот. к печати, примеч. и доп. А. А. Амосова. Л., 1982.

[21] См.: *Козлов В. П.* Российская археография конца XVIII—первой четверти XIX в. М., 1999.

Указная форма. По указам Петра I, а затем Екатерины II от 1791 г. предусматривалось разыскание документов, их копирование, а подчас и изъятие с последующим помещением в государственные хранилища.

Распорядительная форма: копирование документов в архивах соответствующих ведомств.

Уставная форма. Так, в уставе Общества истории и древностей российских оговаривалось право «собирать из всех архивов <...> из монастырей и казенных библиотек требовать будет книг или рукописей под расписку» с возвращением их затем в прежние места хранения.[22]

Наконец, *экспедиционная форма* получила широкое распространение в первой четверти XIX в., когда археографы, объезжая монастыри, копировали, а иногда и изымали наиболее ценные источники. Не обходилось и без злоупотреблений: так, знаменитые «строевские» сборники в составе собрания Погодина в РНБ — это сборники, составленные Строевым из фрагментов, извлеченных им (проще говоря, «выдранных») из монастырских рукописей. Разумеется, при таком способе, «спасая» памятник, ученый одновременно лишал его конвоя, оставлял неизвестной и недоступной исследованию ту среду, в которой текст прежде находился, осложнялась датировка и атрибуция текста.

Как уже было сказано, в XVIII веке появляются и первые научные издания летописей: Радзивиловской (1767 г.), Никоновской (1767 г.), Царственной книги (1769 г.).

В 1773—1775 гг. Н. И. Новиковым издается «Древняя российская вивлиофика» — 10 томов, содержащих 260 документов: ханские ярлыки, договорные грамоты Новгорода, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, статейные списки, посольские «сказки», родословные и др. документы.

В 1804 г. по указу Александра I предпринимается издание Несторовой летописи. Но даже это упрощенное изда-

---

[22] *Козлов В. П.* Российская археография конца XVIII—первой четверти XIX в. С. 269—275.

ние по Лаврентьевскому списку не состоялось — мешал попечитель Московского университета П. И. Голенищев-Кутузов, видевший в издании стремление «учеными штудиями» скомпрометировать достоверность предания. В результате работа была прекращена, после чего издание было перепоручено Р. Ф. Тимковскому, который подготовил текст лишь до 1019 г.

Заметным явлением в научной жизни того времени было появление «кружков» — объединений интересующихся историей и литературой сановных любителей. Так, в середине 1780-х гг. возникает «Кружок любителей отечественной истории», во главе которого стоял А. И. Мусин-Пушкин.[23] Он занимал заметное место в обществе: церемониймейстер императорского двора, почетный член Академии художеств, а с 1795 г. — ее Президент, обер-прокурор Святейшего Синода (с 1791 г.). А. И. Мусин-Пушкин был страстным любителем российских древностей. Он писал императору Александру: «Изучение отечественной истории с самых юных лет было одно из главнейших моих упражнений. Чем более встречал я трудности в исследовании исторических древностей, тем более усугублялось мое желание найти сокрытые оных источники: и в течение многих лет успел я, наконец, немалыми трудами и великим иждивением собрать довольное число весьма редких летописей и разных рукописных исторических сочинений и выписок».[24] И действительно, Мусину-Пушкину удалось собрать значительную коллекцию рукописей, насчитывавшую по косвенным данным около 1100 единиц хранения,[25] коллекцию, трагически погибшую в московском пожаре 1812 г. В кружок Мусина-Пушкина в разные

---

[23] О Мусин-Пушкинском кружке см.: *Козлов В. П.* 1) Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII веке. М., 1988; 2) Российская археография конца XVIII—первой четверти XIX в. С. 51—114.

[24] Цит. по: *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». С. 70.

[25] *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». С. 83.

годы входили историки И. Н. Болтин, И. П. Елагин, архивисты А. Ф. Малиновский и Н. Н. Бантыш-Каменский. А. И. Мусину-Пушкину принадлежит ряд ценных публикаций, среди которых «Слово о полку Игореве», «Правда русская», «Поучение» Владимира Мономаха, «Книга Большому Чертежу».

Но для археографии бо́льшую пользу принес другой кружок, созданный в 1813 г. бывшим канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым. Он собрал ценнейшее собрание рукописей (ныне Румянцевское собрание РГБ), субсидировал работу членов своего кружка и прежде всего археографические экспедиции. Иждивением Румянцева были изданы 72 книги по русской и всемирной истории.

В 1811 г. по инициативе Н. П. Румянцева была создана Комиссия печатания государственных грамот и договоров. При участии Н. Н. Бантыш-Каменского, А. Ф. Малиновского, К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева в 1813 г. вышел в свет первый том «Собрания государственных грамот и договоров».[26] Собрание включало духовные и договорные грамоты, документы Земских соборов, ярлыки ордынских ханов. Всего было опубликовано более тысячи документов.

В 1815 г. вышел первый том издания «Русские достопамятности». В предисловии говорилось о намерении «издавать особый журнал, в котором должны быть помещаемы древние анекдоты, трактаты, грамоты, описание древних обрядов, посольств и других происшествий ненапечатанных и в архивах хранящихся...».[27] Провозглашенная предисловием жанровая пестрота вполне объяснима: уровень изданий первой половины XIX столетия был удручающе низок: тексты издавались по случайным спискам,

---

[26] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1813—1894. Ч. 1—5. Роспись содержания см.: Справочник сокращений, принятых в исторической литературе. М., 1964. С. 44.

[27] Русские достопамятности, изданные Обществом истории и древностей российских. М., 1815. Ч. 1. С. 1. Части 2 и 3, подготовленные Д. Н. Дубенским, вышли в свет в 1843 и 1844 гг.

оказавшимся в распоряжении издателя, датировались они «на глазок», нередко не указывался адрес рукописи — из какого хранилища или какой коллекции она взята, не назывался ее шифр, в текст вносились произвольные изменения, причем производилась унификация грамматики, не говоря уже о «исправлении» описок, что рассматривалось как достижение издателя, не повторяющего рабски все ошибки оригинала.

В указанный первый выпуск вошли Поучения Луки Жидяты, Правда Русская, Послание митрополита Никифора к Владимиру Мономаху, Грамота Всеволода Мстиславича, канонические ответы, при этом с опущением «не весьма скромных» фрагментов, послание Посошкова к Стефану Яворскому.

В 1821 году также иждивением Н. П. Румянцева и по его поручению К. Ф. Калайдовичем издается том «Памятников российской словесности», познакомивший читателя со словами Кирилла Туровского, Словом Даниила Заточника, посланием Симона Поликарпу, посланием митрополита Никифора к Владимиру Мономаху «о латинах» и др.[28]

В 1824 г. К. Ф. Калайдович издает книгу «Иоанн, екзарх болгарский» — исследование его Богословия и Шестоднева, сделав редакторское замечание: «Весьма древний список сего перевода надолго бы остался погребенным, вместе с нашим Иоанном, в большом количестве книг Синодальной Московской библиотеки, <...> которую доселе ни один из наших библиографов не обозрел критическим оком <...> если бы счастливый случай не воскресил Иоанна и не исторг неоцененных его памятников из рук забвения. С услаждением воспоминаю год и день, в который открыл я сие сокровище».[29] Эта цитата как нельзя лучше

[28] Памятники российской словесности XII века, изданные с объяснениями, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем. М., 1821.

[29] [*Калайдович К. Ф.*] Иоанн, екзарх Болгарский: Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. М., 1824. С. 17.

характеризует первые, согретые энтузиазмом первопроходцев, шаги археографов того времени. Текст Богословия сопровождался ценными приложениями — первой главой Шестоднева, Словом на Вознесение Господне и тремя фрагментами из Хроники Иоанна Малалы, извлеченными из Архивского хронографа.

Мы уже говорили о таком важном направлении археографической работы, как организация экспедиций для поиска и собирания рукописей. Румянцевым были организованы три экспедиции Калайдовича и Строева. «Путешествующий археограф», как он себя сам называл, П. М. Строев в 1823 г. сформулировал задачи археографии — «разбор и описание рукописей» и как мечтатель восклицал: «Должны же когда-нибудь исчезнуть сами собой те грубые несообразности, преувеличения, торжественные и плаксивые прикрасы, кои порождены изобретательным воображением новейших историописателей за недостатком старания отыскивать документы старины».[30] С экспедиций Калайдовича и Строева, принесших немало подлинных археографических открытий, берет начало полевая археография.

После успеха экспедиций 1817 и 1822 гг. П. М. Строев, сразу же после принятия его в члены Общества истории и древностей российских, поднял вопрос о длительной археографической экспедиции. Но его проект был отклонен: посчитали, что он представлен самонадеянным молодым человеком, дерзнувшим учить старших. Не помогла и поддержка историка Н. М. Карамзина и авторитетнейшего библиофила митрополита Евгения (Евфимия Болховитинова). Тем не менее Строеву все же удалось убедить министра просвещения С. С. Уварова, и при поддержке академика Ф. И. Круга, несмотря на противодействие церковных властей, возглавляемая П. М. Строевым экспедиция в 1829—1834 гг. обследовала 14 губерний и око-

---

[30] См.: *Андреева Т. В.* Археографическая экспедиция Академии наук 1829—1834 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. Вып. 21. С. 118.

ло 200 хранилищ. В поле ее зрения попали и были собраны тысячи документов, и 24 декабря 1834 г. была создана комиссия для их печатания, в которую вошли П. М. Строев, Н. Г. Устрялов, Я. И. Бередников, К. С. Сербинович. Возглавлял работу П. А. Ширинский-Шихматов. Основной интерес был привлечен к документам, на этом настаивал сам Николай I.

У археографической экспедиционной работы тех лет была и негативная сторона: наиболее тщательному обзору подвергались окраины, а ценнейшие грамоты, хранившиеся в Петербурге и Москве, порой не удостаивались внимания. Кроме того, Строев не отличался обязательной для архивистов профессиональной честностью, он собирал для своей личной коллекции привлекшие его внимание рукописи, не брезговал и выдиранием фрагментов с нужными ему памятниками, лишая тем самым их столь важного для их изучения «конвоя».

Так или иначе, но было заложено прочное основание для полевой археографии, которая продолжает свою историю и в наше время.

В 1837 г. создается Археографическая комиссия, целью которой стало научное описание и издание рукописей.

Наряду с концентрацией рукописей в государственных хранилищах продолжалось и формирование личных коллекций — Н. П. Румянцева, Ф. А. Толстого (свыше 1000 рукописей), П. Г. Демидова, Ф. Г. Баузе.

Здесь нужно вспомнить о драматических событиях 1812 года, когда в московском пожаре погибло не менее 13 частных коллекций, «только в трех из которых (П. Г. Демидова, Ф. Г. Баузе, Д. П. Бутурлина) находилось свыше 600 номеров рукописей».[31] И наиболее известный факт — гибель коллекции А. И. Мусина-Пушкина, насчитывавшей по косвенным данным более тысячи рукописей, как древней традиции, так и материалов XVIII—начала XIX в. Дошедший до нас каталог погибшей в огне

[31] См.: *Козлов В. П.* Российская археография конца XVIII—первой четверти XIX в. С. 279.

коллекции профессора Ф. Г. Баузе дает представление о том, какие раритеты погибли во время пожара: ведь в коллекциях собиралось и отбиралось наиболее ценное. Так, в упомянутой коллекции Баузе находилось, по данным описи, Евангелие с миниатюрами XIV в., Псалтирь XIII в., Пролог 1227 г. (старший из известных нам списков Пролога относится к рубежу XII—XIII вв.).[32] Иными словами, не погибни в 1812 г. столько ценнейших и древнейших рукописей, наши сведения о истории, литературе и культуре Древней Руси были бы существенно полнее.

В заключение скажем еще несколько слов о полевой археографии, берущей свое начало от поездок Калайдовича и Строева. Важными вехами на этом пути стали поездка С. П. Шевырева в Кирилло-Белозерский монастырь в середине века,[33] экспедиции Н. В. Калачева, обследовавшего в 1853—1854 гг. одиннадцать губерний, поездка А. Е. Викторова по северным монастырям.[34] По инициативе А. А. Шахматова, ставшего в 1899 г. директором I отделения Библиотеки Российской Академии наук, и под руководством Всеволода Измайловича Срезневского (1867—1936), с 1900 г. заведующего рукописным отделением библиотеки, были осуществлены несколько экспедиций на Русский Север, пополнившие библиотеку 450 рукописями и 50 старопечатными книгами.[35]

В наши дни археографическую полевую работу ведут библиотеки и вузы. Особенно активно занимались собиранием рукописей в восьмидесятых годах прошлого века Древлехранилище Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, Библиотека АН СССР, Московский, Новосибирский, Сыктывкарский и Уральский университеты.

---

[32] См.: *Моисеева Г. Н.* «Собрание российских древностей» профессора Баузе // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 301—344.

[33] См.: *Шевырев С. П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850. Ч. 1, 2.

[34] *Викторов А. Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890.

[35] См.: *Кукушкина М. В.* Рукописные фонды Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1988. С. 35.

Так, за 1981—1985 гг. археографами ИРЛИ РАН было найдено 613 рукописей, Уральским университетом — 596, Московским университетом — 525, археографами Новосибирска — 130 рукописей и т. д.[36] Активная собирательская работа позволила создать в местах хранения территориальные коллекции, что чрезвычайно важно для углубленного изучения региональных книжных культур.

Несколько слов об археографической работе в Институте русской литературы. Она связана прежде всего с именем Владимира Ивановича Малышева, заложившего основы коллекции древних рукописей ИРЛИ, превратившейся впоследствии в особое подразделение Института — Древлехранилище имени В. И. Малышева, в котором к настоящему времени собрано 11 000 рукописей.[37] В. И. Малышеву принадлежит и важный тезис, согласно которому археографическая работа приносит наилучшие результаты при поездках в районы, заселенные старообрядцами, так как именно у них хранятся и воспроизводятся до сих пор рукописи старой, дониконовской традиции.

Однако существенное увеличение наших рукописных фондов не должно сеять слишком радужные иллюзии.

Во-первых, сбор и помещение рукописей в государственные хранилища — это лишь первый, хотя и очень важный (ибо речь идет о сохранении рукописей) этап археографической работы. И если инвентари пополнялись в последние десятилетия (сейчас, после государственных преобразований в стране, археографическая работа свертывается из-за отсутствия средств) на сотни единиц в год, то описание рукописей идет еще крайне медленно. При этом, если так или иначе описываются новые находки

---

[36] *Литвак Б. Г., Черных В. А., Шмидт С. О.* О некоторых итогах и задачах собирания и научного описания памятников кириллической письменности и книжности // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 156—157.

[37] Об археографических экспедициях Пушкинского Дома см.: *Творогов О. В.* Рукописные собрания России: состояние изучения и описания // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 726—732; в настоящем издании с. 246—253.

археографических экспедиций, то старые фонды, как мы увидим далее, описаны еще очень плохо и далеко не во всех архивохранилищах: если можно отметить несомненные достижения археографов Российского государственного архива древних актов, то работа по описанию собраний рукописей Российской государственной библиотеки (собрание Егорова), Российской национальной библиотеки (собрание Погодина), Государственного исторического музея (Музейское собрание) еще далека от завершения.

Во-вторых, достаточно ясно, что перед нами как бы две древнерусские литературы — литература в ее классическом виде, со своим репертуаром, своей системой жанров, и старообрядческая литература XVII—XX веков, безусловно, являющаяся наследницей древнерусской литературы, но отражающая уже несколько иную структуру, отвечающую новым потребностям и запросам читателя. Эти различия еще предстоит выявить и изучить, и поэтому столь важны обобщающие исследования старообрядческой литературы, подобные работе В. И. Малышева об Усть-Цилемском собрании,[38] Н. В. Савельевой о пинежской рукописной традиции,[39] археографов МГУ о верхокамских рукописях[40] и др.

Растущие цифры единиц хранения в книгохранилищах следует воспринимать с осторожностью. Так, среди 5000 новообретенных рукописей лишь 80 (т. е. 1,5%) датируется XV—первой половиной XVII века, вместе с рукописями в едином ряду оказываются документы, к собственно литературе не имеющие отношения: дневники,

---

[38] *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.

[39] Пинежская книжно-рукописная традиция XVI—начала XX в. Т. 1: *Савельева Н. В.* Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. СПб., 2003; Т. 2: *Савельев А. А., Савельева Н. В.* Описание старопечатных изданий XV—нач. XX в. Указатели. СПб., 2005.

[40] *Агеева Е. А., Кобяк Н. А., Круглова Т. А., Смилянская Е. Б.* Рукописи Верхокамья: Каталог. Из собрания Научной библиотеки Московского университета имени М. В. Ломоносова. М., 1994.

письма, помянники, выписки из печатных изданий, юридические документы.

Перед нами стоят огромные задачи: спасти и обеспечить надлежащим хранением все, что осталось нам от великой литературы средневековой Руси и как можно скорее ввести в научный оборот, описать этот ценный материал.

Лекция вторая

ОПИСАНИЕ РЕПЕРТУАРА ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ

Древнерусские рукописные книги, хранящиеся в крупнейших библиотеках России (не говоря уже о провинциальных хранилищах), описаны еще явно недостаточно: печатные описания при этом, как увидим далее, разной степени точности и подробности охватывают, вероятно, около четверти всего рукописного фонда, собранного в библиотеках и архивах. Поэтому уже в XIX в. была поставлена задача хотя бы обзора всей сохранившейся книжности. Первым важным этапом на этом пути была работа Н. В. Волкова «Статистические сведения о сохранившихся книгах XI—XIV веков и их указатель».[1] В книге были учтены 670 рукописей из государственных хранилищ (в том числе зарубежных) и частных коллекций. Отметим, что этот список, с одной стороны, явно неполон (в Предварительном списке рукописей этого периода насчитывается 1493 единицы хранения), но с другой — содержит также сведения о рукописях, впоследствии утраченных, на что обратил внимание Б. В. Сапунов в своем разборе труда Н. В. Волкова.[2]

---

[1] *Волков Н. В.* Статистические сведения о сохранившихся книгах XI—XIV веков и их указатель. СПб., 1892 (ПДПИ. Вып. 123).

[2] *Сапунов Б. В.* Книга в России в XI—XIII вв. С. 31—38.

Уже в конце XIX века возник проект издания памятников древнерусской литературы. Предполагалось организовать систематические поиски лучших и древнейших списков. Н. К. Никольский, стоявший у истоков этого проекта,[3] несколько утопично оценивал возможности науки. В своей полемике с академиком А. С. Орловым он прямо утверждал, что пока не будет собран, систематизирован и приведен в известность фактический материал, всякое построение истории древнерусской литературы «будет опираться на песок или на воздух». «История древнерусской литературы пока еще не существует», — писал он академику А. С. Орлову в 1936 году.[4] Н. К. Никольский возглавил комиссию по изданию памятников древнерусской литературы.[5] Результатом работы ученого стал монументальный труд «Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.)» (СПб., 1906), первый выпуск словаря древнерусских книжников[6] и огромная картотека, хранящаяся ныне в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук.[7]

Но знакомство с основными трудами академика наглядно свидетельствует о его методических просчетах,

[3] См. его работу: *Никольский Н. К.* Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. СПб., 1902 (ПДПИ. Вып. 147).

[4] См.: *Рождественская М. В.* Н. К. Никольский — организатор историко-библиографического Музея славяно-русской книжности (По архивным материалам) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 400—401. См. также: *Рождественская М. В.* К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.): К 55-летию Отдела // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 3—14.

[5] [*Никольский Н. К.*] Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.). Л., 1929.

[6] *Никольский Н. К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.). Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. СПб., 1914. Вып. 1. (А—В).

[7] О картотеке Н. К. Никольского см.: *Покровская В. Ф.* Картотека акад. Н. К. Никольского // Труды БАН. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 142—150; *Адрианова-Перетц В. П.* Картотека Н. К. Никольского // ВЯ. 1961. № 1. С. 121—125.

обрекавших грандиозные предприятия Никольского на неизбежную неполноту и незавершенность. Так, в «Материалы для повременного списка» вошли очерки о договорах с греками, Сказании о мученике-варяге, о Речи философа из Повести временных лет, о Символе веры, подложном письме половца Смеры; сведения об Иларионе, Луке Жидяте, Феодосии, Иакове мнихе, Ефреме Переяславском и т. д. Автор, со свойственным ему стремлением к исчерпывающему охвату материала, своим «максимализмом» сам загнал себя в тупик. Он стремился охватить все без исключения списки избранных произведений, что невозможно уже потому, что отсутствуют исчерпывающие описания рукописей, особенно XVI—XVII вв. Во-вторых, его труд грешит некритичностью: так, он включил в свое исследование имена авторов, атрибуция произведений которым оказывается весьма спорной. В результате интересный по замыслу труд оказался *сводом данных о группах памятников, объединенных на крайне зыбких основаниях*: либо по тому, что те или иные произведения кем-то приписывались одному (гипотетическому чаще всего) автору, либо по тому, что эти памятники посвящены одному лицу. Так, в статье о переяславском епископе XI века Ефреме приводятся не только сведения о приписываемых ему сказаниях о чудесах Николая Мирликийского, но и о других памятниках, посвященных этому святому, включая даже позднее метафрастовское житие, переведенное не ранее XV века. Обращение к сомнительным атрибуциям тем более странно, что сам же Никольский писал: «Одинаково малонадежны существующие сведения о сочинениях Феодосия Печерского, митр. Георгия, черноризца Иакова, митр. Ефрема, Григория, творца канонов, и других писателей XI века. Сведения эти получены при помощи случайных списков и расшатываются после критической проверки...».[8]

---

[8] *Никольский Н. К.* Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. С. 29.

Что же касается картотеки, работу над которой с немногочисленными сотрудниками Никольский продолжал до самой смерти, то она представляет ценность лишь отдельными своими частями, более доведенными до полноты и совершенства: в ней много повторов, она рабски зависит от существующих описаний и т. д.

В огромных замыслах Никольского есть, однако, рациональное зерно, которое — причем порой без ссылок на автора идеи — претворяют в жизнь ученые последних десятилетий.

Так, в статье о картотеке Никольского В. П. Адрианова-Перетц обратила особое внимание на ценность раздела, содержащего сведения о всех славяно-русских пергаменных рукописях. Сейчас свод таких сведений представлен несколькими описаниями от крайне скупых, как в книжке Е. Э. Гранстрем о пергаменах РНБ,[9] до таких блестящих по полноте сведений и глубине анализа, как описание пергаменных рукописей БАН, ГИМ и РГБ.[10]

---

[9] *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские. Л., 1953.

[10] Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI—XVI веков / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976; *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея. Ч. 1. Русские рукописи // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 135—234; Ч. 2. Рукописи болгарские, сербские, молдавские // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 273—309; *Тихомиров Н. Б.* Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII веков, хранящихся в Отделе рукописей ГБЛ имени В. И. Ленина // Записки Отдела рукописей. Вып. 25. М., 1962. С. 143—183; Вып. 27. М., 1965. С. 93—148; Вып. 30. М., 1968. С. 87—156; Вып. 33. М., 1972. С. 213—220. Отметим, что РНБ, БАН и ГИМ не ставят временных ограничений, регистрируя все пергаменные рукописи, а РГБ ограничивается только XI—XII вв. Вышло также описание РГАДА: Каталог славяно-русских книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. Ч. 1—2. М., 1988.

Другая идея Никольского — создать исчерпывающее описание рукописного наследия — также осуществляется, но с существенными коррективами, делающими эту гигантскую задачу реально выполнимой: рукописи исследуются и группируются по хронологическим срезам.

Идея создания Сводного каталога рукописей до конца XIV в., хранящихся в СССР, принадлежит академику М. Н. Тихомирову, возглавлявшему в те годы Археографическую комиссию Академии наук, которая и стала претворять в жизнь эту грандиозную задачу.[11] Первым шагом на пути ее осуществления явилось создание Предварительного списка славяно-русских рукописей XI—XIV вв. Созданный совместными усилиями археографов различных библиотек под общим руководством Н. Б. Шеламановой список, включивший 1493 единицы хранения (напомним, что у Волкова, несмотря на то, что он учитывал и рукописи зарубежных хранилищ, 670 ед. хр.), был опубликован в 1966 г.[12] Несмотря на отдельные изъяны, о которых скажу далее, составление и публикация списка была величайшим достижением. Мы смогли, наконец, обозреть тот огромный фонд рукописей, с которым предстоит работать не одно десятилетие, увидеть в едином ряду рукописи, находящиеся в 38 хранилищах страны. Оказалось, что в РНБ 424 рукописи XI—XIV вв., в ГИМ — 306, в РГБ — 262, РГАДА — 165, БАН — 152. Далее следовали по числу рукописей Львовский государственный музей украинского искусства — 37, Центральная библиотека АН Украины — 26, Вильнюсская библиотека и Ярославский музей-заповедник — по 15 рукописей, Архив

[11] *Тихомиров М. Н.* Об охране и изучении письменных богатств нашей страны // Вопросы истории. 1961. № 4. С. 62—68. См. также: *Шеламанова Н. В.* О составлении Сводного каталога рукописей // Исторический архив. 1961. № 1. С. 179—181.

[12] Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (Для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно») // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 177—272.

СПб ИИ — 13, научные библиотеки во Львове и Одессе — по 10. По языку рукописи распределялись так: старославянских — 13, русских — 960, болгарских — 185, сербских — 299. Старейшие древнерусские рукописи относятся к XI веку — 22, к рубежу XI—XII веков — 12, к XII веку — 72, и т. д.[13]

Список не лишен недостатков, на которые тут же указала опытный палеограф и археограф Лидия Петровна Жуковская: прежде всего — он лишен указателей. Они были составлены и опубликованы рецензентом.[14] В другой своей рецензии Л. П. Жуковская указала на ряд просчетов Предварительного списка, имеющих принципиальное значение.[15]

Во-первых, есть случаи, когда части одной и той же рукописи не только находятся в разных коллекциях и хранилищах, но и зафиксированы Предварительным списком как различные единицы: если для Слепченского апостола XII в. эта раздробленность отмечена (хотя находятся его части под № 74—77), то в других случаях эта связь не ясна (см. № 263 и 255).

Во-вторых, в одном номере объединяются части конволюта — разновременные рукописи.

В-третьих, сомнительна правомерность точной датировки пергаменных рукописей (когда единственный критерий — почерк) и спорно разнесение их по разным временным рубрикам.

В-четвертых, отсутствует единообразие «родовых названий памятников»: Повесть о Варлааме и Иоасафе — Житие Варлаама и Иоасафа — Варлаам и Иоасаф; Паренесис

---

[13] Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв. С. 181—182.

[14] *Жуковская Л. П.* Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР // Советское славяноведение. 1969. № 1. С. 57—71.

[15] *Жуковская Л. П.* Замечания о «Предварительном списке» и «Сводном каталоге» славянских древних рукописей // ВЯ. 1969. № 1. С. 98—107.

Ефрема Сирина — Поучения Ефрема Сирина; Псалтирь следованная — Псалтирь с восследованием; сосуществуют Трефологий и Минея праздничная, но встречается и «глухая» Минея, под которой могут скрываться и четья, и служебная минеи.

Но иногда Л. П. Жуковская была неправа: так, следует различать Хронику Георгия Амартола и Летовник — это два отчетливо различающиеся текста, хотя в основе их лежит Хроника Георгия Амартола.[16]

В-пятых, Л. П. Жуковская отметила ошибки в указаниях на авторов произведений: Григория, папу римского, или Григория Двоеслова, смешали с Григорием Богословом; Филипп Пустынник, автор «Диоптры», назван иноком; Иоанн Синайский — это и есть Иоанн Лествичник (как автор «Лествицы»); Ипполит — римский епископ, но не папа; Никон Черногорец назван Никоном Черноризцем; Василий Великий — он же Василий Кесарийский.

Л. П. Жуковская указала на ошибки и неточности в подборе литературы.

Несмотря на отмеченные недостатки, Предварительный список, как отметила Л. П. Жуковская, очень нужен и полезен, и в каком-то смысле даже лучше, чем разрозненные описания отдельных хранилищ. К этому добавлю следующее. Предварительный список, в котором каждая рукопись, каждый отрывок имеет свой номер, позволяет «привязать» к нему последующие описания: на номер Предварительного списка будут ссылаться и составители Сводного каталога, и составители описаний отдельных собраний. Обязательно ссылаюсь на Предварительный список и я в своем Каталоге памятников XI—XIV веков, о котором речь пойдет далее.

---

[16] См.: *Истрин В. М.* Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг.-Л., 1920—1930. Т. 1—3; Летовник ськращень от различных летописьць же и поведатели и избрань и сьставлень от Георгиа грешнаго инока. СПб., 1878—1880 (Изд. ОЛДП. № 26 и 56).

Археографическая комиссия отреагировала на замечания Л. П. Жуковской: в Методических рекомендациях, предваривших выпуск Сводного каталога, был приведен рекомендательный перечень названий памятников.[17] Что же касается отсутствия указателей, то этот изъян был также преодолен в Предварительном списке славяно-русских рукописей XV в.

Готовясь к фундаментальному труду — Сводному каталогу рукописей — Археографическая комиссия опубликовала четыре выпуска методических рекомендаций, значение которых далеко выходит за рамки обычной «инструкции по описанию» и которые могут быть использованы как справочный материал всеми древниками. Поэтому я остановлюсь на этом пособии подробнее.

Первый выпуск рекомендаций (озаглавленный «Методическое пособие»)[18] содержит следующие работы:

Жуковская Л. П. Рекомендации для определения языка (извода) древних славянских рукописей. (Статья сопровождается таблицами — перечнем слов, содержащих в корне своем носовые Ѫ и Ѧ, и слов с сочетаниями -ьр-, -ър-).

Мошин В. А. Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей.

Булатова Р. В. Надстрочные знаки в южнославянских рукописях XI—XIV вв.

Колесов В. В. Знаки ударения и надстрочные знаки в русских рукописях XIV—XV вв.

Бражников М. В. Краткие методические указания и схемы по описанию древнерусских певческих рукописей.

Неволин Ю. А. Описание украшений южнославянских и древнерусских иллюминированных рукописей по XIV в. включительно.

---

[17] См.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2, ч. 1. М., 1976. С. 1—32.

[18] Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1.

Дианова Т. В. Методическое пособие по датировке рукописей с помощью водяных знаков (филиграней) бумаги.

Симонов Р. А. Об особенностях цифровой системы, употреблявшейся в кириллических рукописях X—XV вв.

Костюхина Л. М., Покровская В. Ф., Розов Н. Н., Тихомиров Н. Б., Щепкина М. В. Описание сборников.

Творогов О. В. Описание хроник, хронографов и хронографических компиляций.

Щапов Я. Н. Некоторые юридические и канонические памятники в славянской письменности XII—XV вв.

Бубнов Н. Ю. Славяно-русские прологи (с перечнем чтений, позволяющих отличить первую от второй редакции Пролога).

Рогов А. И. Минеи (справка).

Тихомиров Н. Б. Ирмологий (ненотный).

Мещерский Н. А. Памятники ветхозаветной письменности в древней славяно-русской рукописной традиции.

Жуковская Л. П. Славяно-русские евангелия XI—XIV вв.

Во второй выпуск (несколько изменивший заголовок)[19] вошел перечень рекомендуемых наименований памятников, статьи о филигранях (Л. П. Жуковская), о переплетах (С. А. Клепиков), а также статьи о различных памятниках: летописях (Б. М. Клосс и Я. С. Лурье), хронографах (В. А. Рыбин и О. В. Творогов), Христианской топографии Козмы Индикоплова (Л. А. Илюшина), шестодневах повествовательных (Г. С. Баранкова), ветхозаветных апокрифах (Н. А. Мещерский), патериках (В. Р. Федер), огласительных поучениях Феодора Студита (Д. С. Ищенко), сборниках со словами Кирилла Туровского (Т. А. Алексеева), математических текстах (Р. А. Симонов), церковных и монастырских уставах (Д. С. Ищенко), служебниках и требниках (Н. Н. Розов), октоихе (Н. Б. Шеламанова), По-

[19] Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1 и 2.

стной и Цветной триоди и древнерусских песнопениях (М. А. Момина) и Апостоле (О. П. Лихачева).

В 1990 г. выходит третий выпуск «Рекомендаций»,[20] в который наряду со статьями о филигранях (В. М. Загребина и Е. М. Шварц), сопровождающимися атласом филиграней и обширной библиографией, составленной Ю. В. Андрюшайтите, о календарных таблицах (А. М. Пентковский) и переплетах (В. В. Калугин) входят статьи о жанрах и сборниках — о синодиках (И. В. Дергачева), Житиях Сергия и Никона Радонежских (Б. М. Клосс), Златоструе (М. С. Фомина), Торжественнике и Златоусте (Т. В. Черторицкая) и Измарагде (Б. М. Пудалов).

Четвертый выпуск «Рекомендаций» в свет не вышел, а пятый посвящен составу «Златой цепи».[21]

Таким образом, «Рекомендации» представляют интерес не только для археографов-описателей, но и для всех исследователей древнеславянской книжности.

Важнейшим итогом этого направления археографической работы явился первый том Сводного каталога, охвативший 494 рукописи XI—XIII вв.[22] Во всех рецензиях на это издание подчеркивались его достоинства — скрупулезность описания, подбор библиографии, система указателей: рукописей, имеющих специальные названия, руко-

---

[20] Методические рекомендации... М., 1990. Вып. 3, ч. 1 и 2.

[21] Методические рекомендации... / Сост. М. С. Крутова. Новосибирск, 1990. Ч. 1 и 2.

[22] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. Рецензии: А. А. Амосова (Советские архивы. 1986. № 5. С. 78—81); В. П. Вомперского (ИОЛЯ. 1986. № 5. С. 78—81); О. А. Князевской (Каталог рукописных сокровищ: Бюллетень МАИРСК. 1986. № 4. С. 74—76); А. И. Копанева (Вопросы истории. 1986. № 12. С. 131—133); Н. А. Мещерского (ВЯ. 1986. № 6. С. 129—132); А. С. Мыльникова (История СССР. 1987. № 1. С. 192—195); Х. Роте (Език и литература. 1985. № 4. С. 106—115); Н. И. Толстого (Памятники рукописной книжности / Вестник АН СССР. 1987. № 12. С. 128—131); Hoffmann P. (Zeitschrift für Slawistik. 1987. Bd 32. H. 1. S. 152—153); Marty B. (Russian Lingvistics. 1986. № 10. P. 333—351).

писей, произведений и авторов, хронологический указатель, указатель по изводам, иллюстрированных рукописей, нотированных рукописей, рукописей по хранилищам, имен писцов, исследователей.

Второй том Каталога, содержащий описание рукописей XIV века, планируется в трех выпусках. Пока что вышел только первый выпуск, охватывающий памятники на буквы А—Л, от статьи *Апокалипсис* до статьи *Летопись Лаврентьевская.*[23] В него вошли 384 рукописи. Кроме того в Приложении I помещены дополнения, уточнения и поправки к более чем ста рукописям, описанным в Каталоге XI—XIII веков.[24] Я, без сомнения, отношу этот раздел к достоинствам Каталога: составители спешат сообщить о сделанных после его завершения уточнениях и новых наблюдениях, сообщают о вышедших в последние годы печатных работах. Подобные поправки еще раз напоминают нам о том, сколь сложна археографическая работа, даже если она выполняется высококвалифицированными учеными.

Второе приложение содержит сведения о новонайденных рукописях (по преимуществу — отрывках), отсутствующих иногда и в Предварительном списке.[25]

Том содержит ряд указателей, в числе которых указатель рукописей по хранилищам и фондам и указатель авторов и сочинений. Важен также указатель соотношений между Предварительными списками и Сводным каталогом. Словом, сделано все для достижения наибольшей полноты и точности в наших сведениях о рукописном наследии.

Не дожидаясь окончания работы над Сводным каталогом, Археографическая комиссия подготовила и выпусти-

---

[23] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век. Вып. I (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская). М., 2002.

[24] Там же. С. 559—591.

[25] Там же. С. 592—664.

ла Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в.[26] Этот список включает 3422 единицы хранения. Учитывая замечания Л. П. Жуковской на Предварительный список рукописных книг XI—XIV вв., данный список сопроводили рядом указателей: указателем рукописей, имеющих специальные названия, указателем произведений, рукописей и авторов (действительных и гипотетических), указателем распределения рукописей по языковым изводам, указателем пергаменных рукописей, лицевых и имеющих заставки, нотированных, указателем рукописей по хранилищам и фондам, который позволяет наглядно оценить богатство или, напротив, бедность отдельных собраний, а также помогает при наведении разного рода справок.

Завершает Список приложение — перечень 73 рукописей, не вошедших в Предварительный список XI—XIV вв.

Однако семь лет спустя потребовалось выпустить Дополнения к Предварительному списку,[27] которые на первый взгляд могут повергнуть читателя в недоумение и если угодно — в негодование.

В этом Дополнении несколько разделов.

Во-первых, исправляются датировки:

В Предварительный список XV в. ошибочно включены 5 рукописей XIII в., 89 рукописей XIV в., 126 рукописей XVI в., 6 рукописей XVII в.

Особенно изменились соотношения рукописей XIV—XV вв.: их было 1018 единиц, но из XIV в. в XIII в. перенесено 30, а из XIII в XIV — 40.

Было добавлено 64 рукописи XIV в., из XV в. в XIV в. перенесено 90, а из XIV в XV — 37.

---

[26] Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986.

[27] Дополнения к Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1986 / Сост. Н. А. Охотина, А. А. Турилов. М., 1993.

Всего добавлено 325 рукописей (новых): 9 с точной датой, первой половины XV в. 78, второй половины XV в. — 156, конца XV—начала XVI — 85.

Внесено множество исправлений в датировку, шифры, дефиниции.

Причины неточностей и пропусков в Предварительном списке рукописей XI—XIV вв. вполне понятны. Рукописи Синодального собрания, например, датировались по работе А. А. Покровского,[28] и многие из них потребовали уточнения и исправления датировки; вообще передатированными оказались в большинстве своем рукописи, сведения о которых извлекались из старых описаний. В Предисловии к Дополнениям[29] А. А. Турилов объясняет причины и источники ошибок в датировке. Так, например, восточнославянские пергаменные рукописи раньше «удревнялись», а южнославянские — омолаживались. Сказывалось и то, что критерии, подходящие для древнерусских рукописей, не годятся для южнославянских: здесь раньше проявляется многообразие почерков, раньше появляется полуустав и т. д. Особенности отличают и молдавские рукописи: в них распространено каллиграфическое письмо, среднеболгарская орфография, пергамен сохраняется вплоть до XVII в., поэтому нередко молдавские пергаменные рукописи XV—XVI вв. принимались за болгарские XIV в. и наоборот. Для восточнославянских рукописей было характерно употребление пергамена или бомбицины (толстой бумаги) вплоть до XIV—первой половины XV в., орфография поздно подверглась второму южнославянскому влиянию — отсюда ошибочное удревнение рукописей: из первой половины XV в. их переносили в XIV в. В 1400—1410 гг. в скрипториях Северо-Восточной Руси (Москва, Подмосковье, Кирилло-Белозерский монастырь) появля-

---

[28] *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обозрение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом времени образования этих хранилищ. М., 1916.

[29] Дополнения к «Предварительному списку...». С. 3—38.

ется много рукописей, написанных новыми полууставными, южнославянскими по происхождению почерками с сильным влиянием среднеболгарской орфографии и с орнаментикой балканского и реже неовизантийского стиля. Для Новгорода такая грань приходится на период 1420—1430 гг.

Дополнения содержат также исправления к перечню рукописей, вошедших в Предварительный список XV в. (с. 53—77) и дополнения к нему же (с. 78—105), включающие 325 номеров, что необходимо учесть при общем подсчете рукописей XV в. К ним следует добавить еще 24 рукописи, вошедшие в дополнения к Дополнениям (с. 151—153).

Следует заметить, что новые характеристики и датировки, возможно, будут впоследствии уточнены или даже пересмотрены, что в полной мере оправдывается сложностью материала.

Дополнения содержат также Указатель рукописей по хранилищам и фондам с обязательным указанием номеров по Предварительному списку XV в. Таким образом, Археографической комиссией проделана огромная работа по подготовке к очередному археографическому предприятию — Сводному каталогу рукописных книг XV в. Однако пока мы имеем только описание рукописей XV в. РГАДА.[30]

Замыслы Никольского открывают и другое направление: помимо каталога рукописей возможно и создание каталога памятников, что далеко не одно и то же.

Эта задача на источниковедческом (не археографическом) уровне была решена И. У. Будовницем, составителем «Словаря русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII века»,[31] и затем блестя-

---

[30] Каталог славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / Сост. И. Л. Жучкова, Л. В. Мошкова, А. А. Турилов. М., 2000.

[31] *Будовниц И. У.* Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962.

ще воплощена в «Словаре книжников и книжности Древней Руси».[32] На археографическом уровне эта задача была поставлена мною в статье «Древнерусская книжность XI—XIII веков (о каталоге памятников)»[33] и частично осуществлена, применительно к сборникам XII—XIV вв., в серии статей.[34] Здесь важно подчеркнуть методологическое отличие от Никольского: материал изучается по хронологическим отрезкам и со строго очерченным кругом источников. Первым «островком» книжности, подвергшимся такому сплошному описанию и исследованию, были описания пергаменных рукописей БАН, РГБ, РНБ, ГИМ и РГАДА.[35] Следующий этап — описание рукописей XI—XIII вв. — осуществлен, над Сводным каталогом XIV в. ведется работа. Если впоследствии удастся создать каталог рукописей XV в., то мы сможем говорить о важном прорыве в систематическое описание репертуара древнерусской книжности.

Но вернемся к каталогу памятников. Уже в процессе работы над циклом статей о репертуаре сборников XI—XIV вв. я стал ощущать недостаточность этого обзора и необходимость создания каталога всех памятников письменности, как отдельных кодексов, так и статей в составе сборников, дошедших до нас в списках XI—XIV вв. В на-

---

[32] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.-СПб., 1987—2004.

[33] См.: Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История. Сб. статей к IX Международному съезду славистов. Л., 1983. С. 5—18. См. в настоящем издании с. 291—212.

[34] *Творогов О. В.* 1) Древнерусские четьи сборники XII—XIV веков. Статья первая // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 197—214; 2) Древнерусские четьи сборники XII—XIV веков (Статья вторая: Памятники агиографии) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 196—225; 3) Древнерусские четьи сборники XII—XIV веков (Статья третья: Сказания и гомилии на сюжеты священной и церковной истории) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 3—33; 4) Древнерусские четьи сборники XII—XIV веков (Статья четвертая: Дидактические гомилии) // ТОДРЛ. СПб., 1998. Т. 51. С. 20—42.

[35] См. примеч. 9, 10.

стоящее время этот Каталог завершен и опубликован в 56 и 57 и 59 томах ТОДРЛ.[36]

Каталог описывает памятники по сюжетным и жанровым разделам. Таких разделов в Каталоге 14: 1 — Библейские книги (кодексы и фрагменты); 2 — Богослужебные книги; 3 — Сборники (в этот раздел входит перечень сборников с самой общей их характеристикой: входящие в сборники памятники и статьи рассматриваются в соответствующих разделах Каталога). Далее следуют разделы: 4 — Патристика и сочинения славянских авторов; 5 — анонимные гомилии; 6 — агиография (жития и памятники житийного цикла; Патерики и патериковые повести); 7 — Сказания и гомилии на сюжеты священной и церковной истории (сюда входят и апокрифы); 8 — Летописи и хроники; 9 — Церковное и гражданское право; 10 — Уставы; 11 — Энциклопедические статьи; 12 — Статьи богословские и дидактические; 13 — Повесть о Варлааме и Иоасафе; 14 — Пчела. Завершает Каталог указатель начальных слов.

Каждая статья Каталога содержит научное название памятника, его инципит, перечень списков XI—XIV в. с обязательным указанием номера по Предварительному списку XI—XIV вв., сведения о литературе, посвященной памятнику, и изданиях его текста. Всего в Каталоге учтено более 800 памятников. Естественно, не во всех случаях я смог выделить отдельные компоненты: так, не расписаны постатейно богослужебные книги, в частности служебные минеи, не расписан постатейно Пролог. Естественен вопрос — почему? Дело в том, что согласно принципам Каталога должны быть указаны *все* списки данного памятника в определенных Каталогом временных пределах. А это значит, что каждая проложная статья должна быть учтена *по всем спискам* Пролога, что на данном этапе работы не представлялось возможным. Есть у Каталога и

[36] *Творогов О. В.* Древнерусская книжность XI—XIV веков: Каталог памятников // ТОДРЛ. Т. 56. СПб., 2004. С. 3—45; Т. 57. СПб., 2006. С. 368—430; Т. 59 (в печати).

еще один изъян: московские рукописи в основной своей части расписаны по печатным описаниям. Описания некоторых сборников сделали для меня московские коллеги, за что приношу им огромную благодарность. Но то, что извлеченные из описаний названия и инципиты памятников не были просмотрены de visu, конечно, оставляет место для неточностей и ошибок. Что же касается датировок рукописей, то я стремился учесть все передатировки и уточнения, сведения о которых попали в известную мне литературу и прежде всего в уже рассмотренные Дополнения к Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в.

В заключение упомяну важный аннотированный каталог-справочник о письменных памятниках X—XIII веков, составленный коллективом Института российской истории под руководством Я. Н. Щапова.[37] В Каталоге рассмотрены 273 письменных памятника, расположенные в следующих рубриках: Летописи и Своды, Летописные статьи в сборниках, Византийская хроника (речь идет о «Летописце вскоре» Никифора с русскими дополнениями), Повести и легенды, Хождения, Поэтические публицистические произведения, Поучения и похвальные слова, Жития, Послания и т. д. При всей ценности Каталога, сообщающего краткие сведения о включенных в него памятниках с основной библиографией, он лишь косвенно соотносится с Каталогом памятников, и прежде всего потому, что в Каталог Щапова памятники вошли в соответствии с датой их предполагаемого создания, а не с учетом сохранившихся списков. Во-вторых, ряд памятников вычленен произвольно, как, например, отдельные фрагменты, входящие в состав летописных сводов. Кроме того, указываются лишь старшие списки памятников, зачастую выходящие за рамки XI—XIII вв.

---

[37] Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003.

Следует признать, что Каталог Щапова корректирует хронологическую условность нашего Каталога, в который вошли памятники лишь в тех случаях, если они сохранились в списках XI—XIV вв. Однако нарушение этого, пусть формального, условия открывает возможности для гипотетического расширения «репертуара» памятников: в каталоге Щапова встречаются тексты, дошедшие до нас лишь в списках XVI в. Так в него включено, например, «Слово о полку Игореве», написанное, как полагает большинство ученых в XII в., но дошедшее до Нового времени лишь в сборнике-конволюте XVI—XVII вв.

Словом, Каталог Щапова ценен, но он построен по совершенно иным, игнорирующим археографические показатели, принципам.

Лекция третья

ОСНОВНЫЕ СОБРАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ. МОСКВА

Итак, существуют два пути описания нашего рукописного наследия: создание сводного каталога, содержащего сведения обо всех рукописях независимо от их местонахождения, расположенных в последовательности временных периодов, когда эти рукописи были созданы, и другой путь — описание отдельных собраний и коллекций рукописей. Именно в этом случае представляется возможность наиболее обстоятельно описать внешние черты каждой рукописи и наиболее полно раскрыть ее содержание.

Древнерусская рукописная книга в основной своей массе собрана в крупнейших архивах и библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Ярославля, Великого Новгорода, Твери, а также рассеяна по более мелким провинциальным книгохранилищам и частным коллекциям.[1]

---

[1] Это, например, хранилища, библиотеки и музеи Астрахани, Владимира, Вологды, Екатеринбурга, Иванова, Иркутска, Костромы, Курска, Нижнего Новгорода, Омска, Перми, Петрозаводска, Пскова, Ростова, Рязани, Саратова, Сергиева Посада, Сыктывкара, Тобольска, Томска, Тулы, Тюмени, Череповца, Якутска. Некоторые сведения о публикациях описаний рукописных собраний этих городов, а также Новосибирска и Ярославля см.: *Творогов О. В.* Рукописные собрания России: Состояние изучения и описания. С. 732—744; в настоящем издании с. 255—269.

В лекциях мы сможем охарактеризовать только наиболее крупные собрания рукописей в Москве и Санкт-Петербурге.

По количеству рукописей XI—XV вв. эти хранилища распределяются так: в Российской национальной библиотеке — более 1330 рукописей, в Российской государственной библиотеке — более 1080, в Государственном историческом музее около 920, в БАН — более 340, в РГАДА — более 300. Я не называю точных цифр не случайно: процесс уточнения датировок рукописей продолжается, как мы могли убедиться на прошлой лекции, до сих пор, и точные цифры, принятые на сегодняшний день, могут, в конечном счете, оказаться неверными. Поэтому приведенные мною данные могут лишь в общих чертах характеризовать распределение рукописей по хранилищам страны.

Представляет интерес «Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей»,[2] но к нему нужно относиться с осторожностью; он содержит несколько прямо-таки фундаментальных ошибок, относящихся к характеристике крупнейших собраний: Румянцевского собрания в РГБ, Погодинского и собрания Новгородского Софийского собора в РНБ. Об этом я скажу при характеристике этих собраний. Кроме того, Справочник, естественно, устарел: он содержит сведения по состоянию на середину прошлого века. Поэтому обращаю внимание на мою статью «Рукописные собрания России. Состояние изучения и описания».[3]

Перейдем к характеристике основных собраний. Начнем с **Российской государственной библиотеки.** Прежде всего, скажу о чрезвычайно важном справочнике: «Рукописные собрания государственной библиотеки СССР име-

---

[2] Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей / Сост. Н. Ф. Бельчиков, Ю. К. Бегунов, Н. П. Рождественский. М.; Л., 1963.

[3] *Творогов О. В.* Рукописные собрания России: Состояние изучения и описания. С. 709—744; в настоящем издании с. 213—274.

ни В. И. Ленина». Замысел его принадлежит старейшему на время начала работы над справочником и, безусловно, авторитетнейшему сотруднику Отдела рукописей — Илье Михайловичу Кудрявцеву (1907—1982).[4] Об общем замысле работы говорится в статье Л. В. Тигановой.[5]

Указатель должен был состоять из четырех томов:

1. Исторические справки о каждом собрании;

2. Указатель названий рукописей и произведений (по специально отобранному перечню);

3. Указатели имен и географических названий;

4. Художественное оформление.

Трудно переоценить значение такого указателя, если учесть, что до полного описания рукописей библиотеки еще очень далеко, а машинописные описания собраний труднодоступны, особенно для иногородних читателей.

К сожалению, вышел в свет только первый том в трех выпусках.[6] Первый выпуск содержит справки о собраниях, поступивших в библиотеку в 1862—1917 гг., а именно о собрании Н. П. Румянцева, Музейном, Т. Ф. Большакова, В. М. Ундольского, Д. В. Пискарева, И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича, А. Н. Попова, Н. С. Тихонравова и других — всего о 25 собраниях. Во втором выпуске содержатся справки о собраниях, поступивших в библиотеку в 1917—1947 гг. среди которых собрания Московской духовной академии, Иосифо-Волоколамского монастыря,

---

[4] См. о нем: Список работ И. М. Кудрявцева / Сост. Ю. Д. Рыков, Л. В. Тиганова // Записки Отдела рукописей. М., 1977. Вып. 38. С. 12—14; *Державина О. А.* Илья Михайлович Кудрявцев: Некролог // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 454—455; *Рыков Ю. Д.* Археографическая деятельность И. М. Кудрявцева // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 182—184; и др. работы.

[5] *Тиганова Л. В.* Подготовка каталога-справочника русско-славянских рукописей (Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина) // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 148—160.

[6] Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Указатель. Т. I. Вып. 1 (1862—1917). М., 1983; Вып. 2 (1917—1947). М., 1986; Вып. 3 (1948—1979). М., 1996.

Троице-Сергиевой лавры, Е. Е. Егорова, П. А. Овчинникова и другие — всего 31 собрание. Наконец, в третий выпуск вошли справки о приобретениях с 1948 по 1979 г., среди которых собрание Отдела рукописей, территориальные собрания: Смоленское, Вологодское, Нижегородское, Рязанское, Гуслицкое, Саратовское, Калужское, Ярославское и собрания отдельных коллекционеров и библиофилов. Всего в выпуске содержатся справки о 30 собраниях.

Начиная с 1979 г. все сведения о новых поступлениях в Рукописный отдел РГБ публикуются в Записках Отдела рукописей, в разделах «Рукописи, поступившие... в собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции» и «Рукописи, присоединенные к ранее поступившим собраниям».

Указатель «Рукописные собрания» содержит справки о каждом из 86 собраний Отдела, состоящие из четырех разделов: в первом — история создания собрания, сведения о собирателе, во втором — характеристика собирательской деятельности, источники, из которых сформировалось собрание, в третьем — обстоятельства и время поступления собрания в библиотеку, и, наконец, в четвертом — характеристика собрания с выделением наиболее интересных рукописей. Здесь же указываются печатные и неопубликованные описания собрания.

Завершим эту часть своеобразным рейтингом по количеству книг XV века в каждом из собраний: первое место занимает собрание Троице-Сергиевой лавры с 226 рукописями, затем следуют собрания Егорова (87), Иосифо-Волоколамского монастыря (62), Музейное (57), Румянцевское (41), Ундольского (38), Рогожского кладбища и Овчинникова — по 36, Тихонравова (30), Московской духовной академии (28), Пискарева (24), Большакова (17) и т. д. Если же учитывать рукописи XI—XIV вв., то рейтинг будет иным: на первое место выйдет Румянцевское собрание с 31 рукописью, за ним последует собрание Ундольского (23), Троице-Сергиевой лавры (20), Музейное (14)... Все зависело от интересов собирателей, времени и условий формирования собрания и от иных причин.

Охарактеризуем отдельные собрания.

1. В составе *собрания Румянцева* (фонд 256) 1249 ед. хр. под 836 номерами. Из них славяно-русских рукописей — 562, латинских и греческих — 261, восточных — более 25. Следует учитывать, что какие-то рукописи впоследствии были изъяты, какие-то имеют один номер на несколько единиц хранения. Славянских рукописей XII—XVI вв. — 185, пергаменных — 45.

Крупнейшее древлехранилище страны возникло на базе «Румянцевского музеума» — личной коллекции графа Николая Петровича Румянцева (1754—1826) — страстного собирателя, археографа по призванию, объединившего вокруг себя кружок единомышленников («Румянцевский кружок» — В. Г. Анастасевич, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Х. Востоков, митрополит Евгений (Евфимий Болховитинов), К. Ф. Калайдович, П. И. Кеппен, П. М. Строев и др.). Собрание Румянцева — «Румянцевский музеум» («Русский национальный музей древностей»)[7] с 1829 г. находилось в ведении Министерства народного просвещения (библиотекарь А. Х. Востоков), с 1845 г. — в ИПБ (ныне РНБ), а в 1861 г. перевезено в Москву, где, объединившись с Московским Публичным музеумом, составило одно из его основных собраний — Румянцевское, все же «добавления» к нему по большей части составляли Музейное собрание. Румянцевское собрание имеет обстоятельное — и для своего времени образцовое — описание, составленное известным славистом А. Х. Востоковым, бывшим библиотекарем Румянцевского музеума.[8] Кроме того, имеется ма-

---

[7] Деятельность кружка Н. П. Румянцева рассмотрена в работах В. П. Козлова: *Козлов В. П.* 1) К истории комплектования Румянцевского собрания русских и славянских рукописей / Записки Отдела рукописей. Вып. 41. М., 1980; 2) Колумбы российских древностей. М., 1981; 3) Российская археография конца XVIII—первой четверти XIX в. С. 169—230.

[8] *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума. М., 1842. См. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 1. С. 14—27.

шинописное описание дополнительных номеров — № 474—527. Следует сразу же отметить грубую ошибку Справочника-указателя, в котором под № 1108 описание Востокова отнесено к Музейному собранию.

Востоков подходил к описанию как исследователь, указывал библиографию, источники, комментировал, но все это не носило систематического характера. Трудность вызывает и порядок описания: оно расположено в алфавите названий, порой весьма произвольных (Ветхаго завета книги, Вологдина Летописец, Георгия монаха временник, Даниила игумена хождение). Названия памятников условны, начальные слова приводятся спорадически, датировка, как и в большинстве описаний XIX в., устанавливается по почерку («полуустав XVI века»). Описание сопровождает Алфавитный указатель имен и предметов.

2. *Музейное собрание* (фонд 178) — вторая составляющая Публичного и Румянцевского музеума. Оно продолжало пополняться с 1861 г. до 1947 года, когда новые поступления стали регистрироваться в Собрании Отдела рукописей. В Музейном собрании по нумерации более 11 000 рукописей, фактически же — 4627 номеров (9681 ед. хр.), так как многие комплексы рукописей были выделены в отдельные фонды (так, в 1-м томе Описания 3005 номеров, но всего 577 ед. хр.). В оставшейся части собрания лишь около 70 рукописей XI—XIV вв.

Существующее описание[9] сделано по новейшим принципам — с датировкой по филиграням, с приведением начальных слов, в необходимых случаях с лингвистической характеристикой. Описание сопровождается тремя указателями: хронологическим, систематическим (с выделением раздела История), указателем имен и названий.

Недостатком (для читателя) является то, что рукописи описаны в порядке их поступления в библиотеку. В 1-й том вошли рукописи, поступившие в 1862—1885 гг.

---

[9] Музейное собрание рукописей: Описание / Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961. Т. I. № 1—3005.

Как уже было сказано, первоначально в составе собрания находились рукописи частных коллекций, впоследствии выделенных как самостоятельные фонды. Так, начиналось Музейное собрание рукописями Т. Ф. Большакова, имевшими соответственно № 1—435, собрание А. С. Норова входило под № 945—963, собрание И. Я. Лукашевича и М. А. Маркевича — под № 1036—1242, собрание Д. В. Пискарева — под № 436—639 и т. д. Это нужно помнить, так как в работах XIX в. иногда рукописи этих собраний представлены под бывшими у них номерами Музейного собрания. В 1997 г. вышел второй том Описания Музейного собрания, в который вошли рукописи, приобретенные в 1886—1920 гг.[10] Он включает рукописи под № 3006—4500, но фактически 872 ед. хр., так как многие рукописи были выделены в отдельные фонды.

3. *Собрание Тихона Федоровича Большакова* (фонд 37), московского купца-старообрядца (1794—1863), сменившего кожевенную торговлю на специализацию антиквара, любителя старины, «неутомимо следившего за всеми редкостями и достопамятностями по этой части».[11] Он был связан со многими учеными и коллекционерами, способствовал передаче в Публичную библиотеку собрания М. П. Погодина.

Собрание Большакова содержит 525 ед. хр. под 438 номерами. Оно имеет печатное описание Г. П. Георгиевского.[12] Единственным его недостатком является условность датировки — по почерку; статьи расписаны с заголовками, начальными словами. Описание сопровождают три

---

[10] Музейное собрание рукописей: Описание / Изд. подгот. Т. А. Исаченко. Т. 2. № 3005—4500. М., 1997. О Музейном собрании см. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 1. С. 28—42.

[11] *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. 1, кн. 2. С. 1322.

[12] *Георгиевский Г. П.* Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в имп. Московском и Румянцевском музее. Пг., 1915. См. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 1. С. 77—83.

указателя: Алфавитный, Указатель имен и предметов и Указатель сказаний и слов: по заглавиям и по начальным словам.

4. *Собрание Ундольского* (фонд 310). Выпускник Московской духовной академии Вукол Михайлович Ундольский (1816—1864) служил в Московском государственном архиве Министерства иностранных дел (МГАМИД) и Московском архиве Министерства юстиции. Страстный собиратель и ученый-исследователь, библиограф и палеограф. Его ценное собрание насчитывает 1704 ед. хр. под 1549 номерами. Оно имеет также печатное описание, составленное самим В. М. Ундольским с дополнениями А. Е. Викторова.[13]

В. М. Ундольским описано 579 рукописей, распределенных по разделам. К сожалению, в эту — подробно расписанную — часть вошли по преимуществу рукописи религиозного содержания; раздел «Смесь», куда вошли и сборники, едва начат. Но зато очерк Викторова дает на первых порах достаточное представление об остальной части, так как сборники, сгруппированные по векам, описаны постатейно (путем перечисления важнейших памятников).

Остальная часть имеет машинописное описание.

5. *Собрание И. Д. Беляева* (фонд 29). Иван Дмитриевич Беляев (1810—1873), историк, профессор Московского университета, секретарь Общества истории и древностей российских, служил в Министерстве юстиции, где разбирал и готовил к публикации грамоты, разрядные книги и другие документы.

Собрание содержит 190 ед. хр. (среди них одна рукопись XIV в. и одна — XV в.). Собрание имеет печатное

---

[13] Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с № 1 по 579-й с приложением Очерка собрания рукописей В. М. Ундольского, в полном составе, А. Е. Викторова. М., 1870. См. также издание: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 1. С. 84—97.

описание, сделанное А. Е. Викторовым,[14] но достаточно подробно описан лишь старший сборник XIV в. — № 54. Спорадический характер носят в описании и комментарии. В основном, собрание представлено архивными материалами.

6. *Собрание Д. В. Пискарева* (фонд 228). Дементий Васильевич Пискарев (1797—1865) — старообрядец, торговец-антиквар. После его смерти А. Е. Викторов отобрал для библиотеки 226 ед. хр. (214 номеров). Имеется печатное описание.[15]

7. *Собрание Николая Саввича Тихонравова* (фонд 299) — академика, профессора Московского университета, исследователя древнерусской литературы (1832—1893). Страстный коллекционер, в собрании которого находились и редкие литературные памятники, частично им самим изданные. Известно, что Тихонравов охотно разрешал пользоваться материалами своего собрания: на его рукописи ссылались Н. П. Барсуков, В. М. Истрин, А. Н. Попов, А. Н. Пыпин и другие исследователи. Собрание содержит 746 ед. хр. (732 номера). В собрании 19 рукописей XIV—XV вв., 98 — XV—XVI вв. Имеется (к сожалению, очень краткое) описание, составленное Г. П. Георгиевским.[16]

8. *Собрание Е. Е. Егорова* (фонд 98). Егор Егорович Егоров — московский купец-старообрядец, коллекционер, знаток и истинный ценитель, обладал огромным собранием рукописей, икон и других предметов старины. За Лице-

---

[14] *Викторов А. Е.* Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. См. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 1. С. 152—160.

[15] *Викторов А. Е.* Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями после Д. В. Пискарева. М., 1871. См. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 1. С. 108—116.

[16] *Георгиевский Г.* Описание собрания Н. С. Тихонравова. М., 1913. (Отд. оттиск из Отчета Московского Публичного и Румянцевского музеума за 1912 г.). См. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 1. С. 213—222.

вой хронограф 1512 г. (посл. четв. XVI в.) (№ 202) заплатил 5500 рублей, но смог «по дешевке» купить оригинал Поморских ответов. А. И. Соболевский считал его третьим после Уварова и Барсова владельцем отличных коллекций. Е. Е. Егоров был убит грабителями 15 декабря 1917 г., но Г. Георгиевский уже 19 декабря обратился в Наркомат имуществ и добился, чтобы собрание рукописей было передано в библиотеку. Было спасено и передано в музеи множество икон и предметов церковной утвари.[17]

Собрание Егорова исключительно ценно. В нем 2180 ед. хр., среди них 2 ед. хр. XIV в., 2 — конца XIV—начала XV в., 65 — XV в., 22 — конца XV—начала XVI в., 450 — XVI в. Хотя в собрании преобладают культовые книги, памятники патристики, аскетики и богословской полемики, в нем широко представлена также оригинальная и переводная литература. Достаточно указать на наличие в собрании 55 прологов в списках XV—XVII вв., около 40 минейных торжественников, 12 миней-четий в списках XVI—XVII вв., 23 патерика.

В настоящее время ведется работа по подготовке печатного описания собрания.

9. *Собрание Московской духовной академии* (фонд 173.I), насчитывающее 442 ед. хр., имеет лишь частичное описание, составленное архимандритом Леонидом.[18] В то же время в составе собрания немало раритетов: лицевая Хроника Георгия Амартола перв. трети XIV в., летописи — Ермолинская, Московско-Академическая, Иоасафовская, Троицкий список Новгородской первой летописи. Подчеркиваю, что наличие описания Леонида, включающего все-

[17] См.: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 2. С. 61—84.

[18] *Леонид, архим.* Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св.-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). Вып. 1—2. М., 1887. См. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 2. С. 85—109.

го 140 рукописей, не должно создавать иллюзии об известности всего собрания.

10. *Небольшое собрание Иосифо-Волоколамского монастыря* (фонд 113) — 242 ед. хр. — тем не менее очень ценно: в нем, в частности, сохранился полный комплект четьих-миней XV в. В настоящее время собрание монастыря раздроблено: часть его передана была в Московскую духовную академию и поступила в РГБ вместе с рукописями МДА, но составляет в нем отдельное собрание, имеющее печатное описание иеромонаха Иосифа.[19] О сборниках Волоколамского монастыря существует ценная статья Р. П. Дмитриевой.[20] О судьбе монастырских рукописей говорится и в статье А. А. Зимина «Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря».[21] Та часть книг монастыря, которая вошла в Епархиальное собрание ГИМ, также имеет печатное описание.

11. *Собрание Петра Алексеевича Овчинникова* (1843—1912), купца, хлеботорговца, старообрядца — фонд 209. Неустанно пополнявший свою коллекцию, он собрал значительное число рукописей, среди которых 2 рукописи — XIV в., одна — конца XIV—начала XV в., 23 — XV в. Всего в собрании, переданном в РГБ, 841 ед. хр., зарегистрированная под 806 номерами.[22]

---

[19] *Иосиф, иеромон.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1881. См. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 2. С. 137—152.

[20] *Дмитриева Р. П.* Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 202—237. См. также: *Дмитриева Р. П.* Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 3—15.

[21] *Зимин А. А.* Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря // Записки Отдела рукописей. М., 1977. Вып. 38. С. 15—29. См. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 2. С. 137—152.

[22] См.: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 2. С. 178—186. См. также: Описание рукописей, собранных Петром Алексеевичем Овчинниковым. Балахна, 1912.

12. *Собрание Троице-Сергиевой лавры* (фонд 304, I—III) состоит из трех собраний: Главного собрания библиотеки, Дополнительного собрания библиотеки и Собрания ризницы лавры. Это последнее, небольшое, из 21 ед. хр., собрание ценно своими раритетами: в него входят так называемые Евангелие Симеона Гордого XIV в. (РГБ, ф. 304/III. № 1),[23] Евангелие Кошки XIV в. (РГБ, ф. 304/III. № 4),[24] Евангелие Хитрово XIV в. (РГБ, ф. 304/III. № 3),[25] Евангелие Голтяева XV в. (РГБ, ф. 304/III. № 5). Главное собрание описано Иларием;[26] Собрание ризницы описывалось неоднократно, последнее описание принадлежит архимандриту Леониду.[27]

13. *Собрание Общества истории и древностей российских* (фонд 205) имеет два описания: одно принадлежит П. М. Строеву и было создано на заре деятельности Археографической комиссии в 1845 г.,[28] второе было сделано Е. И. Соколовым к 100-летию Общества. Строевское описание включило 335 номеров славянских рукописей, в описании Е. И. Соколова учтены приобретения Общества с 1846 по 1902 г.[29] В настоящее время в собрании 468 ед. хр., зарегистрированных под 444 номерами.[30]

---

[23] См. о нем: *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XI—начала XV веков. М., 1980. С. 74—76.

[24] Там же. С. 102—105.

[25] Там же. С. 105—110.

[26] [*Иларий и Арсений*]. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878—1879. Ч. 1—3. См. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 2. С. 200—223.

[27] *Леонид, архим.* Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой лавры // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. См. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 2. С. 231—245.

[28] [*Строев П. М.*] Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. М., 1845.

[29] *Соколов Е. И.* Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. Вып. 2. Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 г. М., 1905.

[30] См. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 2. С. 306—319.

14. *Собрание Отдела рукописей* (фонд 218). Собрание формировалось с 1947 г., когда было прекращено пополнение Музейного собрания, и до 1977 г., когда новые поступления стали включаться в Фонд единичных поступлений (фонд 722). В настоящее время в собрании 8100 ед. хр., но лишь треть из них — рукописные книги. Славяно-русских рукописей старшего периода немного: одна — XIII в., три — XIV в., 16 — XV в. О рукописях собрания можно получить сведения из справки в третьем томе Указателя-справочника «Рукописные собрания» и в разделе «Новые поступления» Записок Отдела рукописей, начиная с 12 выпуска.[31]

Таким образом, в Российской государственной библиотеке в 84 собраниях хранится около 30 000 рукописей. Несомненным достоинством библиотеки является составление и выпуск Указателя «Рукописные собрания» и создание целого ряда описаний отдельных собраний. Теперь ожидаемым является описание Егоровского собрания, над которым ведется работа.

Помимо собраний, унаследовавших рукописи монастырей, обществ и частных лиц,[32] в РГБ создано несколько территориальных собраний: Вологодское, Владимирское, Калужское, Нижегородское, Рязанское, Самарское, Саратовское, Смоленское, Тверское, Ярославское и др., частично описанные в Записках Отдела рукописей.[33]

Государственный исторический музей является третьим (после РГБ и РНБ) по числу рукописей хранилищем древнерусской книжности. Здание музея было построено в

---

[31] См.: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 3. С. 11—28. См. также: *Творогов О. В.* Рукописные собрания России: состояние изучения и описания. С. 715—716; в настоящем издании с. 225—226.

[32] См. о них: *Лабынцев Ю. А.* Ставшие ее частью: коллекции русских библиофилов в главной книжной сокровищнице страны. М., 1990.

[33] См. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 3. С. 41—54, 121—145, 158—182, 232—245, 271—284, 299—308, 309—321, 334—345, 361—392.

1875—1881 гг., а сам Музей открыт в 1883 г. Рукописные и печатные материалы содержатся в Отделе письменных источников (материалы новой традиции) и Отделе рукописей, в котором 27 собраний. Из них 6 не имеет описаний (это собрания А. П. Бахрушина, Н. П. Вострякова, Донского монастыря, Певческое, М. И. Соколова и М. И. Суворина), одно — Музейское — в стадии описания; собрания Е. В. Барсова, Архангельского собора, А. И. Барятинского и И. Е. Забелина имеют рукописные описания. Печатные описания остальных собраний изданы. Всего в ГИМ по данным И. В. Левочкина 19 500 ед. хр.[34]

Наиболее ценным собранием является *Синодальное*, восходящее к Патриаршему собранию, а еще далее — к Митрополичьей книжной казне. В составе этого собрания такие уникальные рукописи, как Изборник 1073 года (Син. 1043), Геннадиевская библия (Син. 915), тома Великих Четьих-Миней — полный комплект из двенадцати томов, так называемый Успенский комплект (№ 986—997), и десять томов из Царского списка (№ 174—183), Полная хронологическая палея 1477 г. (Син. 210). Собрание имеет подробнейшее описание, составленное А. В. Горским и К. И. Невоструевым,[35] и именной и предметный указатель к описанию, составленный Е. М. Витошинским.[36] В описание Горского и Невоструева вошли не все рукописи собрания — описано 576 рукописей, остальные (№ 577—1051) кратко описаны Т. Н. Протасьевой.[37] Нужно пом-

---

[34] *Левочкин И. В.* Описания рукописей Государственного Исторического музея (XIX—начало XX в.) // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности / Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1981. С. 151—160.

[35] *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 1. М., 1855; Отд. 2, ч. 1. М., 1857; ч. 2. М., 1858; ч. 3. М., 1862; Отд. III, ч. 1. М., 1869; ч. 2. М., 1917.

[36] *Витошинский Е. М.* Указатель именной и предметный к описанию А. Горского и К. Невоструева. Варшава, 1915.

[37] Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. Ч. 1 (№ 577—819). М., 1970; Ч. 2 (№ 820—1051). М., 1973.

нить, что в описании Горского и Невоструева рукопись имеет два номера, инвентарным номером рукописи является второй, и в описании, составленном Протасьевой, содержатся таблицы, позволяющие соотнести номера рукописей инвентарные с номерами описаний.

Имеет достаточно подробное описание и огромное — 2434 ед. хр. — *собрание рукописей А. С. Уварова.*[38] В описание вошли не все рукописи собрания.

Собрание И. А. Вахрамеева (678 ед. хр.) имеет описание, составленное А. А. Титовым в шести выпусках,[39] при этом, как отмечает И. В. Левочкин, рукописи, хранящиеся в Отделе рукописей (а часть собрания отошла в Отдел письменных источников), «описаны в вып. I и частично во II, III и V. Рукописи, описание которых содержится в вып. IV, в ГИМ не поступали вообще».

Собрание П. И. Щукина имеет печатное описание лишь на 488 рукописей из 949.[40]

Имеют печатное описание также *собрания Чудовское*[41] и *А. Д. Черткова*,[42] но, к сожалению, эти описания настолько кратки, что состав сборников остается совершенно не раскрытым. Так, например, если в описании сборника сочинений Дионисия Ареопагита (№ 203) хотя бы перечислены статьи («О божественных именах», «О церковном священноначалии», затем десять посланий с указанием их адресатов, но все статьи без инципитов), то в сборнике слов и поучений Иоанна Златоуста (№ 213) ука-

---

[38] *Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа Уварова. М., 1893—1894. Т. I—IV.

[39] *Титов А. А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие... И. А. Вахрамееву. [Вып. I]. М., 1888; Вып. II. М., 1892; Вып. III. Сергиев Посад, 1892; Вып. IV. Сергив Посад, 1897; Вып. V. М., 1906; Вып. VI. М., 1907.

[40] *Яцимирский А. И.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. Вып. I. М., 1896; Вып. II. М., 1897.

[41] Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск, 1980.

[42] Описание рукописей собрания Черткова / Сост. М. М. Черниловская, Э. В. Шульгина. Новосибирск, 1986.

заны названия лишь трех слов, занимающих в сборнике листы 6—25 об., тогда как в сборнике 286 листов.

Ценное *Музейское собрание* (4251 ед. хр.) описывается, но вышедшие выпуски описания вошли в отдельные выпуски Трудов ГИМ и легко могут ускользнуть от внимания читателя.[43] Описано к настоящему времени 600 номеров из четырех с лишним тысяч.

Наконец, *Епархиальное собрание* (1023 ед. хр.) описано частично: описана часть собрания, принадлежавшая ранее библиотеке Иосифо-Волоколамского монастыря — 431 рукопись, статьи сборников упоминаются без инципитов.[44]

Таким образом, рукописные богатства ГИМ раскрыты далеко не полностью, часть рукописей не описана, а часть описанных лишена подробностей, необходимых при археографической работе.

Укажу на два обзора рукописей ГИМ: это книга М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасьевой, вышедшая двумя изданиями,[45] и статья И. В. Левочкина, уже упоминавшаяся мною ранее.

Завершая обзор рукописных собраний ГИМ и их описаний, напомним, во-первых, о том, что существует описа-

---

[43] Каталог рукописей Музейского собрания Отдела рукописей ГИМ / Сост. Л. М. Костюхина, Э. В. Шульгина, М. М. Панкова, Ж. Н. Иванова, Е. И. Серебрякова, Ю. А. Грибов // Вопросы источниковедения и палеографии. М., 1993 (Труды ГИМ. Вып. 78). С. 6—131. Здесь описано 400 рукописей, продолжение Каталога (рукописи № 401—600) см.: Русская книжность. Вопросы источниковедения и палеографии (Труды ГИМ. Вып. 95). С. 196—270.

[44] Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина, И. В. Поздеева // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 122—416. На с. 416—441 библиография, указатели имен и географических названий, составленные Т. А. Кругловой и М. М. Леренман, на с. 441—475 — Предметный указатель, составленный Т. В. Диановой и Л. М. Костюхиной.

[45] *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н.* Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958; 2-е изд.: М., 1995.

ние пергаменных рукописей ГИМ,[46] а во-вторых, о существовании подробнейших описаний отдельных рукописей — сборника XIV в. Чудовского собрания № 20, описанного с публикацией фрагментов рукописи А. Н. Поповым,[47] и переписанного кирилло-белозерским книжником Ефросином сборника, ныне входящего в собрание Уварова № 338/894/365.[48]

Российский государственный архив древних актов (в прошлом ЦГАДА) — третье в Москве по количеству находящихся в нем древнерусских рукописей после РГБ и ГИМ книгохранилище. В огромном архиве 1383 фонда, в которых содержится 3 313 000 ед. хр. древнерусские рукописи хранятся в девяти собраниях РГАДА.

1. *Типографское собрание* — в прошлом собрание рукописного отдела Библиотеки Московской синодальной типографии, поступившее в ЦГАДА в 1934 г. В собрании 2023 ед. хр., из них 162 рукописи XI—XIV вв. и 32 рукописи XV в. (Цифры приведены с учетом дополнений, содержащихся в описании рукописей РГАДА XV в.).

2. *Собрание МГАМИД*, соответственно 2 и 22 рукописи.

3. *Рукописное собрание РГАДА* — 6 и 18 рукописей.

4. *Собрание Ф. Ф. Мазурина* (всего 1733 ед. хр.) — 8 и 19 рукописей.

5. *Собрание М. А. Оболенского* — 1 и 10 рукописей.

6. *Собрание ЦГАЛИ* (всего 486 ед. хр.)[49] — 4 рукописи XV в.

---

[46] *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Описание пергаменных рукописей ГИМ. Ч. 1—2 // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 135—234.

[47] Библиографические материалы А. Н. Попова. № 20; напечатал В. Щепкин: Описание сборника № 20 Московского Чудова монастыря // ЧОИДР. 1889. Кн. 3.

[48] *Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 3—300.

[49] О рукописях ЦГАЛИ см.: *Пушкарев Л. Н.* 1) Рукописные сборники литературного характера Центрального государственного литератур-

7. *Собрание Саровской пустыни* — 1 и 1 рукопись.

8. *Собрание Антониево-Сийского монастыря* — 1 рукопись XII—XIII вв.

9. *Фонд Иосифо-Волоколамского монастыря* (9985 ед. хр., в основном актовый материал, в РГАДА 11 книг) — 1 рукопись XV в., один конволют XV—XVII вв.

Все рукописи РГАДА имеют печатные описания. Рукописи XI—XIV вв. описаны в Каталоге, вышедшем в 1988 г.,[50] рукописи XV в. — в Каталоге, вышедшем в 2000 г.[51] В нем описано 128 рукописей, описание постатейное, с инципитами, но, к сожалению, в Каталоге отсутствуют предметный и именной указатели (есть лишь указатель лиц, упомянутых в записях исследователей, а также указатели пергаменных рукописей и рукописей по фондам).

В 2005 г. вышел первый выпуск Каталога XVI в.[52] Тщательно сделанный, с инципитами, Каталог содержит сведения о рукописях от Апостола до Кормчей (он построен по алфавиту заглавий) и содержит ряд указателей: рукописей по фондам, хронологический указатель рукописей и их частей, указатель лиц, упоминаемых в записях, географический указатель, и главное — указатель авторов

ного архива СССР // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 459—465; 2) Рукописи житийного содержания Центрального государственного архива литературы и искусства // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 543—555; 3) Обзор коллекции рукописных книг собрания ЦГАЛИ в ЦГАДА (Слова, проповеди и поучения) // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 329—337; 4) Рукописные сборники нравственно-поучительного характера собрания ЦГАЛИ в ЦГАДА // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 397—416.

[50] Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР / Сост. О. А. Князевская, Н. С. Коваль, О. Е. Кошелева, Л. В. Мошкова. М., 1988. Ч. 1—2.

[51] Каталог славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / Сост. И. Л. Жучкова, Л. В. Мошкова, А. А. Турилов. М., 2000.

[52] Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / Сост. О. В. Беляков, И. Л. Жучкова, Б. Н. Морозов, Л. В. Мошкова. Вып. I: Апостол — Кормчая. М., 2005.

произведений, указатель их названий и указатель инципитов.

Таким образом, именно РГАДА обладает на настоящий момент самым полным раскрытием своих собраний, содержащих исторические и литературные произведения. В этой связи необходимо упомянуть и четвертый том Путеводителя по РГАДА, вышедший в 1999 г.[53] В его составе сведения о рукописях собрания Ф. Ф. Мазурина (с. 78—100), М. А. Оболенского (с. 100—103), Саровской пустыни (с. 104—107), собрания ЦГАДА (с. 108—123), ЦГАЛИ (с. 123—127), Рукописного отдела библиотеки МГАМИД (с. 127—143) и Рукописного отдела библиотеки Московской Синодальной типографии (с. 143—150). В справке о каждом собрании есть раздел «Древнерусская книжность» с рубриками «Богословские, церковно-исторические, учительные, полемические и др. сочинения», «Хождения», «Жития», «Повести», «Сказания исторические», «Апокрифы», «Старообрядческие и антистарообрядческие сочинения», «Переводные сочинения». Однако мы находим здесь только перечисление памятников с указаниями на дату старшего списка (в пределах века), но без отсылки к конкретным шифрам рукописей.

Научная библиотека Московского университета начала бурно пополняться находками археографических экспедиций после 1964 г. На это время в библиотеке было 110 ед. хр., описанных в Каталоге, составленном Э. И. Конюховой.[54] Затем последовали описания новых поступлений в 1964—1978 гг. и 1964—1984 гг.[55] Археографиче-

---

[53] Российский государственный архив древних актов. Путеводитель в четырех томах. Т. 4 / Сост. Ю. М. Эскин. М., 1999.

[54] Славяно-русские рукописи XIII—XVII вв. Научной библиотеки имени А. М. Горького Московского государственного университета (Описание) / Сост. Э. И. Конюхова. М., 1964.

[55] Славяно-русские рукописи XV—XVI вв. Научной библиотеки Московского государственного университета (Поступления 1964—1978) / Сост. Н. А. Кобяк и И. В. Поздеева. М., 1981; *Кобяк Н. А., Поздеева И. В.* Славяно-русские рукописи XIV—XVII вв. Научной библиотеки МГУ (Поступления 1964—1984 гг.) М., 1986.

ская работа МГУ была освещена в ряде публикаций,[56] важным достижением было составление регионального каталога — рукописей Верхокамья.[57]

---

[56] *Кобяк Н. А., Леренман М. М., Поздеева И. В., Смилянская Е. Б.* Задачи и результаты комплексных археографических экспедиций Московского университета (1966—1980) // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (По материалам археографических экспедиций МГУ 1966—1980). М., 1982. С. 11—39; *Агеева Е. А., Смилянская Е. Б.* Находки археографических экспедиций, пополнивших фонды МГУ // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета М., 1983. С. 236—256.

[57] *Агеева Е. А., Кобяк Н. А., Круглова Т. А., Смилянская Е. Б.* Рукописи Верхокамья: Каталог. Из собрания Научной библиотеки Московского университета имени М. В. Ломоносова. М., 1994.

Лекция четвертая

ОСНОВНЫЕ СОБРАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Санкт-Петербурге древнерусские рукописные книги сосредоточены, прежде всего, в Российской национальной библиотеке, Библиотеке Российской Академии наук, Институте русской литературы и Санкт-Петербургском институте истории РАН.

Охарактеризуем эти собрания.

Российская национальная библиотека. Она была основана в 1795 г. по указу Екатерины II, фактически же открылась в 1814 г. Ее книжный фонд составляет более 30 миллионов ед. хр., а рукописный фонд — это 1249 фондов с 375 263 ед. хр.[1] В 37 собраниях содержится около 33 000 древнерусских рукописей.

По количеству рукописей собрания распределяются так: Основное собрание — 8132 ед. хр., Титова — 4676, ОЛДП — 3346, Погодина — 2150, Библиотека Новгородского Софийского собора — 1585, Санкт-Петербургской духовной академии — 1485, Соловецкое собрание — 1483, Кирилло-Белозерское собрание — 1413, Новое собрание рукописной книги — 1396, собрание Михайловского —

[1] Архивы России: Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. М., 1997. С. 554.

1137, собрание Тиханова — 1030, собрание Яворского — 893, Эрмитажное собрание — 843, собрание Колобова — 759, собрание Вяземского — 568. Далее следуют собрания: Груздева (260), Помяловского (183), Новгородской духовной семинарии (219), Петроградской духовной семинарии (151), Волковского старообрядческого дома (122), Севастьянова (122), Гильфердинга (101), Берчича (88), Русского археологического общества (80), Епифанова (59), Псковское (57), Кирилло-Белозерского музея (50), Крылова (49), Квашнина-Самарина (39), Шляпкина (36), Быстрова (24), Чечулина (21), Владимирское (21), Никифорова (19), Петроградской общины старообрядцев (14), Александро-Невской лавры (11), Кораблева (9).

Не все собрания равноценны не только по количеству рукописей, но и по их составу.

Рассмотрим важнейшие из них.

Основное собрание. В его основу легло собрание библиофила, графа, действительного тайного советника и сенатора Федора Андреевича Толстого (1758—1859). В его собрание вошли, в частности, библиотека П. П. Бекетова, председателя Общества истории и древностей российских, 200 рукописей из архангельской библиотеки Д. М. Голицына, арестованного в 1773 г. В 1818 г. Ф. А. Толстой поручил К. Ф. Калайдовичу и П. М. Строеву составить описание своих рукописей. К основному каталогу в 1093 ед. хр. были затем присоединены два прибавления.[2] В 1830 г. коллекция Толстого была приобретена Публичной библио-

---

[2] *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Федора Андреевича Толстого. СПб., 1825; *Строев П.* 1) Первое прибавление к описанию славяно-российских рукописей графа Ф. А. Толстого. СПб., 1825; 2) Второе прибавление к Описанию славяно-российских рукописей, хранящихся в библиотеке графа Федора Андреевича Толстого. СПб., 1825. Д. Уо отмечает как ошибку утверждение Справочника-указателя печатных описаний..., где на с. 72 сообщается, «что 258 из 1093 рукописей в каталоге Калайдовича и Строева ныне находятся в БАН. На самом деле почти все толстовские рукописи БАН не описаны в данном каталоге в числе этих 1093 единиц». См.: Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого / Сост. Даниэль Кларк Уо. Л., 1980. С. 8.

текой, но часть рукописей оказалась в БАН. Нужно помнить о том, что нынешняя система шифров рукописей Основного собрания по Оленинской системе (Оленинская система шифров состоит из трех элементов: формат, обозначаемый соответственно буквами F, Q и O, номер разряда[3] и номер рукописи) не совпадает с системой шифров Калайдовича и Строева. Поэтому следует обращаться к машинописному описанию собрания, а также к чрезвычайно полезной книге Д. Уо, где в таблице 1 шифры по Калайдовичу и Строеву соотнесены с современными, в таблице 2, напротив, современные шифры соотнесены со старыми, в таблице 4 сопоставлены шифры рукописей БАН, прежде входивших в Толстовское собрание.[4]

В Основное собрание вошли 23 собрания, из которых четыре имеют печатные описания, составленные И. А. Бычковым,[5] а остальные описаны в Отчетах имп. Публичной библиотеке, выходивших в 1851—1917 гг. См. перечень их в «Справочнике-указателе печатных описаний славяно-русских рукописей» (М.; Л., 1963) на с. 91—92.

Второе по величине фонда собрание принадлежало ростовскому купцу, промышленнику, библиофилу и коллек-

---

[3] В Оленинской системе были приняты следующие разряды: 1 — Теология, 2 — Юриспруденция, 3 — Философия, 4 — История, 5 — Естественная история, 6 — Медицина, 7 — Физика, 8 — Химия, 9 — Математика, 10 — Механика, 11 — Свободные искусства, 12 — Музыка, 13 — Книжное дело, 14 — Поэзия, 15 — Красноречие, риторика, 16 — Лингвистика, 17 — Полиграфия, 18 — История литературы. Внутри разрядов рукописи классифицировались по форматам. Искусственность этих разрядов очевидна. Чаще всего на практике мы встречаем разряды 1, 4 и 17.

[4] Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого / Сост. Даниэль Кларк Уо. Л., 1980.

[5] *Бычков И. А.* 1) Краткий обзор собрания рукописей, принадлежащего преосвященному епископу Порфирию, а ныне хранящегося в имп. Публичной библиотеке. СПб., 1885; 2) Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. Вып. I—II. СПб., 1891—1893; 3) Каталог собрания славяно-русских рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих имп. Публичной библиотеке. СПб., 1897; 4) Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова, ныне принадлежащих имп. Публичной библиотеке. Вып. I—II. СПб., 1900—1902.

ционеру *А. А. Титову* (1844—1911). Оно имеет два описания — Охранный каталог и более подробное описание в шести томах.[6]

Собрание Общества любителей древней письменности имеет печатное описание Х. М. Лопарева.[7] В него вошло лишь 624 ед. хр. из трех с половиной тысяч, составляющих фонд. Однако значительная часть его — документы. Желательно ознакомление с машинописным описанием сборников ОЛДП, составленным Д. Н. Альшицем и Н. Н. Розовым и включающим сведения о 1448 ед. хр.

Особую ценность представляет *собрание* крупного историка, профессора Московского университета *Михаила Петровича Погодина*, содержащее 2105 рукописей. В собрании 76 пергаменных рукописей, среди которых исключительно ценный сборник житий (№ 71б): в его составе жития Саввы Освященного, Илариона Великого, Сильвестра, папы Римского, Антония Великого, Евфимия Великого, Епифания Кипрского, отрывок из Жития Иоанна Милостивого, чудеса Спиридона Тримифунтского. Загадочна приписка, согласно которой сборник будто бы написан в 1129 году при Мстиславе Владимировиче и новгородском архиепископе Нифонте. На подложность записи указывал еще И. И. Срезневский.[8] Л. В. Столярова допускала, что запись является копией с записи на рукописи XII в.,[9] но Л. В. Мошкова и А. А. Турилов привели ряд аргументов в пользу подложности записи.[10] Новые аргу-

---

[6] *Титов А. А.* 1) Охранный каталог славяно-русских рукописей А. А. Титова в г. Ростове Ярославской губернии. Вып. 1—6. Ростов, 1881—1895; 2) Описание славяно-русских рукописей, находящихся в собрании... А. А. Титова. Т. 1—6. СПб.; М., 1893—1913.

[7] *Лопарев Х. М.* Описание рукописей Общества любителей древней письменности. Ч. 1—3. СПб., 1892—1899.

[8] *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). 2-е изд. СПб., 1882. С. 293.

[9] *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М., 2000. С. 76—78.

[10] *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Плоды ливанского кедра». М., 2003. С. 38—41.

менты сможет дать анализ вошедших в сборник житий, но это потребует специальных текстологических разысканий.

В собрании Погодина 139 рукописей XV века, что также выводит его в ряд ценнейших собраний. Составителем оно было систематизировано, в нем около 350 житийных сборников, много сборников с творениями Афанасия Александрийского, Василия Великого, Григория Богослова, Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина, Исаака Сирина, а также русских писателей — Максима Грека, митрополита Даниила, Нила Сорского. В собрании три летописи, 19 летописцев, 31 хронограф, список Летописца Еллинского и Римского первой редакции, списки Толковой и Хронографической палеи, 8 списков Степенной книги, 11 списков Казанской истории, несколько десятков исторических сборников.

Ведется работа по описанию собрания. Вышли в свет три выпуска,[11] завершена составительская работа над четвертым выпуском, в котором описание собрания будет доведено до № 872. При этом четвертый выпуск будет более информативным: помимо начальных слов описываемых статей, будут приведены сведения о публикациях тех же памятников в Великих Минеях Четьих; гомилии, атрибутируемые Иоанну Златоусту, будут обязательно соотноситься с указателем, составленным Е. Э. Гранстрем с соавторами,[12] и т. д. Кроме того, А. Ф. Бычковым был описан 91 сборник из части собрания Погодина после № 1500. Описание очень тщательное, но, как видим, до слияния описания начала собрания и описанной Бычковым (при этом выборочно) его завершающей части еще весьма далеко.

Хорошее описание имеет *собрание Соловецкого монастыря*, содержащее, напомню, 1483 ед. хр.[13] Но в это опи-

---

[11] Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. Вып. 1. Л., 1988; Вып. 2. СПб., 1992; Вып. 3. СПб., 2004.

[12] См.: Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI—XVI веков: Каталог гомилий / Сост. Е. Э. Гранстрем, О. В. Творогов, А. Валевичюс. СПб., 1998.

[13] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии / Сост. И. Я. Порфирьев. Ч. 1—3. Казань, 1881—1898.

сание не вошли сведения о 611 ед. хр. В 1987 г. Н. Н. Розов и В. М. Загребин подготовили машинописное описание 209 рукописей.[14] Осталось описать 398 рукописей, из которых 206 — певческие. Нужно помнить, что шифры рукописей Соловецкого собрания были изменены, поэтому при выписке рукописей нужно обязательно сверяться с машинописным описанием собрания.

Собрание библиотеки Новгородского Софийского собора имеет печатное описание в трех томах, составленное Д. И. Абрамовичем.[15] Туда вошли книги Священного Писания, четьи минеи и прологи, сборники. Описание достойно высоких похвал, но нужно помнить, что в нем описана 261 рукопись из 1585 ед. хр., поэтому обязательно обращение к машинописному описанию собрания.

Не имеет печатного описания *собрание Кирилло-Белозерского монастыря.* Значительную часть собрания составляют библейские и богослужебные рукописи — это около 1000 ед. хр., но в нем также около 150 сборников, списки Пролога, патерики, минеи четьи, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия.

Особо нужно отметить сборники, составленные и переписанные монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином: это рукописи Кир.-Бел. 6/1083, 9/1086, 11/1088, 22/1099 и 53/1130. В этих сборниках мы найдем списки «Задонщины», Повести о Дракуле, Сербской Александрии, Сказания об Индийском царстве, Слова о двенадцати снах Шахаиши, апокрифов о Соломоне, особый Ефросиновский хронограф и другие памятники. Ряд из них издан по этим сборникам. Все пять ефросиновских сборников РНБ (и шестой, находящийся в ГИМ) подробно описаны в статье М. Д. Каган, Н. В. Понырко и М. В. Рождественской.[16] Описание сопровождают указатели имен, началь-

---

[14] Библиотека Соловецкого монастыря. Описание рукописей, не вошедших в печатное трехтомное описание. Л., 1987. Ч. 1—2.

[15] *Абрамович Д. И.* Описание рукописей Санкт-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. Вып. 1—3. СПб., 1905—1910.

[16] *Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Т. 35. Л., 1980.

ных слов, географических названий и указатель памятников.

Было бы целесообразно издать машинописное описание Кирилло-Белозерского собрания, сопроводив его предметным указателем.

Упомянем также об описании *Эрмитажного собрания*, его исторической части, т. е. собранных самой Екатериной II рукописях (в отличие от материалов XVIII в. и архивов ее сына и внуков). Д. Н. Альшицем описано 276 рукописных книг, содержащих 434 произведения древнерусской письменности.[17] Описаны они по особой методике — основополагающим является тематический характер. Разделы описания: летописи, краткие летописи, летописные выписки и компиляции; писцовые книги; жалованные грамоты; исторические повести и т. д.

Таковы основные собрания Российской национальной библиотеки.

В заключение обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, все собрания имеют машинописные описания, порой краткие, но достаточные для того, чтобы подсказать направления дальнейших разысканий. И второе: в некоторых собраниях-коллекциях древнерусские рукописи занимают лишь небольшую часть (так, в собрании Н. М. Михайловского из 1137 ед. хр. лишь 10 рукописей XV в., в собрании П. Н. Тиханова из 1030 — 4). Поэтому, быть может, стоило бы написать обзор, в котором обратить внимание именно на эти редкие в больших и пестрых по составу собраниях, но ценные для изучения древнерусской книжности рукописи.

Библиотека Российской Академии наук.

Основанная в XVIII в. Библиотека Академии наук в течение XIX столетия прошла трудный путь. Медленно росли

С. 3—300. См. также: *Каган М. Д., Лурье Я. С.* Ефросин // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 227—236.

[17] Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв.: Описание / Сост. Д. Н. Альшиц. М., 1968.

ее рукописные фонды (965 поступлений за весь век, причем в основном приобретались целые коллекции). Отделения Библиотеки, куда в качестве несамостоятельной единицы входил и рукописный отдел, возглавляли П. И. Соколов (1819—1835), которому принадлежит изданный в 1818 г. краткий реестр, именуемый тем не менее «Каталог обстоятельный» (на 34 страницах описана 321 рукопись), Я. И. Бередников (1835—1854), М. А. Коркунов (1854—1858), А. А. Куник (1858—1899). Библиотека испытывала постоянную нужду в мебели, помещении, кадрах, помещение для читателей было настолько неудобным (а зимой холодным), что широко практиковалась выдача рукописей на дом и даже пересылка в другие города. Из-за тесноты многие рукописи хранились в ящиках и почти до конца столетия у ученых не было полного представления о хранящихся в библиотеке рукописях. Старший помощник библиотекаря В. И. Срезневский заведовал одновременно газетным и журнальным залами. Лишь в 1897 г. была введена «крепостная» система шифровки. В том же году был поставлен вопрос о строительстве нового здания Библиотеки. Значительно оживилась работа при директорстве А. А. Шахматова. В 1898 г. было приобретено 50 рукописей, в 1899 — 100 рукописей и т. д.; в результате за 1900—1917 гг. фонды рукописного отделения утроились. 8 октября 1924 г. был осуществлен переезд в новое здание.

В 1905 г. было решено прервать обстоятельные описания новых поступлений и перейти к систематическому описанию всего фонда.

Крупнейшие собрания библиотеки: Основное (3278 ед. хр.), Новое собрание (1294), Северное (485), Архангельское (Древлехранилище и Семинария, с библиотекой Афанасия Холмогорского, 628 ед. хр.), А. Я. Яцимирского, И. И. Срезневского, Ф. М. Плюшкина, Ф. А. Каликина, Собрание текущих поступлений (с 1935 г.).

Всего в Рукописном отделе БАН 14 529 древнерусских и славянских рукописей, распределенных по 79 собраниям.

Началом научного описания следует признать Сведения о новых поступлениях, публиковавшиеся в 1902—1913 гг. Всеволодом Измайловичем Срезневским. Это были подробные обстоятельные описания, сопровождавшиеся указателями.[18] В одном из выпусков этой серии в описании рукописей, собранных в 1904 г., Срезневский систематизировал рукописи по тематике (как мы помним, подобная, хотя и не сходная в деталях система была принята и в Публичной библиотеке — это знаменитая Оленинская система). Срезневский предложил следующие тематические разряды, которые и определили в дальнейшем структуру рукописного фонда библиотеки:

I. Книги Священного Писания.

II. Творения отцов и учителей церкви.

III. Сочинения догматические и полемические.

IV. Сочинения учительные.

V. Книги богослужебные.

VI. Право церковное.

VII. Материалы историко-юридические.

VIII. История церковная и гражданская.

IX. Жития святых.

---

[18] *Срезневский В. И.* 1) Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки имп. Академии наук в 1900 и 1901 годах // Известия Академии наук. Серия V. Т. XVI, № 2. СПб., 1902. Ст. 01—088; Отд. оттиск: СПб., 1902; 2) Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки имп. Академии наук в 1902 году // Известия Академии наук. Серия V. Т. XIX. СПб., 1903; Отд. оттиск: СПб., 1903; 3) Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки имп. Академии наук в 1903 году. Отд. оттиск: СПб., 1904; 4) Рукописи и книги, приобретенные В. И. Срезневским во время поездки в Вологодскую, Олонецкую и Пермскую губернии. СПб., 1905; 5) Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки имп. Академии наук в 1904 году. СПб., 1907. Кроме того, см.: Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. Труд В. И. Срезневского. СПб., 1913. Отметим, что здесь несколько изменена система разрядов — их только 12.

X. Материалы историко-литературные.

XI. Литература.

XII. Путешествия и описания местностей и зданий.

XIII. Языкознание.

XIV. Медицина.

XV. Математика.

XVI. Сборники.

Характер формулировок, допускающий смешение разрядов, беспомощное выделение «сборников», несоответствие этой классификации структуре других собраний — все это делает крайне неудобной систему тематических (жанровых) разрядов. Однако именно эта система была принята БАН и ей соответствовали два первых тома описаний: в первом томе были описаны книги Священного Писания и богослужебные (всего 554 рукописи), во втором — творения отцов церкви, богословие догматическое, полемическое и учительное.[19] Эти тома выполнены на самом высоком уровне, но скоро стали устаревать, так как фонды библиотеки активно пополнялись.

Однако по этой, хотя и измененной, структуре вышел в 1930 г. том, соотнесенный с шестым (по новой классификации) разрядом, посвященный рукописям исторического содержания.[20] Так как фонды библиотеки продолжали пополняться, в 1959 г. потребовалось новое издание исторического тома, впрочем, также построенного по сюжетному принципу: хронографы, летописи, степенные,

---

[19] *Срезневский В. И., Покровский Ф. И.* Описание рукописного отделения Библиотеки Имп. Академии наук. I. Рукописи. Т. I. 1. Книги Священного Писания. 2. Книги богослужебные. СПб., 1910; *Срезневский В. И., Покровский Ф. И.* Описание рукописного отделения Библиотеки Имп. Академии наук. I. Рукописи. Т. II. 1. Творения отцов и учителей церкви. 2. Богословские догматическое и полемическое. 3. Богословие учительное. Пг., 1915. В томах описано соответственно 554 и 330 рукописей.

[20] *Срезневский В. И., Покровский Ф. И.* Описание Рукописного отделения Имп. Библиотеки Академии наук СССР. I. Рукописи. Т. III, вып. 1. Рукописи исторического содержания. Л., 1930.

родословные и разрядные книги.[21] Этот удобный, казалось бы, для исследователей принцип таил в себе опасность, и не только в том, что в библиотеке появлялись новые рукописи тех же «разрядов», но и возникавшей возможностью пропусков. Так, среди описанных хронографов не оказалось очень важного списка Летописца Еллинского и Римского, значащегося, однако, в машинописном описании собрания.[22]

Тематический характер имеют и второй и третий выпуски третьего тома, посвященные историческим сборникам XV—XVIII веков.[23]

Следующий, четвертый том Описания был снова тематическим,[24] как и том 7, включающий старообрядческие рукописи.[25] Вне этой схемы вышел том 8, включивший описание 189 рукописей Архангельского собрания.[26] В пре-

---

[21] Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 1: Хронографы, летописи, степенные, родословные и разрядные книги / Сост. В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. 2-е изд., доп. М.; Л., 1959. В томе описано 253 рукописи.

[22] См.: *Творогов О. В.* Новонайденный список Летописца еллинского и римского // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги / Библиотека Академии наук СССР. 1985. Л., 1987. С. 51—55.

[23] Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 2. Исторические сборники XV—XVII вв. / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.; Л., 1965; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 3. Исторические сборники XVIII—XIX вв. / Сост. Н. Ю. Бубнов, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, О. П. Лихачева. Л., 1971. В выпусках описано соответственно 146 и 492 рукописи.

[24] *Конусов А. П., Покровская А. Ф.* Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 4, вып. 1. Повести, романы, сказания, сказки, рассказы. М.; Л., 1951. Описано 397 рукописей.

[25] Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 7, вып. 1. Сочинения писателей старообрядцев XVII века / Сост. Н. Ю. Бубнов. Л., 1984.

[26] Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 8, вып. 1. Рукописи Архангельского собрания / Сост. А. А. Амосов, Л. Б. Белова, М. В. Кукушкина. Л., 1989.

дисловии сделано важное признание: «Этим выпуском Библиотека начинает описание русских рукописей, хранящихся в Рукописном отделе, по собраниям». Указанный выпуск заслуживает самых высоких похвал: статьи в сборниках приводятся не только с инципитами, но и с указаниями на издания того же текста, что значительно помогает исследователю в идентификации памятника.

Напомним, что Рукописный отдел БАН выпустил также обстоятельное описание всех находящихся в Отделе пергаменных рукописей.[27]

Завершая характеристику рукописного фонда БАН, я должен упомянуть о трех важных обобщающих трудах. Был опубликован фундаментальный Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела[28] и статья М. В. Кукушкиной об итогах и перспективах работы Отдела,[29] ею же была написана книга о рукописных фондах БАН.[30]

Следует особо остановиться на экспедиционной работе сотрудников отдела, достаточно подробную характеристику которой за послевоенный период содержит статья А. А. Амосова.[31] По его данным в результате этих экспе-

---

[27] Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI веков / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976. Описано 195 рукописей.

[28] *Мурзанова М. Н., Боброва Е. И., Петров В. А.* Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII в. М.; Л., 1956; *Копанев А. И., Петров В. А., Мурзанова М. Н., Покровская В. Ф., Боброва Е. И., Гранстрем Е. Э., Кукушкина М. В.* Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2. XIX—XX вв. М.; Л., 1958.

[29] *Кукушкина М. В.* Итоги и перспективы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности в Библиотеке АН СССР // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981. С. 24—38.

[30] *Кукушкина М. В.* Рукописные фонды Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1988.

[31] *Амосов А. А.* Экспедиционная работа Библиотеки Академии наук в послевоенный период // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской академии наук. 1990. СПб., 1994. С. 321—329.

диций по состоянию на 1990 г. Отдел приобрел 2136 рукописей.[32] Но при всех достижениях археографов БАН следует помнить о тревожной цифре: по данным М. В. Кукушкиной, описано лишь от 14 до 20% древнерусских рукописей БАН.[33]

Обратимся еще к одному хранилищу рукописей — **Древлехранилищу имени В. И. Малышева в Институте русской литературы РАН**. Оно было образовано в 1949 г. по инициативе В. И. Малышева и началось с 32 книг, привезенных им в том же году из Усть-Цилемского района Коми АССР. Постепенно коллекция Древлехранилища росла: в 1951 г. по решению Президиума АН СССР Институту было передано 827 рукописных книг и документов, принадлежащих Институту мировой литературы имени А. М. Горького, в числе которых были 657 рукописей из собрания академика В. Н. Перетца. Были и другие дары, среди которых стоит упомянуть о передаче в 2001 г. в Древлехранилище 120 рукописей и 86 старопечатных книг М. С. Бурмакиной. Но основная масса пополнений — это находки ежегодно (вплоть до перестроечного времени) отправлявшихся Институтом археографических экспедиций. На 2007 г. в Древлехранилище было около 11 000 ед. хр., в числе которых рукописи 34 личных коллекций и 16 территориальных собраний (Карельское, Красноборское, Латгальское, Мезенское, Пинежское, Северодвинское, Усть-Цилемское старое и Усть-Цилемское новое и другие). Находки археографических экспедиций регулярно освещались в печати.[34] Фундаментальных же описаний территориальных собраний пока только два: это книга В. И. Малышева об Усть-Цилемских сборниках[35] и двухтомное опи-

[32] Там же. С. 323.

[33] *Кукушкина М. В.* Рукописные фонды Библиотеки Академии наук СССР. С. 32.

[34] См.: *Творогов О. В.* Рукописные собрания России: состояние изучения и описания. С. 728—731; в настоящем издании с. 247—252.

[35] *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.

сание Пинежского собрания Н. В. Савельевой, выполненное на самом высоком археографическом уровне.[36]

Говоря о Древлехранилище, нельзя не упомянуть книгу В. И. Малышева «Древнерусские рукописи Пушкинского Дома».[37] Книга содержит обзор 22 фондов хранилища. Справка о каждом фонде предваряется его краткой характеристикой, затем следует перечень хранящихся в данном фонде памятников древнерусской литературы, оригинальной и переводной, затем названы памятники исторического содержания, затем — сочинения русских писателей XI—XVIII вв., стихи народные и книжные, старообрядческая литература, русская церковно-повествовательная, учительная и историческая литература, апокрифы, переводные церковно-исторические произведения. Замыкают обзор памятников древнерусской письменности церковнослужебные рукописи. О каждом памятнике дается кратчайшая справка: после названия указывается век списка, а затем в скобках номера рукописей собрания, в которых читается данный текст. Статью о фонде завершают разделы: Публикации (в котором перечислены все публикации списков данного собрания) и Литература — библиография работ о рукописях собрания. Обзор сопровождает Приложение — перечень датированных, лицевых и пергаменных рукописей и Указатель имен и произведений. Несмотря на вынужденную краткость, Обзор дает достаточное представление о репертуаре рукописей Древлехранилища. Обзор получил продолжение в книге В. И. Малышева «Древлехранилище Пушкинского Дома (Литература 1965—1974)»,[38] на материалах рукописей Древлехрани-

---

[36] Пинежская книжно-рукописная традиция XVI—начала XX в. Опыт исследования и источники. Т. 1: *Савельева Н. В.* Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. СПб., 2003; Т. 2: *Савельев А. А., Савельева Н. В.* Описание старопечатных изданий XV—нач. XX в. Указатели. СПб., 2005.

[37] Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (Обзор фондов) / Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1965.

[38] Древлехранилище Пушкинского Дома (Литература 1965—1974) / Сост. В. И. Малышев. М., 1978.

лица составлены также три сборника исследований и публикаций.[39]

Завершая рассказ о Древлехранилище, хотелось бы поделиться личными воспоминаниями о его основателе и руководителе Владимире Ивановиче Малышеве. В отличие от архивистов, не спешащих раскрыть сокровища своих фондов для исследователей, Владимир Иванович, напротив, был заинтересован в том, чтобы рукописями Древлехранилища пользовались, чтобы их материалы публиковались. Сразу после возвращения очередной археографической экспедиции с рукописными находками, он тут же, не дожидаясь публикации отчета об экспедиции (а такие отчеты, напомним, публиковались регулярно, о чем может свидетельствовать их внушительный перечень в моей статье «Рукописные собрания России»), спешил сообщить исследователям о новонайденных материалах по их темам, новых списках изучаемых ими произведений. Древлехранилище — свое детище и свою гордость — он рассматривал не как склад сокровищ, а, прежде всего, как полигон для неустанной исследовательской работы.

Обратимся к последнему из крупных архивов Санкт-Петербурга — **Архиву Санкт-Петербургского Института истории РАН**. Это богатейшее собрание материалов по истории России и стран зарубежья,[40] архив содержит и значительный фонд памятников древнерусской книжности, прежде всего в собрании Николая Петровича Лихачева. В этом богатом собрании (коллекции) 756 ед. хр., в числе которых две рукописи XIII—XIV вв., две — XIV в., 30 — XV в., 44 сборника исторических статей, 10 хронографов, список Хроники Амартола. К сожалению, об этом фонде можно узнать лишь из краткой справки в Путево-

[39] Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972; Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985; Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л., 1990.

[40] См.: Архивы России: Москва и Санкт-Петербург. С. 395.

дителе,[41] где к тому же отсутствуют шифры даже упомянутых там произведений и рукописей.

Обзор крупнейших собраний Москвы и Санкт-Петербурга, разумеется, не полон. Даже из собраний упоминаемых библиотек кратко рассмотрены лишь некоторые.[42] Не следует забывать о провинциальных архивах. Об их богатствах может дать представление следующая справка: по данным Предварительного списка рукописей XV в., мы найдем 38 рукописей этого столетия в Ярославском музее-заповеднике, 31 — в научной библиотеке Саратовского университета, 17 — в Государственном архиве Тверской области, 16 — в собрании М. Н. Тихомирова, хранящемся в Государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения РАН.[43] Некоторые сведения о рукописях провинциальных хранилищ содержатся в моей статье «Рукописные собрания России».[44]

---

[41] Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории / Сост. И. В. Валкина, Л. Г. Катушкина, Г. Е. Кочин, В. С. Люблинский, А. Г. Маньков и др. М.; Л., 1958. С. 403.

[42] Так, не рассмотрен фонд РГИА (в прошлом ЦГИА) — Российского государственного исторического архива, в котором, в частности, Предварительным списком славяно-русских рукописей XV в. отмечено 180 ед. хр.

[43] См.: *Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968; см. также: *Рогов А. И., Покровский Н. Н.* Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР (г. Новосибирск) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 162—172.

[44] *Творогов О. В.* Рукописные собрания России: состояние изучения и описания. С. 733—742; в настоящем издании с. 254—269.

Лекция пятая

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ И ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ К ИЗДАНИЮ

Описание рукописей

За два с лишним века археографических штудий были опробованы различные приемы описания рукописей, от фундаментального, с элементами исследования, описания Синодального собрания ГИМ А. В. Горским и К. Н. Невоструевым, до предельно кратких, подобных описанию рукописей Н. С. Тихонравова в РГБ или Чудовского собрания в ГИМ. Оптимальный вариант находится где-то посередине, описание должно по необходимости лапидарно сообщать о рукописи ту сумму сведений, которая позволила бы на ее основании наглядно представить внешнюю характеристику рукописи и получить достаточно определенные данные о всех входящих в ее состав памятниках. Удовлетворяющие этим самым строгим требованиям описания появлялись как в начале прошлого века, например описание рукописей, собранных В. И. Срезневским в процессе археографических экспедиций,[1] так и в наши дни — такие как описание Архангельского собрания БАН или описание рукописей Пинеги, составленное Н. В. Савельевой.[2]

[1] См. лекцию четвертую, примеч. 18.

[2] См. лекцию четвертую, примеч. 26 и 36.

В описание рукописи входит несколько элементов. Вслед за номером рукописи (номером ее описания, когда это возможно, совпадающим с инвентарным номером рукописи в хранилище) — дата рукописи в самой общей форме, ибо она, для бумажных рукописей, будет обязательно подтверждена перечнем филиграней; языковой извод. Для его определения может быть использована статья Л. П. Жуковской «Рекомендации для определения языка (извода) древних славянских рукописей», опубликованная в Методическом пособии.[3] Затем следует внешнее описание: указание на количество листов (для чего рукопись должна быть заново пронумерована описывающим, так как имеющиеся в рукописях старые чернильные пагинации часто бывают не точны). Формат рукописи лучше обозначать цифрами. Л. П. Жуковская предложила обозначение: 2° — для рукописей большого формата, в «александрийский лист», но более традиционны обозначения — 1°, 4°, 8°. Указывается почерк; если рукопись написана несколькими почерками, отмечаются границы почерков. Особая задача — попытка идентификации почерка с известным почерком какого-нибудь книжника: этой проблеме были посвящены работы Б. М. Клосса, Н. В. Синицыной[4] и других исследователей. Перечисляются филиграни рукописи, что дает возможность точно (в пределах десятилетий) указать время ее написания. На этот способ датировки рукописей обратил внимание еще в 1737 г. англичанин Дж. Леви. Первым альбомом филиграней в России явился труд И. Лаптева «Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге

---

[3] См.: *Жуковская Л. П.* Рекомендации для определения языка (извода) древних славянских рукописей // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. I. М., 1973. С. 1—42.

[4] *Клосс Б. М.* Деятельность митрополичьей книжной мастерской в 20-х—30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. Сб. I. С. 318—337; *Синицына Н. В.* Книжный мастер Михаил Медоварцев // Там же. С. 286—317.

время, в которое писаны старинные рукописи» (СПб., 1824), затем последовало издание К. Я. Тромонина «Изъяснение знаков видимых в писчей бумаге» (М., 1844). Указатели к этой работе были изданы ротапринтом в Москве в 1963 г. Особенно важен монументальное исследование Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (СПб., 1899. Ч. 1—3). Затем последовали труды М. В. Кукушкиной, С. А. Клепикова, А. А. Гераклитова, А. А. Амосова, Е. М. Шварц, Т. В. Диановой — все они перечислены в работе Ю. В. Андрюшайтите «Обеспеченность крупных хранилищ справочниками водяных знаков», опубликованной в книге «Филигранологические исследования. Теория. Методика. Практика» (Л., 1990. С. 143—152). Там же указаны важнейшие зарубежные справочники по филиграням.[5]

В 1950—1978 гг. вышел четырнадцатитомный свод «Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia», включающий большинство альбомов филиграней и, что особенно важно, имеющийся во всех крупнейших хранилищах рукописей.

Филиграни являются наиболее надежным способом датировки рукописей. Если для наших исследовательских целей вполне достаточна датировка в пределах четверти века или нескольких десятилетий (например, второй четверти XV века) — особых проблем не возникает, но в ряде случаев необходима более точная датировка в пределах пятилетия, и тогда все сложные проблемы филиграноведения выступают особенно рельефно.

---

[5] Литература о филигранях обширна, напомним еще некоторые работы: *Дианова Т. В.* Методическое пособие по датированию рукописей с помощью водяных знаков (филиграней) бумаги // Методическое пособие... Вып. I. С. 180—204; *Загребин В. М., Шварц Е. М.* Водяные знаки бумаги XIV и XV в. (Обзор и атлас) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Вып. 3. М., 1990. С. 6—94. Укажем также работу Е. В. Крушельницкой, в которой есть раздел, посвященный филигранологии: *Крушельницкая Е. В.* Палеография // Специальные исторические дисциплины: Учебное пособие. СПб., 2003. С. 77—93.

Проблема залежности бумаги изучена достаточно хорошо. В основном она не превышает 5—6 лет для XVI—XVII вв. и трех лет для XVIII—XIX вв., хотя в случаях с использованием привозной бумаги эти сроки могут и возрастать.

Основные проблемы состоят в обнаружении тождественного знака в альбомах филиграней для исследователя рукописи и *надежности информации* об этом обнаружении для археографа, рукопись описывающего.

В первом случае мы встречаемся только (помимо элементарного умения) с ограниченностью наших возможностей: специалисты указывают, что с XIV в. до 1600 г. обнаружено около 150 000 знаков, а в справочниках учтено лишь 20% филиграней XIII—XVI вв., и не более 10% филиграней XVII века.

Во втором случае трудностей больше, и сводятся они к следующему:

— описывающий рукопись должен помнить, что его суждения объективно могут быть более точными, чем у исследователя, обращающегося к рукописи эпизодически.

— должна быть проведена единая система соотнесения филиграней с альбомами и — самое главное — уточнена система терминов, указывающих на степень надежности отождествления.

Предлагается различать *тип* филиграни (виноградная ветвь, корона, три короны, кувшинчик и т. п.), *класс* (рука в перчатке, рука с манжетом и т. д.), *группу* (подобные филиграни), *вид* (сходные), *разновидность* (близкие) и *вариант* (тождественные).

Наиболее разработанную классификацию степени сходства филиграней рукописей с их аналогами в альбомах предоставил А. А. Амосов в статье «Проблема точности филигранологических наблюдений. I. Терминология» (см.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981. С. 70—91), где предложил различать *тождественность* знаков (полное совпадение контуров знака), *близость* (тождественность в деталях при незначительном расхожде-

нии в линейных размерах) и *сходство* (в общей композиции рисунка и деталей). Т. В. Дианова по этому поводу пишет: «Амосов рекомендует следующее соотношение степеней сравнения с уровнями классификации: а) тождественные ВЗ (водяные знаки) соответствуют варианту, б) близкие — разновидности, в) сходные — виду, г) подобные — группе, д) аналогия — классу. Думается, что первые три степени должны быть приняты безусловно, две же последние степени, относящиеся к высоким уровням, скорее определяют сюжет филиграни, а не датировку по ней. Классификационная модель А. А. Амосова, несмотря на некоторую усложненность, к настоящему времени является научно обоснованной и, как показал опыт ее применения в ОРРК БАН, готовой к использованию и в других хранилищах».[6]

Нужно иметь в виду, что существуют также сводные альбомы по отдельным филиграням: «герб города Амстердама», «голова шута», «рожок», «Pro patria», «бегущий заяц», «двойная лилия», «горы», «кувшинчик», «рука», составленные С. А. Клепиковым, М. В. Кукушкиной, Т. В. Диановой, Б. М. Клоссом, А. А. Амосовым, В. М. Загребиным.[7]

---

[6] *Дианова Т. В.* Использование водяных знаков при описании рукописей // Филигранологические исследования. Теория. Методика. Практика. М.; Л., 1990. С. 37.

[7] *Клепиков С. А.* 1) Бумага с филигранью «Герб города Амстердама»: Материалы для датировки рукописных и печатных текстов // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 20. М., 1958. С. 315—352; Вып. 26. М., 1963. С. 479—485; 2) Бумага с филигранью «Голова шута» (Foolscap): Материалы для датировки рукописных и печатных текстов // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 26. М., 1963. С. 405—478; 3) Филигрань «Рожок», ее история и опыт анализа ее эволюции (1314—1600 гг.) // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 59—67; *Клепиков С. А., Кукушкина М. В.* Филигрань «Pro patria» на бумаге русского и иностранного происхождения // Материалы для датировки рукописных и печатных документов: Сб. статей и материалов БАН по книговедению. Л., 1965. С. 83—93; *Дианова Т. В., Клосс Б. М.* Филигрань «бегущий заяц» и ее датировка // АЕ за 1976 г. М., 1977. С. 69—70; *Амосов А. А.* К проблеме точной датировки Лицевого свода XVI века: Филигрань

В «Методическом пособии» приводятся рекомендации по описанию художественного оформления рукописи, что также входит в состав ее внешнего описания.[8]

В описании рукописи обязательно должен быть охарактеризован переплет (или указано его отсутствие). Классификация переплетов разработана С. А. Клепиковым[9] и В. В. Калугиным.[10] Последний предлагает различать переплеты: цельнокожаный, цельнотканевый, цельнопергаменный, когда корешок и крышки полностью поволочены материалом покрытия, загнутым и закрепленным на внутренних сторонах досок; полукожаный, полупергаменный, полутканевый, когда материалом прикрыт лишь корешок и не более половины прилегающих к нему крышек, и другие, менее употребительные разновидности.

Для пергаменных рукописей, когда датировка возможна только по характеру почерка, рисунок тиснения кожаного переплета может оказаться чрезвычайно важным для определения времени создания рукописи и даже скриптория, из которого она вышла, что показало исследование Е. М. Шварц переплетов служебных миней XII—XV вв. из собрания Новгородского Софийского собора.[11]

«Двойная лилия» и ее происхождение // Книга и ее распространение в России в XVI—XVIII вв. Л., 1986 С. 7—13; Альбомы с филигранями «Горы», «Кувшинчик» и «Рука», составленные В. М. Загребиным, находятся в рукописном отделе РНБ.

[8] См.: *Неволин Ю. А.* Описание украшений южнославянских и древнерусских иллюминированных рукописей по XIV в. включительно // Методическое пособие... Вып. I. М., 1973. С. 164—179.

[9] См.: *Клепиков С. А.* Описание древних русских обиходных переплетов // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 51—77.

[10] *Калугин В. В.* Вопросы описания древнерусских обиходных переплетов. Словарь специальной лексики переплетного дела // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3, ч. 2. С. 201—245.

[11] Новгородские рукописи XV века: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-новгородского собрания Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина / Сост. альбома филиграней и автор исследования Е. М. Шварц. М.; Л., 1989. С. 16—30.

Раскрывается содержание рукописи, о чем подробнее речь пойдет далее, указываются записи и приписки, которые могут быть воспроизведены в описании, если помогают проследить историю рукописи, установить имя или имена ее владельцев, датировать рукопись и т. д.

В конце описания могут быть приведены библиографические сведения: перечислены работы, посвященные рукописи в целом, указан ее номер в Предварительном списке славяно-русских рукописей XI—XIV в. и XV в. или в вышедших томах Сводного каталога.

Обратимся теперь к наиболее сложной части описания: раскрытию содержания, что особенно актуально для сборников. На этом стоит остановиться подробнее, поскольку в «Методическом пособии», ориентированном на Сводный каталог, требования к описанию отдельных статей явно занижены, сравнительно с теми, которые должны быть предъявлены при описании сборников, входящем в описание отдельных собраний.[12]

Каждая статья, если она не является уникальной, например авторским сочинением, может получать научное название, ориентированное на перечень наименований, опубликованный во 2-м выпуске «Методических рекомендаций».[13] В названиях гомилий рекомендуется включать наиболее значимые элементы самоназвания в название научное. Например, Слово Иоанна Златоуста «о питающихся лихым имением и о милостыни и о суде». Или Слово «како чтити детем родителей» и подобные. Иногда научное название может существенно отличаться от самоназвания. Так, Повесть о Темир-Аксаке в рукописи имеет

---

[12] См.: *Костюхина Л. М., Покровская В. Ф., Розов Н. Н., Тихомиров Н. Б., Щепкина М. В.* Описание сборников // Методическое пособие... Вып. 1. М., 1973. С. 214—223.

[13] *Жуковская Л. П., Тихомиров Н. Б., Шеламанова Н. Б.* Рекомендуемые наименования памятников письменности и рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2, ч. 1. С. 1—32.

пространное заглавие «Повесть полезна от древняго писания сложена являющи преславнаго бывшаго чюдеси о иконе пресвятыя Богородица, иже нарицается Владимерьскаа, како прииде от града Володимеря в боголюбивый град Москву и избави нас и град наш от безбожнаго и зловернаго царя Темир Аксака». В наименовании памятника не должны быть опущены элементы, позволяющие отличить его от жанрово и типологически схожих. Так, нельзя озаглавить рукопись просто «хронограф», а следует указать его редакцию, например: Хронограф 1617 года распространенный.

Но название памятника не всегда может облегчить его идентификацию. Так, в сборниках XIV в. встречаются две гомилии на Пасху Григория Богослова, текстуально различающихся и, естественно с разными начальными словами, аналогично — разные инципиты имеют два Слова о посте Иоанна Златоуста и т. д. Поэтому обязательным должно стать приведение инципитов гомилий, житий и других памятников. Кроме того, приведение инципитов позволяет сопроводить описание рукописей столь важным указателем начальных слов, который в свою очередь способствует поиску нужных произведений.

В описаниях последнего времени появился еще один элемент: указание на издание текста памятника. Чаще всего это отсылки к опубликованной части Великих Четьих-Миней, к изданию старопечатного Пролога, к описанию состава неопубликованной части Великих Четьих-Миней,[14] к публикациям как XIX века (например, изданию памятников, подготовленному А. И. Пономаревым,[15] Е. Петуховым[16]), так и XX—XXI вв.: встречаются отсыл-

---

[14] [*Иосиф*]. Подробное оглавление Великих Четиих Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке. М., 1892.

[15] *Пономарев А. И.* Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1894—1897. Вып. 1—4.

[16] *Петухов Е.* Древние поучения на воскресные дни Великого поста. СПб., 1886 (Сборник ОРЯС. Т. 40).

ки на тома Памятников литературы Древней Руси или Библиотеки литературы Древней Руси.[17]

Не менее полезны отсылки к литературе, в которой упоминается данный памятник. Так, при описании гомилий крайне желательно соотносить их с Каталогами Е. Э. Гранстрем[18] или Т. В. Черторицкой.[19] По мере публикации составленного мною Каталога памятников, дошедших до нас в рукописях XI—XIV вв.,[20] не бесполезны будут отсылки к этому Каталогу, что позволит ввести описываемые памятники в общий контекст книжности, указав на иные списки тех же произведений. Примером такого описания с комментариями может служить описание пинежских рукописей, составленное Н. В. Савельевой, в частности описание там сборника 1533 г., почти каждая статья которого сопровождается ссылкой на издание или хотя бы упоминание в специальной литературе данного памятника.[21]

Подготовка текста

Как уже было сказано, «археография — это наука о собирании, описании и издании исторических источников».

---

[17] Памятники литературы Древней Руси. Т. 1—12. М., 1978—1994; Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1 — ... СПб., 1997 — ... Издание продолжается.

[18] Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI—XVI веков: Каталог гомилий / Сост. Е. Э. Гранстрем, О. В. Творогов, А. Валевичюс. СПб., 1998.

[19] Предварительный каталог церковнославянских гомилий подвижного календарного цикла по рукописям XI—XVI вв. преимущественно восточнославянского происхождения / Сост. Татьяной В. Черторицкой. Б. м., 1994.

[20] *Творогов О. В.* Древнерусская книжность XI—XIV веков: Каталог памятников // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 3—45; СПб., 2006. Т. 57. С. 368—430; Т. 59 (в печати).

[21] Пинежская книжно-рукописная традиция XVI—начала XX в. Опыт исследования и источники. Т. 1: *Савельева Н. В.* Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. СПб., 2003. С. 282—290.

Мы уже говорили о рукописном наследии, его собраниях и принципах описания, теперь же, перескочив через собственно изучение источника — об этом речь пойдет в лекциях по текстологии, — обратимся к последнему этапу археографического исследования: изданию текста.

Итак, памятник изучен, собраны и классифицированы его списки, выбраны лучшие (или лучший) из них, по которому мы намерены публиковать текст. Подчеркнем, что исследование без издания текста всегда окажется недостаточным, и подчеркнем, что в процессе подготовки издания мы одновременно проверяем и уточняем свои текстологические выводы.

Существует три типа научных изданий — факсимильное, дипломатическое и критическое.[22] Наиболее рациональным, лучше всего отвечающим задачам текстологического исследования, является третий тип — критическое издание.

Факсимильное издание применимо прежде всего для уникальных рукописей, для текстов, сохранившихся в единственном списке, для текстов, представляющих особый интерес для лингвистов и палеографов. Даже если принять как аксиому, что факсимильное издание точно воспроизводит текст рукописи, оно имеет и свои негативные стороны. Прежде чем говорить о них, напомним, что факсимильное издание может быть, как это ни парадоксально, неточным. Это прекрасно показал Л. А. Дмитриев в статье, посвященной факсимильным изданиям «Слова о полку Игореве», и Л. П. Жуковская: дело в том, что часть листа, обычно это полоса, прилегающая к корешку, может на фотографии деформироваться, а поправляющий неясности воспроизведения ретушер — исказить текст.[23]

---

[22] См.: *Лихачев Д. С.* (при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва). Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. Изд. третье, перераб. и доп. СПб., 2001. С. 470—488.

[23] *Дмитриев Л. А.* Факсимильные издания «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 77—82; *Жуковская Л. П.* Научное факсимильное издание древних рукописей // Проблема научного

Но самое главное в другом. Издание предполагает не только прочтение издаваемого текста (если угодно, любование им, если рукопись древняя, или написана красивым почерком, или имеет украшения — инициалы, заставки и т. д.), но и его последующее цитирование. И окажется, что все, кто будет текст цитировать, должны быть не только вполне подготовлены для того, чтобы правильно прочесть и точно воспроизвести текст (а в цитатах он, как правило, передается в упрощенном виде), но и действовать по единым правилам при раскрытии титлов, введении в строку выносных, в восполнении недописанных в рукописи (что естественно) окончаний слов и т. д. Иными словами, каждый, кто цитирует текст, должен оказаться опытнейшим палеографом. Не меньше трудностей вызывает и расстановка знаков препинания. Как известно, современная система пунктуации неизвестна древним рукописям, там мы постоянно встречаем постановку точки в тексте, не имеющем каких-либо примет конца фразы, как ее понимал писец. В то же время точка нередко разделяет даже подлежащее и сказуемое. Не будем приводить рассуждений о древнерусской «пунктуации», скажем лишь, что она совершенно несовместима с пунктуацией современной. Но, видимо, именно ее имели в виду московские ученые Н. И. Прокофьев и В. В. Кусков, когда выступали с резкой критикой принципов издания текстов, принятых «школой Лихачева». Ученые прямо утверждают, что «современная теория и практика текстологии древнерусской литературы привела в тупик как изучение стиля, так и поэтики литературы Древней Руси, особенно ее ритмико-мелодической системы»,[24] полагая, видимо, что точки, о которых шла речь выше, отражают деление текста на синтагмы по представлениям древнерусских авторов и переписчиков.

описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981. С. 48—61.

[24] *Кусков В. В., Прокофьев Н. И.* Критические раздумья о современных научных изданиях памятников древнерусской литературы // Вестник МГУ. 1993. Сер. 8. Филология. № 5. С. 35.

Мы скажем особо о принципах критического издания, сейчас же ограничимся суждением, что фототипическое издание, пусть даже безукоризненно точное, остается для филологов и историков сырым материалом, а интересно лишь для палеографов и какой-то части высококвалифицированных (подчеркнем это) лингвистов, и оправдывает себя лишь при публикации единичных, особо ценных рукописей (а не письменных памятников).

Все сказанное относится и к дипломатическим изданиям, когда текст воспроизводится современным типографским набором, но сохраняются сокращенные написания слов под титлом, выносные буквы, иногда надстрочные знаки. Глубоким заблуждением является позиция московских авторов, когда они — опираясь на пример издания Е. Ф. Карским Лаврентьевской летописи[25] — утверждают, что можно совместить дипломатическое и критическое издания. При внимательном анализе данной книги оказывается, что основной список издан ученым «для лингвистов», а подстрочный аппарат — для литературоведов, ибо там не отмечены разночтения орфографического характера, типа великии — великыи, црькви — цркви, тѣм — тѣмь и под. Совершенно прав был Д. С. Лихачев, утверждая неизбежность сосуществования разных изданий — для лингвистов, с одной стороны, и для литературоведов — с другой. Характеризуя упомянутое издание летописи Е. Ф. Карским, он писал, что «с точки зрения лингвистов (оно) выполнено превосходно, но с точки зрения историков и литературоведов оно выполнено плохо, так как Е. Ф. Карский соединил различные памятники».[26] Мне пришлось как оппоненту спорить с лингвистом, соискателем докторской степени, который, цитируя Лаврентьевскую летопись по рукописи, добросовестно сохранял все точки в тексте, так, на всякий случай, «для точности», хотя их функции и причины их появления в тексте не мог объяснить.

---

[25] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997 (Репринтное воспроизведение издания 1926—1928 гг. под ред. Е. Ф. Карского).

[26] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 474.

Поэтому, на наш взгляд (я имею в виду единомышленников Д. С. Лихачева), в большей степени отвечает задачам научной публикации критическое издание текста, и прежде всего потому, что оно позволяет приводить критический аппарат, разночтения для наиболее основательной передачи текста со всеми его особенностями по разным спискам.

Но перед издателем остается чрезвычайно сложная задача — грамотно воспроизвести современными типографскими средствами древнерусский текст. Сразу же подчеркну: для издания важно, чтобы издатель четко сформулировал и изложил принятые им принципы передачи текста и строго следовал им.

На этих принципах нужно остановиться особо.

1. Текст делится на слова и фразы, в соответствии с пониманием его издателем. Для читателя совершенно ясно, что он имеет дело с издательской интерпретацией текста, которая в отдельных случаях может вызвать возражения и потребовать поправки. Каждый готовивший текст знает о случаях, когда он должен решать, как именно правильно разделить текст на слова. Хрестоматийный пример из Повести временных лет: читать «по бѣлеи веверице», то есть по «зимней белке», либо «по бѣле и веверицѣ», то есть по серебряной монете и веверице-белке. Это последнее толкование было развито Б. Д. Грековым и принято Д. С. Лихачевым в издании Повести временных лет.[27]

Наиболее сложно отличить конечную «и» в прилагательных от союза «и», или «и» в составе приставки: «исписати», либо «и списати». Когда в рукописях XVII века появляется раздельное написание слов, это не улучшает положения, поскольку предлоги писались слитно с последующим существительным, а иногда предложенный рукописью словораздел оказывается явно ошибочным: например, «бысть тростию» вместо «быстростию», «яко тела моего» вместо «яко Теламон» и подобные.

[27] Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и статьи Д. С. Лихачева. Изд. второе, испр. и доп. СПб., 1996. С. 397.

В падежных формах от местоимения «иже» сохраняются слитные написания «егоже», «емуже».

В тех случаях, когда происходит ассимиляция последней согласной предлога и первой согласной существительного, желательно использование дефиса: «бе-срама».

2. Буква «і» заменяется на «и», «ѧ» и «ꙗ» на «я», «ѫ» на «у» или «ю», «оу» и «ѹ» на «у», «ѕ» и «ꙁ» на «з», «ѳ» на «ф», «ѯ» на «кс», «ѱ» на «пс». Однако считаю желательным сохранение в тексте букв «ѣ» и «ѵ».

3. Титла раскрываются, но нужно помнить о сохранении (восполнении) буквы ѣ, например в слове «человѣк», а также «ь». Необходимо решить (в соответствии с характером рукописи), как раскрывать написание «днь», «хрстиане» и подобное. Главное, чтобы было соблюдено единое написание.

4. Букву «й» желательно не применять, так как, отмечает, например, Д. С. Лихачев, «введение этой буквы связано с изменением произношения. Древние тексты не знают этой буквы, так как в русском языке в соответствующих местах слова не было и обозначаемого ею звука».[28] Не следует смешивать «й» с написанием «ѝ», когда нужно отличить местоимение от союза.

5. При внесении в строку выносных букв следует помнить, что согласные выносились либо на конце слова, либо в середине слова, но только или перед согласной, или перед йотированной гласной. Соответственно после вносимой в строку конечной согласной лучше не ставить «ъ», «ь» писать только после исконно мягких («путь», «суть»), но не после шипящих, так как в рукописи в этом случае встречается и «ъ» и «ь». В написаниях типа «братье», «Максимьян», «Юрья» мы вставляем «ь» после выносной согласной.

6. Часто выносилась согласная «д» с опущением следующей гласной, отсюда возникала возможность двоякого написания. Так, в «Слове о полку Игореве» возможно написание «подобию», или — и правильнее — «по дубию».

[28] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 498.

7. Восполняется «е» после выносных «ж» и «ч»: «мужество», «дондеже» и подобные, «рече», «обаче» и подобные. Следует помнить, что выносное «с» в исходе слова может раскрываться как «сть» — «честь», «есть».

8. В инфинитивной форме глагола после выносной «т» восполняется «и».

9. Следует унифицировать употребление прописных букв: Бог, Господь, Богородица, Троица и подобных. Можно принять за принцип варианты написаний: «новгородский епископ», но «епископ Новгородский», «киевский князь», но «князь Киевский», «земля Греческая», «град Римский».

Знаки препинания расставляет издатель, при этом можно руководствоваться принципом: расставлять их как можно меньше, ровно столько, сколько необходимо для понимания смысла текста.

Следует обратить внимание на раздел «Передача текста» в книге Д. С. Лихачева «Текстология», и там же на раздел «Подготовка разночтений для издания текстов».[29] О приемах подведения разночтений речь пойдет в курсе лекций «Текстология».

---

[29] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 497—523.

ТЕКСТОЛОГИЯ

Лекция первая

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ТЕКСТОЛОГИИ

Обоснование задач текстологии и обстоятельное изложение основных принципов текстологических исследований памятников древнерусской книжности содержится в монументальном труде академика Д. С. Лихачева «Текстология», вышедшем в 2001 г. третьим изданием.[1] Находящаяся перед читателем книга обращена прежде всего к студентам и начинающим исследователям, это своего рода практическая текстология: в ней рассматриваются основные приемы работы древнерусского книжника, которые и приводили к изменению текста, к появлению его новых видов и редакций. Поэтому важно не только выявить и описать эти приемы, но и предложить методы их исследования. Мы не случайно будем рассматривать порой наиболее сложные и спорные факты истории древнерусской книжности, упоминать текстологические споры, длящиеся порой десятилетиями, споры о времени создания произведения, его авторе, о первоначальном виде авторского текста и т. д. Важно показать, как сложно изучение истории текста средневекового письменного источника, как его действительная история противоречит иногда «здра-

---

[1] *Лихачев Д. С.* (при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва). Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. Изд. третье, перераб. и доп. СПб., 2001. (1-е изд. — 1962 г., 2-е изд. — 1983 г.)

вому смыслу», к которому порой апеллируют исследователи, как сложна и в то же время увлекательна текстология — наука об истории текста.

Вы убеждаетесь в ее необходимости, как только начинаете заниматься каким-либо древнерусским памятником: летописью, исторической повестью, житием. Собрав списки произведения, вы обнаруживаете, что все они в той или иной степени отличаются друг от друга. Следовательно, вы должны разобраться в этом многообразии, распределить списки по группам, в зависимости от их сходства, найти текст (список), который, по вашему мнению, наиболее близок к первоначальному, авторскому тексту. Но сводить всю текстологию к сумме приемов, с помощью которых вы выявляете во всем многообразии списков лучший, первичный, авторский текст, совершенно недопустимо. Д. С. Лихачев, заложивший основы современной текстологии древнерусской литературы, подчеркивал, что важны не только поиски лучшего списка, важно изучить все движение текста, попытаться объяснить, что руководило книжниками при создании новых вариантов — редакций текста, отличать осмысленные его изменения от случайных, механических. Важность текстологического исследования летописей для установления первичной версии рассказа о событии показал в своей книге известный исследователь летописания Я. С. Лурье.[2] Он привел примеры, когда историки, не проведя текстологического изучения дошедших до нас летописей, основывали свои выводы на показаниях случайных списков, поздних интерпретациях, а то и просто допускали ошибки, поскольку не дали себе труда установить источники анализируемого ими рассказа, проследить его эволюцию под пером летописцев. Нужно помнить, что мы имеем дело с историческими источниками, и именно по ним и только по ним реконструируем события прошлого, идеологию и литературные вкусы наших предков.

---

[2] *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании московского государства. СПб., 1994.

А что же такое исторический источник? По традиционному определению, исторический источник — это созданный людьми культурный объект, при этом материально зафиксированный. Рассказ очевидца о событии — тоже источник, но если он не записан (на бумаге или магнитофонной ленте), то не может считаться историческим источником.

Московский историк Л. Н. Пушкарев посвятил целую книгу анализу разного рода исторических источников.[3] Он рассматривает только письменные исторические источники (ведь скифский гребень, античная ваза или чудом уцелевший на дне моря остов старинного корабля — тоже источники). Так вот, письменные исторические источники Л. Н. Пушкарев делит на две группы — документальные (картографические, актовые, канцелярские), которых мы касаться не будем, и повествовательные, среди которых различает личные (письма, дневники, мемуары), художественные (т. е. литературные произведения), научные и исторические, что, собственно, и станет предметом нашего рассмотрения. Исторические источники Пушкарев предлагает делить на исторические повести, хронографы и летописи. Сразу же подчеркнем, что каждый вид источника имеет свои «родовые» признаки и требует специфических приемов изучения.

Так, историческая повесть, предлагающая связный, живой, порой увлекательный рассказ о событии, находится на грани художественного произведения и документального повествования, в ней переплетаются сведения о событиях, которые сам рассказчик принимал как достоверные свидетельства очевидцев и как предания о них, легендарность отдельных деталей которых была видна, вероятно, и самому автору повести. Летопись же больше стремится к документальности, правдивости, а главное — имеет специфическую композицию: рассказ о прошлом предстает в ней как сумма рассказов о событиях, которые

---

[3] *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

произошли в каждый из ряда следующих один за другим годов. Летопись — это всегда свод — где каждый летописец продолжает рассказ своего предшественника, нередко внося в него свои добавления, сокращения, новые акценты. Наконец, хроника или Хронограф — это всегда компиляция выписок из переводных источников. Составитель лишь изредка вмешивается в ее текст, ограничиваясь, как правило, лишь смысловыми «мостиками»: он составляет свое повествование из выписок, словно бы строит дом из кубиков. Отсюда и особые способы изучения хроник, о которых речь пойдет далее.

Но прежде всего коснемся двух важнейших проблем, без решения которых все наши разыскания окажутся бессмысленными. Каждый источник должен прежде всего пройти проверку на *подлинность* и *достоверность*.

Подлинным считается источник, который действительно относится ко времени, к которому сам себя относит, и является творением того лица или группы лиц, которых объявляет своим автором или авторами. В противном случае перед нами фальсификат. У нас нет возможности останавливаться на этой проблеме подробнее, поэтому я отсылаю читателя к интересным и ценным работам В. П. Козлова — «Тайны фальсификации» и «Обманутая, но торжествующая Клио»,[4] в которых рассматриваются, в частности, такие фальсификаты, как мнимая речь молодого Ивана Грозного; не существовавшее в действительности письмо Петра Первого, посланное им будто бы в 1711 г. в Сенат; «рукопись профессора Дабелова» о книгах, якобы находившихся в библиотеке Ивана Грозного; мнимый дневник фрейлины последней русской императрицы А. А. Вырубовой, составленный, как полагают, историком и литературоведом П. Е. Щеголевым; фальшивые «директивы» Коминтерна и т. д. Кратко остановимся

---

[4] *Козлов В. П.* 1) Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII—XIX веков. 2-е изд. М., 1996; 2) Обманутая, но торжествующая Клио: Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001.

лишь на одном фальсификате — «Велесовой книге». Созданная, по моему мнению, в середине прошлого века, но претендующая на роль исторического источника IX в., сообщающего уникальные известия о жизни славян почти за полторы тысячи лет до Аскольда и Дира, «Велесова книга» оказалась поразительно живучей. Несмотря на доказательства ее подложности в моих работах, работах историков В. П. Козлова и И. Н. Данилевского, лингвистов Л. П. Жуковской и А. А. Алексеева,[5] книга многократно издавалась, по моим сведениям включена в вузовские программы на Украине, у нас получила восторженную оценку в книге «Культурология» с сетованиями, что «в отечественной исторической науке даже то немногое, что осталось — Велесову книгу, предположительно написанную новгородскими жрецами не позже IX в., считают подделкой».[6] Я боюсь, что моим слушателям еще придется столкнуться с этой нелепой, абсурдной, но поразительно живучей фальшивкой.

Вторая проблема — достоверность источника. Сразу скажем, что абсолютно достоверный источник, особенно если речь идет о повествовательных источниках, может встретиться весьма редко. Речь может идти о большей или меньшей степени достоверности источника. И помочь в решении этой проблемы как раз и должна текстология. Покажу это на одном характерном примере, тем более поучительном, что создатель феномена не дилетант, не начинающий ученый, а авторитетный историк — академик Б. А. Рыбаков.

В Никоновской летописи XVI в. мы находим немало уникальных известий о русской истории Киевского периода. Иногда их несомненная недостоверность становится очевидной сразу после неглубокого источниковедческого анализа. Так, в статье 6508 г., т. е. тысячного года по современному летоисчислению, в летописи говорится о

[5] См.: Что думают ученые о «Велесовой книге». СПб., 2004.

[6] Культурология: История мировой культуры. 2-е изд. М., 1999. С. 132.

приходе на Киев князя Володаря с половцами. Владимир в это время находился в Переяславце на Дунае. Александр Попович — тот самый былинный богатырь — «уби Володаря и брата его», а далее в статье «Богатыри» под 6509 г. рассказывается, как Владимир «сътвори празднование свѣтло, и милостыню многу раздаде по церквамъ и по монастырем, и убогимъ и нищимъ, и по улицамъ болнымъ и клоснымъ великиа кади и бочки меду и квасу, и перевары и вина поставляше, и мяса, и рыбы, и всякове овощие, что кто требоваше и ядяше».[7] Несоответствие этой статьи действительности было отмечено еще Д. С. Лихачевым, который писал: «...половцы не могли появиться под стенами Киева при Владимире I: их еще не было в южнорусских степях; они появились в конце XI в. Володарь, о котором идет речь в Никоновской летописи (Володарь Ростиславич), действительно подступал к Киеву и при этом именно с половцами, но не в 1000 г., а в 1110 г. при Владимире Мономахе».[8] Отметим явное недоразумение: в 1110 г. Володарь с половцами не подступал к Киеву, а Мономах в этом году еще не был киевским князем, и вообще в 1110 г. Святополк Киевский, Владимир Мономах и Давыд Святославович сами ходили на половцев. Но к сказанному Д. С. Лихачевым добавим, что в Переяславце на Дунае был отец Владимира — Святослав Игоревич, это он, когда Киев осадили печенеги (а не половцы) «прогнал» их «в поле». И описанный здесь пир устроил Владимир, согласно летописи, в 996 г. после победы над печенегами: ряд деталей в Никоновской летописи прямо восходит к рассказу Повести временных лет, также полулегендарному, об этом событии.[9] Все дело в том, что создатель Ни-

[7] Никоновская летопись: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. 68 (Фототипическое воспроизведение — М., 1962).

[8] *Лихачев Д. С.* Летописные известия об Александре Поповиче // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 340—341.

[9] Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 56.

коновской летописи составлял свой рассказ, компилируя фрагменты из Повести временных лет, повествующие о совсем других временах и событиях. На это и следовало бы обратить внимание Б. А. Рыбакову, прежде чем делать вывод о том, что в Никоновской летописи сохранились — из какого-то неведомого нам древнего источника — сведения не об одном, как в Повести временных лет под 860 г., а о трех походах Руси на Константинополь: в 860, 866 и 874 гг.[10] Эту гипотезу Б. А. Рыбакова некритично восприняли московский историк О. М. Рапов[11] и украинский историк Н. Ф. Котляр.[12]

Как же обстояло дело в действительности? Приведем соответствующие фрагменты из Никоновской летописи,[13] указав рядом с ними их источники. Итак:

Иногда приидоша изъ Киева русскии князи Осколдъ и Диръ на Царьградъ въ царьство Михаила царя и матери его Феодоры… въ первую недѣлю поста, и много убийства сотвориша (с. 7).	Летопись (в нашем случае — Софийская 1-я летопись)
Царь же Михаилъ и Фотий патриархъ всенощную молбу соотвориша… и вси избиени быша (с. 7).	Хронограф
О пришествии агарянъ на Царьградъ Множество съвокупившеся агарянъ прихождаху на Царьградъ, и сиа множицею творяще. Слышавше же киевстии князи Асколдъ и Диръ, идоша на Царьградъ и много зла сътвориша (с. 8).	Автор Никоновской

[10] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 169.

[11] *Рапов О. М.* Русская церковь в IX—первой трети XII в.: Принятие христианства. М., 1988. С. 82.

[12] *Котляр Н. Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 44—45.

[13] Никоновская летопись. Страницы указаны в тексте в скобках.

В лѣто 6374. Иде Асколдъ и Диръ на Греки. Царемъ же Михаилу и Василию отшедшимъ... и потопи безбожную Русь (с. 9).	Летопись (ПВЛ)
О князи рустемь Осколдѣ Роди же нарицаемии руси, иже и кумани, живяху въ Ексинопонтѣ... възвратишася тщии князи ихъ Асколдъ и Диръ. Василие же много воиньствова на агаряны и манихеи. Сътвори же и мирное устроение съ прежереченными русы и преложи сихъ на христианство, и обѣщавшеся крестититися (с. 13).	Паралипомен Зонары (через Хронограф)

Итак, установив источники рассматриваемой статьи Никоновской летописи, мы видим, что речь должна идти не о трех походах на Византию, а о использовании трех источников: летописи типа Софийской первой, летописи типа Лаврентьевской и Русского хронографа, и во всех источниках говорится об одном и том же походе 18 июня 860 г. (в ПВЛ он ошибочно датирован 866 г.). Но статья Никоновской требует и еще некоторых комментариев. Во-первых, имена Аскольда и Дира, как предводителей похода, появляются только в Повести временных лет. Византийские хроники военачальников русичей не называют (или не знают). В сокращенной переработке хроники Зонары — Паралипомене Зонары, использованном в Русском хронографе, эти имена также есть, но примечательно их происхождение: они были *добавлены* лишь в списке Паралипомена в русской рукописи начала XVI в. — Волоколамском сборнике № 655.[14]

Обратимся к последней статье Никоновской летописи — «О князи рустемь Осколдѣ». Она привлекла внимание Б. А. Рыбакова, назвавшего ее «интереснейшим летописным свидетельством, заимствованным историками XVI в.

[14] РГБ, Волоколамское собр., № 655, л. 106 об. См. также в издании: Паралипомен Зонары // ЧОИДР. 1847. № 1. С. 101.

из какого-то греческого источника».[15] Но гадать здесь не приходится — на Паралипомен Зонары как на источник Русского хронографа указал еще сто с лишним лет тому назад А. Н. Попов в своей широко известной работе «Обзор хронографов русской редакции».[16] Анализ Паралипомена и, самое главное, сопоставление его с полным текстом Хроники Зонары,[17] известной, кстати говоря, в средневековом славянском переводе,[18] объясняет и еще одну загадку. По Паралипомену выходило, что именно после поражения Аскольда и Дира какая-то часть русов приняла крещение. И это крещение при Аскольде (не установив при этом источника рассказа Никоновской летописи) взялись объяснять и комментировать наши историки. А все дело в том, что в сокращении Хроники Зонары — Паралипомене — были слиты три извлечения из Хроники, которые, например, в упомянутом выше листового формата списке Хроники Зонары удалены друг от друга: они читаются соответственно на листах 414—414 об., 420 об. и 427—427 об.; в результате мнимое крещение русов совместилось с рассказом о походе. В то же время были внесены изменения и в текст Паралипомена при цитировании его в Хронографе (и соответственно в Летопись): если в Паралипомене говорится, что увидев чудо с евангелием, которое не сгорело, будучи брошенным в огонь, русичи «чюдещеся силѣ Христовѣ. И начеше нудитисе на крещение», то в Хронографе иначе: «чюдящеся силѣ Христовѣ и вси крестишася»,[19] то есть там говорилось о намерении, желании, здесь же о состоявшемся факте. Мы

---

[15] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 346.

[16] *Попов А.* Обзор хронографов русской редакции. Вып. I. М., 1866. С. 169—170.

[17] Хороший список этого перевода XVI в. хранится в БАН под шифром 24.4.34.

[18] См. о ней: *Творогов О. В.* Хроника Иоанна Зонары // СККДР. Вып. 2, ч. 2. С. 492—494.

[19] ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 года. С. 353.

так подробно разобрали этот пример, чтобы показать необходимость, во-первых, знать литературу вопроса (в нашем случае суждения А. Н. Попова о Паралипомене как одном из источников Хронографа), во-вторых, приложить максимум усилий для разыскания источников летописного текста, так как было очевидно, что о событиях IX века летописец века XVI мог писать, лишь опираясь на какие-то более ранние источники, хотя, как показал пример с описанием похода Володаря на Киев, мог прибегать и к вымыслу. Итак, прежде чем приходить к ответственным выводам о трех походах Руси на Константинополь и о крещении русичей при Аскольде и Дире, было необходимо произвести тщательное текстологическое исследование источника, при этом имея в виду склонность составителя Никоновской летописи к историческим фантазиям.

Текстологический анализ, следовательно, необходим не только для решения литературоведческой задачи — реконструкции истории текста источника, но и для ответа на вопрос о степени достоверности содержащихся в нем сведений.

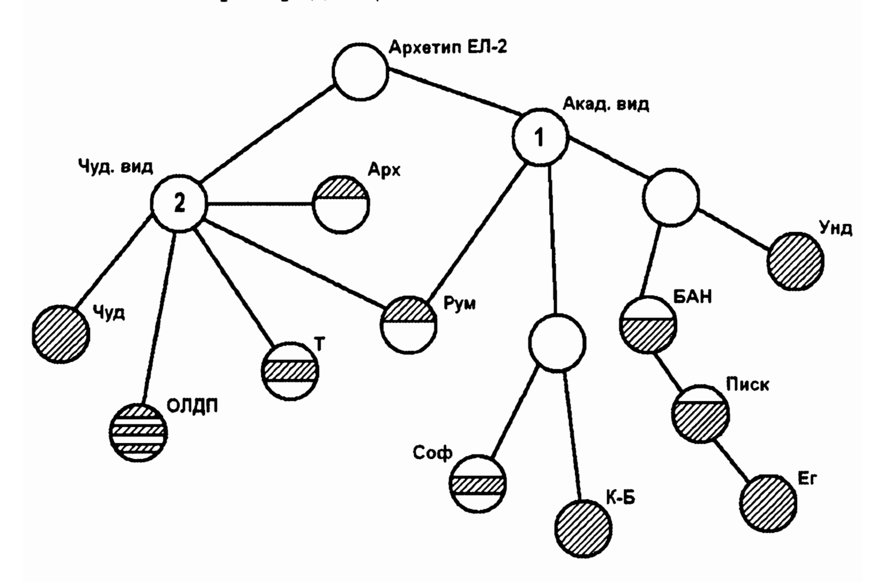
Обратимся к методике текстологических исследований. В текстологии мы постоянно встречаем термины «архетип», «протограф», «редакция», «вид». Дадим характеристику этим понятиям.

Архетипом называется текст, к которому восходят другие, вторичные списки. Д. С. Лихачев предложил такое определение архетипа: «Предполагаемый текст, от которого пошли все остальные тексты списков данной редакции <...> Архетип может быть не только у списков какой-либо редакции, но и у какой-либо родственной группы списков вообще, или даже у всех списков данного произведения».[20] Нагляднее представить себе взаимоотношение списков поможет схема (в текстологии графическое изображение взаимных отношений списков называют стеммами). Сразу же подчеркну, что стемма не только облегчает читателю понимание взаимосвязей списков,

[20] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 143.

но и является надежным средством проверки собственных умозаключений. Кроме того, стемма способна сообщить графическим способом и другие сведения о списках.

Рассмотрим стемму списков Летописца Еллинского и Римского второй редакции:[21]

Во-первых, укажем, что белыми кружками на стемме изображаются не дошедшие до нас, гипотетически реконструируемые списки, штриховкой — списки сохранившиеся. Мы видим, что в верхней части стеммы находится архетип редакции, от которого произошли архетипы двух видов: Чудовского и Академического. Это именно виды,

[21] В стемме приняты следующие обозначения списков: Арх — рукопись БАН, Архангельское собр. С 18; БАН — рукопись БАН, 33.8.13; Ег — рукопись РГБ, собр. Егорова, № 867; К-Б — рукопись РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 1/6; ОЛДП — рукопись РНБ, собр. Общества любителей древней письменности F. 33; Писк — рукопись РГБ, собр. Пискарева, № 162; Рум — рукопись РГБ, собр. Румянцева, № 456; Соф — рукопись РНБ, Софийское собр., № 1520; Т — рукопись РНБ, Основное собр. F.IV.91 (бывшее собр. Ф. А. Толстого, I № 312); Унд — рукопись РГБ, собр. Ундольского, № 720; Чуд — рукопись ГИМ, Чудовское собр., № 51/353.

а не редакции, так как отличия их носят частный характер — пропуски, перестановки, замены отдельных слов. Есть на стемме и архетип двух списков — Кирилло-Белозерского (К-Б) и Софийского (Соф): эти списки объединяют общие вторичные чтения, в частности многочисленные перестановки слов, которые не могли одинаково возникнуть самостоятельно в двух списках, а явно восходят к их общему архетипу. Списки БАН, Пискаревского собр. (Писк.) и Егоровского (Ег.) связаны уже иными отношениями: список Писк. является копией списка БАН (точнее, протографа списка БАН, в котором читался полный текст; в списке БАН первая половина текста утрачена, он начинается с листа 434 прежней пагинации); в свою очередь, список Писк. является протографом списка Ег. Из стеммы мы узнаем и о сохранности текста в списках: почти полным (на стемме это не показано, так как утрачено всего несколько листов в начале рукописи) является список Чудовский, Кирилло-Белозерский список также полон. Остальные списки дефектны: в списке БАН отсутствует первая половина текста, в списке Писк. — начало, в списке Толстовском (Т) и Соф. — начала и концы. Отметим, что дефекты рукописей затруднили изучение памятника: так, список Толстовский был известен А. А. Шахматову, но он не определил его сходства со списком Чудовским, так как в списке (заметим, одетом в роскошный переплет!) были перепутаны листы: он начинался с листа 66 восстановленной, верной пагинации, затем следовали листы 60—62, 59, 22, 64 и т. д.[22] Список ОЛДП, подтвердивший существование Чудовского вида, Шахматову был неизвестен. Да и я «наткнулся» на него случайно, руководствуясь припиской на полях другого списка Летописца, сделанной (вопреки библиотечным правилам) кем-то из исследователей (В. М. Истриным или С. П. Розановым) и отсылавшей к рукописи ОЛДП, которая была списана Х. М. Лопаревым, но определена им совершенно

[22] См. подробнее: *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 114.

неверно. Лопарев почему-то лишь расписал подробно содержание начальных и конечных листов рукописи (на синей бумаге, что наглядно указывало на их позднее происхождение), действительно содержащих выписки из Хронографа 1620 г., но ни словом не обмолвился о составляющих основную часть рукописи двух огромных блоках (листы 62—121 и 138—485), на бумаге XVI в., содержащих (правда, со значительной путаницей листов) текст Еллинского летописца.[23]

Мы уже говорили, что следует различать редакции и виды памятника. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Редакция — это (используем определение, данное В. М. Истриным) «такая переработка памятника, которая была произведена с определенной целью, будучи вызвана или какими-либо общественными событиями, или чисто литературными интересами и вкусами книжника, или с целью обрусить самый памятник (например, со стороны языка) и т. п., одним словом, такая переработка, которая может быть названа литературной».[24] Несколько корректируя определение, данное В. М. Истриным, Д. С. Лихачев подчеркивает как самое главное указание на «целенаправленность работы книжника, создающего новую редакцию».[25] Приведем несколько примеров. Хронографический свод по всемирной истории, созданный в XV в. — Летописец Еллинский и Римский — известен в двух редакциях. Первая представляет собой соединение Вводной части, излагающей «греческие мифы и басни», как определил ее А. Н. Попов,[26] фрагмента из шестой и седьмой книг Хроники Иоанна Малалы, Александрии, а затем выборок из Хроники Георгия Амартола. Вторая редакция явно ставит своей целью предложить иное, более подробное изложе-

---

[23] *Лопарев Х. М.* Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности. Ч. I. СПб., 1892. С. 87.

[24] *Истрин В. М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.) Пг., 1922. С. 87.

[25] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 133.

[26] *Попов А.* Обзор хронографов русской редакции. С. 73.

ние всемирной истории, включив в свой состав книги пророка Даниила, переработанный текст Александрии, житие Богородицы, житие Константина и Елены, рассказ о взятии Иерусалима Титом, Сказание о построении храма святой Софии в Константинополе и т. д. Текст редакции разбит на статьи, выделенные киноварными заголовками, что значительно облегчает ориентацию в огромном тексте Летописца.

Другие примеры. Вероятно, в XI—XII вв. на Руси становится известен перевод Повести об Акире Премудром, еще хранящий следы своего восточного оригинала (ассирийской повести). В поздних редакциях, Краткой и Распространенной, текст русифицируется: Акир, советник ассирийского царя, обретает черты христианского праведника, а Синагрипп, напротив, напоминает теперь простоватого царя из народной сказки, не величественного и грозного, а скорее смешного.[27] В новых редакциях Сказания о Мамаевом побоище вносятся исторические анахронизмы: вдохновителем Дмитрия Донского на битву с Мамаем становится в одной из редакций митрополит Киприан, которого в 1380 г. вообще не было в Москве, и т. д.[28]

Следует предостеречь от стремления считать редакцией всякую чем-то отличающуюся группу списков. Так, едва ли правомерно выделение двенадцати редакций жития Леонтия Ростовского,[29] хотя не вызывает сомнение наличие в каждой из групп списков своих отличительных признаков. Возможно, правомерней было бы выделить *виды* внутри несомненных самостоятельных *редакций*. Однако, бесспорно, являются редакциями авторские переработки житийных текстов, например, под пером Пахомия Логофета.[30]

---

[27] См.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 163—180.

[28] См.: *Дмитриев Л. А.* К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 408—411.

[29] См.: *Филипповский Г. Ю.* Житие Леонтия Ростовского // СККДР. Вып. 1. С. 159—161.

[30] См.: *Прохоров Г. М.* Пахомий Серб (Логофет) // СККДР. Вып. 2, ч. 2. С. 167—177.

Редакции бывают идеологические, примеры которых приведены выше, стилистические, когда создается новая «украшенная» редакция, обычно путем многочисленных вставок в текст, или композиционные, когда фрагменты текста меняются местами или в текст вставляются новые фрагменты и эпизоды.

Представленные здесь объяснения, разумеется, скупы и формальны. В действительности же за каждой редакцией стоит новая авторская «концепция» или новый взгляд на характер текста; «виды» объединяют списки с ярко выраженными общими отличиями от списков других групп, но внутри «вида» и «группы» вы не найдете (или найдете крайне редко) двух совершенно идентичных по тексту списков. Многое зависело от жанра: книги Священного Писания, богословские трактаты, переводные хроники обычно имеют мало отличий (разночтений) — писцы стремились точно воспроизвести священный или просто сложный для них текст. Иное дело — повести или жития, где каждый писец позволял себе «править» текст своего предшественника: переставлять слова, добавлять или пропускать их, не говоря уже о вариациях грамматических форм. Поэтому текстологические стеммы лишь дают представление об основных отличиях и взаимоотношениях памятников, редакций, групп списков. В реальности же картина значительно сложнее, отличия списков разнообразней, вариативность текста, которую невозможно передать графически, огромна. И это представляет для исследователя немало трудностей, преодолеть которые и помогает знание основных принципов и приемов текстологического анализа древнерусских письменных текстов.

Лекция вторая

РАБОТА ДРЕВНЕРУССКОГО КНИЖНИКА. ВСТАВКИ И/ИЛИ ПРОПУСКИ

Анализируя текст памятника по древнерусским спискам, исследователь как бы идет вслед за писцом и редактором, стремясь понять, как и почему он изменял предшествующий текст, создавая новый вид или новую редакцию. Один из наиболее распространенных приемов такой работы книжника — сокращение или, напротив, расширение, дополнение текста, созданного его предшественником. И перед текстологом встает задача определить: что перед нами — вставка в одном из сравниваемых текстов или, напротив, — сокращение в другом.

Хрестоматийный пример: рассказ о том, как княгиня Ольга отомстила древлянам за убийство мужа в Новгородской первой летописи и в Повести временных лет. В Новгородской летописи рассказывается, что Ольга после того, как закопала живьем первых древлянских послов, сожгла в бане второе посольство и во время тризны по Игорю перебила древлянских воинов непосредственно под стенами их столицы — Искоростеня, вернулась в Киев «и пристрои вои на прокъ ихъ».[1] Затем княгиня с малолетним сыном своим Святославом снова идет на древлян. Проис-

[1] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 112.

ходит битва, «и победиша древляны (винительный падеж множественного числа — т. е. «древлян». — *О. Т.*), и возложиша на них дань тяжку». Тот же рассказ о трех мщениях Ольги читается и в Повести временных лет, но после слов «И победиша древляны» следует вставка — рассказ о том, как Ольга хитростью овладела древлянской столицей, сожгла город, городских старейшин пленила, а горожан, кого «изби», кого «работе предасть мужем своимъ, а прокъ их остави платити дань», и после этого следует вторая часть фразы, читавшейся в Новгородской летописи: «И възложиша на ня дань тяжку».[2] А. А. Шахматов видел здесь вставку в тексте Повести временных лет, а споривший с ним В. М. Истрин — пропуск в Новгородской летописи. Но большинство ученых следуют за Шахматовым: действительно, три мести княгини Ольги соответствуют трем элементам языческого похоронного обряда: покойника клали в ладью (а первых послов Ольга заставила прийти к себе, сидя в ладье, которую несли на руках киевляне), потом сжигали (смерть древлян в бане), а затем устраивалась тризна — военные игры, соединенные с пиром. Но в данном случае «битва-игра обратилась в настоящую битву, как перед тем выполнение обряда похорон — в настоящие похороны».[3] Следовательно, перед нами вставка, при этом разрушающая символический подтекст трех мщений княгини.

Иногда, напротив, сокращение текста нарушает смысл и логику описываемого. Приведем два примера. Один из них — из Краткой редакции перевода романа мессинского судьи Гвидо де Колумна «История разрушения Трои». Этот роман был переведен с латыни (что вообще редкое явление в древнерусской литературе той поры, обычно практиковавшей переводы с греческого), скорее всего с одного из страсбургских изданий 80-х гг. XV в. Роман, как показывает его дальнейшая судьба на русской почве, привлек

---

[2] Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 29.

[3] См. комментарий Д. С. Лихачева: Повесть временных лет. С. 438.

внимание древнерусских читателей, но у него был и один недостаток, весьма ощутимый в эпоху, когда книги переписывались, а не печатались: он был чрезмерно велик (около 300 страниц машинописи). Поэтому древнерусские книжники стали создавать его сокращенные варианты. Наиболее распространенный из них — Краткая редакция — в три раза короче оригинала. Редактор выбрасывал целые фрагменты, руководствуясь своими представлениями о том, что интересно, и что, напротив, может быть опущено без ущерба. Но составитель Краткой редакции был довольно бездарен. Способ, которым он сокращал текст, — это древнерусский вариант способа, известного сейчас под названием «метода ножниц и клея»: выпускаются — именно выпускаются, а не пересказываются! — какие-то фрагменты текста, а предшествующий и последующий фрагменты связываются друг с другом с помощью вставок. Причем «шов» бывает почти незаметен, но смысл целого порой оказывается совершенно искаженным. Приведем пример. В Древнейшей редакции «Троянской истории», дословно следовавшей латинскому оригиналу, после диалога Язона и Медеи читалось авторское отступление, обличающее коварство мужчин: «Но, о прелестная мужеская лъжа! Рцы, Язоне, что ти Медея последи сотворити возможе, яже своея лепоты всю честь отложи, тебе свое тело и дух единодушно преда, единоя ради веры обещанные падеся, <...> твоея ради любве себе наследия скипетра лиши и старца отца, безчестная, остави...» и т. д.[4] В Краткой редакции пространнейшее авторское отступление опущено, но первые строки, искусно переделанные, превращены в реплику Медеи: «О Язоне! Яже своея лепоты всю честь отложих и тебе свое тело и дух предаю, и скипетра лишихся, и отца бесчестно оставих...».[5]

---

[4] См. рукопись ГИМ, собр. Уварова, № 325, л. 15.

[5] См.: Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков / Подгот. текста и статьи О. В. Творогова, коммент. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972. С. 18.

Что же получилось? Оказалось, что Медея, перед тем как отдать свою любовь греческому царевичу, в момент, когда она требует от него клятв в верности, уже сама предсказывает свою дальнейшую печальную судьбу: свой тайный побег, бесчестие отца и измену Язона! В оригинале же — эти сетования принадлежат резонерствующему автору.

Составитель Краткой редакции (можно сказать, что самой редакции, а не отдельных списков) настолько спешил, или настолько не следил за смыслом получающегося при сокращении текста, что его редакция полна совершенно не читаемых фраз. Например: «И от супружества изыде муж храбр зело, имянем Ахиллес. И живяше на игрищах царства Киликийского». Сравнив текст Краткой редакции с Древнейшей, можно установить, что «игрищах» — это испорченное «границах», но и от этого смысл фразы не станет яснее, ибо в Древнейшей редакции говорится, что на границах царства Киликийского обитал не Ахиллес, а племя «апрузинян». Ответ Гектора на вопрос Приама, как отомстить грекам за убийство царя Лаомедонта, за пленение Гесионы и разрушение Трои, в Краткой редакции таков: «Любимейший отче, аз изволих крепко побарати и месть отомстити». Эта фраза соответствует огромному монологу Гектора, имеющемуся в Древнейшей редакции. Но дело не только в том, что монолог сокращен. В Краткой редакции совершенно искажен и его смысл: Гектор как раз говорит о том, что хотя он лично — «первый в чину» среди сынов Приама и «со всем хотением» желает «отмщения своих враг», но напоминает о могуществе греков и сомневается в том, что освобождение похищенной греками сестры Приама Гесионы стоит «столь драгой цены». Любопытно, что слов «крепко побарати» в Древнейшей редакции вообще нет (к тому же глагол «изволих» почему-то стоит в прошедшем времени). Итак, рассмотрение такого, казалось бы, примитивного редакционного приема, как сокращение предшествующего текста, выдвигает ряд вопросов.

Мы видим разный уровень мастерства книжников. Когда материал позволяет нам проследить историю текста — как это имеет место в изучении «Троянской истории» —

можно заметить, какие удивительные метаморфозы может претерпевать он под пером неопытного книжника. Поэтому попытки «угадать», что скрывается в испорченном чтении текста (особенно много таких попыток возникает в связи с толкованием «Слова о полку Игореве»), при отсутствии других списков памятника остаются не более чем догадками.

В отличие от сокращений, которые могли быть результатом не продуманного до конца стремления к уменьшению объема текста или даже быть случайными результатами дефекта рукописи, вставки всегда осмысленны. Они могут быть поясняющими, украшающими и сюжетными.

Пример *поясняющей вставки*. В Овчинниковской редакции «Троянской истории» читается: «И вопрошающим единому у другаго, *кто убо, и откуду суть*, и что вина пришествия их, и *особне вопрошают, кто есть он Язон*. И никто же им вину истинную от них возвестил...».[6] Выделенные курсивом слова — вставка (в Древнейшей редакции, к которой восходит Овчинниковская: «...что вина пришествия их. Совопрошающимся им, несть вины их пришествия им открыет...»).[7]

Много таких дополнений и в Музейном списке 3 вида Краткой редакции.[8] Например, в списке РГБ, собр. Ундольского, № 736: «Он силный Ектор со своею братиею — Троилом, и Деифебеем, и Паридом, тако же и с прочиею братиею родною мужески противелся весь бо той день» (л. 65 об.); в Музейном списке: «Он сильнейший Ектор з братиею своею — Диофебом, и Паридом, и Троилом, тако же и с прочими братьями *своими, иже от единаго отца, от царя Прияма, родишася*, мужески изрядно храбръствующе весь той день (РГБ, Музейное собр., № 707, л. 110—110 об.).

Вот пример *«украшающей» вставки*. В Музейском списке второго вида Краткой редакции (ГИМ, Музейское собр., № 1005) редактор вводит в текст традиционные выраже-

---

[6] Рукопись РГБ, собр. Овчинникова, № 506, л. 6 об.

[7] Рукопись ГИМ, собр. Уварова, № 325, л. 8 об.

[8] Список РГБ, Музейное собр., № 707.

ния, присущие описанию битв в летописях и воинских повестях. В списке Ундольского: «И сего ради бысть ополчение промеж ими силно. Друг на друга напада(ю)т <...> и от копейного ломления гремение бывает велие» (л. 20 об.); в Музейском списке: «И бысть промежду ими велми силен бой и сеча велика, друг друга *за руки имая сечахуся*, и гремение великое» (л. 14). В списке Ундольского: «...силный Ахиллес усты меча гонит, иже уби от них безчисленно, низлагает и уязвляет во много пролитие крови» (л. 56 об.); в Музейском списке: «...силнейший Ахиллес мечем своим гонящее и безчисленно от них уби, и от многого пролития крови *реки кровию в море текоше*» (л. 28).

Третий вид вставок — это *вставки сюжетные*. В отличие от пояснительных вставок они содержат новые элементы сюжета. Много сюжетных вставок встречается, например, в списках 3-й и 4-й редакций «Повести об Акире Премудром». Собственно говоря, 4-я редакция и представляет собой третью редакцию, осложненную рядом вставок. Любопытно, что некоторые вставки противоречат логике повествования. Так, в 3-й редакции Повести рассказывается, как египетский фараон требует от Акира Премудрого свить «ужище» из песка. Акир приказывает своим отрокам высверлить отверстие в стене и сыпать песок в проходящий луч света: создается впечатление висящего в воздухе песчаного шнура. В 4-й редакции Акир отвечает на требование фараона: «Господине царю фараоне! Здери мне с камени лыко, чем ужище повивать». Фараон «ответу ему не даде», и тем самым проиграл спор. Однако далее в 4-й редакции следует тот же, что и в 3-й, рассказ о просверленной стене. Этот двойной ответ явно излишен, он появился в результате вставки в текст 4-й редакции. В некоторых списках вставлены новые загадки фараона и, соответственно, новые ответы Акира.

О важности обнаружения вставок и их идентификации свидетельствует, например, недавнее открытие, осуществленное Г. М. Прохоровым. В тексте «Слова о житии и преставлении» Дмитрия Донского, в той его части, которая показалась непонятной уже составителю Софийской

первой летописи, опустившему целый фрагмент, в части, которая пропущена и в публикации в составе ПЛДР с пометой: «Далее следует фрагмент, содержащий сложные философские рассуждения <...> который в настоящем издании опущен»,[9] в этой части «Слова» Г. М. Прохоров обнаружил текст послания, которое разрезало повествование. Приведем его:

«Мнози бо философии быша в миру, но две главе бышя философом — Платон и Пифагор: ов благословесно извествова, ов же благоулучне умлъче, понеже (далее читается вставка: «Преподобство твое испроси у нашего художества Слова...») Бог двойства не имеет, душам имеет тройство ни едино...» (в переводе Г. М. Прохорова: «...потому что Бог двойственности не имеет, душевной тройственности ни единой...»).

Но это еще не все. Оказалось, что в «Слове» вставлено послание Феофана Грека Прохору с Городца, но начинается оно не со слов «понеже преподобьство твое...», а ранее (со слов «Понеже видение мимо иде под луну сущим всем...»). Г. М. Прохоров установил также, что именно к «Слову о житии» обратился и составитель добавлений к тексту в одном из списков Апостола, где сохранился и заголовок: «Посланье мужа мудра к преподобному мужю именем Феофан, а емуже посла, имянуется Прохорос». Таким образом, в «Слово о житии» было вставлено Послание Феофана, в текст которого в свою очередь вставлено письмо известного книжника Епифания Премудрого.[10]

Если это так, то мы получаем ценные сведения об авторе «Слова о житии» и его датировке, поскольку Апостол относится к рубежу XIV—XV вв.

---

[9] См.: Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича / Подгот. текста, пер. и коммент. М. А. Салминой // ПЛДР: XIV—середина XV века. М., 1981. С. 563.

[10] См.: *Прохоров Г. М.* «Посторонние статьи» (в том числе Послание мудрого Феофана) в Погодинском № 27 Апостоле и «Слово о житьи и преставлении» Дмитрия Донского // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 59—77.

Как видим, внимательный анализ вставок приводит иногда к важным источниковедческим открытиям. Приведем еще два примера.

Б. М. Клосс, выделив и проанализировав вставки в тексте Никоновской летописи, высказал обоснованное суждение о том, что они принадлежат редактировавшему летопись митрополиту Даниилу, ибо обнаруживают сходство с его сочинениями в нескольких отношениях:

— сходство в построении суждений: тезис — цитаты — поучение;

— пристрастие к рядам однородных членов предложения;

— сходство в молитвенных заключениях («...молитвами преславныя Богородицы и всех святых. Аминь» и «...благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, емуже слава и держава (иногда добавлено: с Отцем и Святым Духом) ныне и присно и веки веков. Аминь»). У самого Даниила подобные концовки были обнаружены Клоссом соответственно 28 и 37 раз;

— излюбленные слова и выражения: «любомудрие», «сласти плотские», «демон», «демонский», «суетное житие», «прелестное житие» и др.;

— в описании добродетелей употребление слов «тихость», «кротость», «смирение», «любовь», при этом словосочетание «тихость и кротость» встретилось 13 раз, а «смирение и любовь» — 17 раз.[11]

Приведем хотя бы употребления слов «демон» и «демонский»: печенег «яростию дыша, яко лев, и гордостью взимаяся, яко демон»;[12] «Прииде Володарь с половци к Киеву... демоном научен» (с. 68); нельзя ссориться, ибо «отвсюду дѣмони когождо влекут во ад» (с. 195); в рассказе о походе Игоря половци «сташа яко дѣмони сюду и сюду скакати».[13]

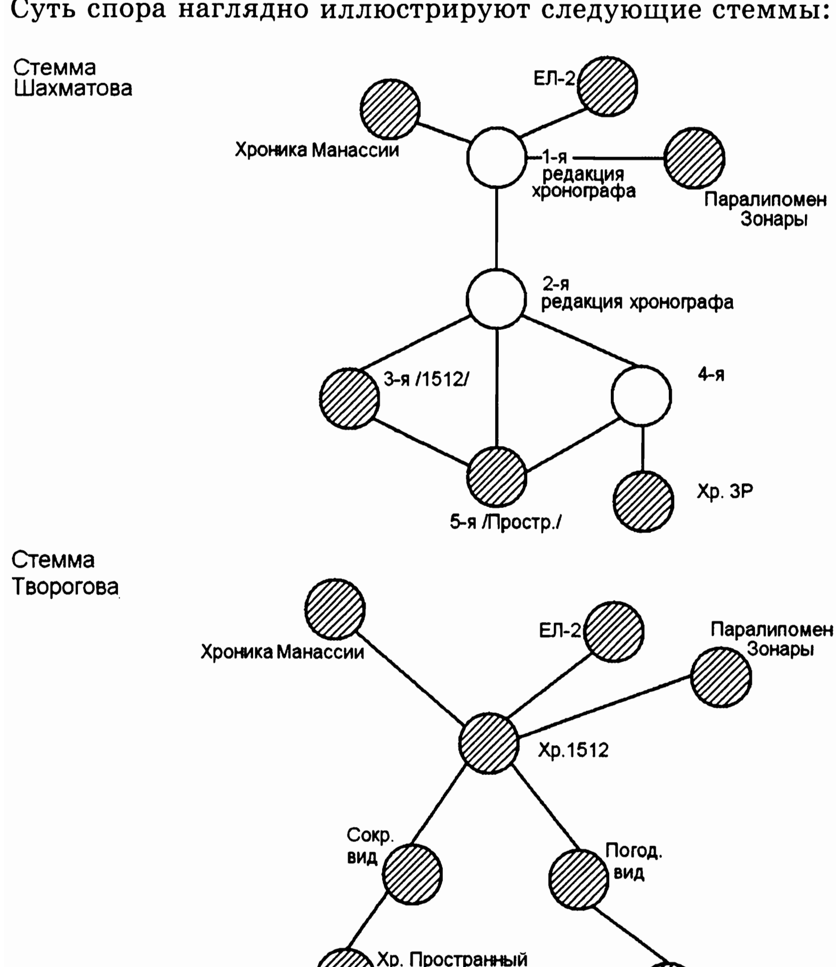
---

[11] *Клосс Б. М.* Митрополит Даниил и Никоновская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 188—201.

[12] Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 9 . С. 66. Далее страница указывается в скобках.

[13] ПСРЛ. Т. 10. С. 13.

Другой пример. Именно анализ дополнений позволил прийти к выводам, диаметрально противоположным прежним суждениям о времени создания Русского хронографа. Суть спора наглядно иллюстрируют следующие стеммы:

А. А. Шахматов представлял себе историю создания русского хронографа следующим образом.

Первая редакция Хронографа была составлена в 1442 г. Пахомием Логофетом. Во второй половине XV в. эта редакция была дополнена «известиями 1442—1451 гг. и со-

общением о взятии Царьграда». Так возникла вторая редакция Хронографа. К ней, по мысли А. А. Шахматова, восходили третья редакция — дошедший до нас Хронограф редакции 1512 года — и четвертая, положенная в основу Хронографа Западнорусской редакции (в стемме — Хр ЗР). Наконец, пятая редакция «соединила редакцию 1512 года с текстом другой более первоначальной <...> редакции».[14] К пятой редакции Шахматов возводил Хронографы 1599 и 1601 гг.

Но постепенно эта стемма и породившие ее представления подверглись пересмотру. Во-первых, Б. М. Клосс убедительно доказал, что русские известия Хронографа (они начинаются уже в 166-й главе, а всего в Хронографе 208 глав) восходят к Сокращенному летописному своду 1495 г., и следовательно, Хронограф не мог быть составлен в 1442 г.[15] О том, как появилась эта, на первый взгляд, основательно аргументированная дата, я буду говорить далее, в лекции, посвященной датировке источников.

Но самое главное состояло в другом: не было никакой пространной редакции Хронографа, из которой черпали дополнительный материал составители 4-й и 5-й редакций, ибо и Хронограф Западнорусской редакции и Хронографы 1599 и 1601 гг. (я возвожу их к общему архетипу — Пространному хронографу) восходят в основной своей части все к тому же Хронографу 1512 г. Как этого мог не заметить А. А. Шахматов? А очень просто. Он работал с рукописными текстами огромного по объему памятника *ранее, чем было осуществлено критическое издание Хронографа в 1911 г.* Нас не должны смущать ссылки на изданное в 1938 г. посмертно «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.», отразившее (во всяком случае, в изложении истории Хронографа) прежние взгляды ученого. В издании 1911 г. были подведены разночтения

---

[14] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 139.

[15] *Клосс Б. М.* О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Т, 26. Л., 1971. С. 244—255.

к тексту редакции 1512 года, и *только это*, подчеркиваю, позволило мне установить, что Пространный хронограф восходит ко вторичному, Сокращенному виду Хронографа 1512 года, а Хронограф Западнорусской редакции — также ко вторичному Погодинскому виду этой редакции. Что же касается дополнений, то выяснилось, что все они сделаны не по основному источнику Хронографа — Хронике Константина Манассии, а по Летописцу Еллинскому и Римскому (в прошлом уже послужившему источником Хронографа). Скрупулезный анализ этих дополнений (к основному тексту Хронографа 1512 года) позволил установить следующее:

1. В своих дополнениях к редакции 1512 года Пространный хронограф и Хронограф Западнорусский не совпадают и следовательно, не могли восходить к некоему общему пространному источнику.

2. Все добавления Западнорусского хронографа сделаны только по Еллинскому летописцу и Паралипомену Зонары, а выдержки из Хроники Манассии чаще всего искажены.[16]

3. Хронограф Пространный имеет добавления из библейских книг, но другой разновидности, чем библейский источник Хронографа 1512 года.

Итак, мы видим, что наблюдения над вставками в текст источника могут привести к важным источниковедческим и текстологическим выводам.

---

[16] Подробнее см.: *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. С. 188—207.

Лекция третья

РАБОТА ДРЕВНЕРУССКОГО КНИЖНИКА: ПЕРЕСТАНОВКИ, КОМПИЛЯЦИИ, РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Перестановки — сравнительно редкая черта древнерусских рукописей. Чаще всего они возникают не как результат целенаправленной работы книжника, а как следствие дефекта рукописи: вырванный лист может быть ошибочно вставлен не на свое место, а при этом еще и перевернут, так что лицевая его сторона оказывается теперь оборотной, а оборотная — лицевой. Но все это возможно при одном условии: границы текста на этом листе должны соответствовать грамматически и синтаксически оправданному членению текста, то есть не должен разрываться осмысленный текст. Это обязательное условие делает подобные перестановки явлением редким, если не исключительным.

Гораздо чаще встречаются перестановки отдельных слов внутри фразы — это может явиться следствием небрежности переписчика, перескочившего через несколько слов, а затем, заметив ошибку, не отметившего ее (как бывает и случается) какими-либо пометами и значками.

Наиболее известными являются перестановки, которые были предложены исследователями «Слова о полку Игореве». Так, в начале памятника фрагмент «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя

воя прикрыты...» и далее до слов «...а любо испити шеломомь Дону» предлагали перенести и читать ниже после слов: «...ищучи себе чти, а князю — славѣ».

Обратимся к тексту «Слова», заключив фрагмент, который предлагают перенести, в квадратные скобки: «...наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую. [Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои бръзыя комони да // (с. 6)[1] позримъ синего Дону“. Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. „Хощу бо, — рече, — копие приломити конець поля Половецкаго, съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону“].

О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плъкы ущекоталъ. Скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы! А мои ти куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копия въскръмлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъстрени. Сами скачють, аки сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю — славѣ». Сюда предлагается перенести фрагмент: «Тогда Игорь възрѣ... шеломомь Дону». После этого в «Слове» читается: «Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше, нощь стонущи ему грозою птичь // (с. 9) убуди, свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ тьмутороканьскый блъванъ».

Эту перестановку осуществил еще в 1884 г. украинский исследователь Е. Партицкий.[2] Затем с ее обоснова-

[1] Здесь и далее в скобках указаны страницы первого издания «Слова о полку Игореве», вышедшего в 1800 г. в Москве, в Сенатской типографии. Буква *і* заменена на *и*.

[2] *Партицкий Е.* Слово о полку Игореве. Львів, 1884. С. 12.

нием выступил В. А. Яковлев, указавший, что «посредством такой перестановки восстанавливается <...> последовательность изложения и единство вступления».[3] Независимо от В. А. Яковлева ту же перестановку предложил А. И. Соболевский, который при этом рассчитал, что переставляемый текст мог занять лист с оборотом, при условии, что дефектный список был написан крупным уставом в книге небольшого формата.[4] Поддержавший перестановку В. Н. Перетц предложил другое кодикологическое обоснование: выпавший лист был написан тем же типом письма (некрупным полууставом), что и Кирилло-Белозерский сборник XV в. (№ 9/1086) из собрания РНБ.[5] Н. К. Гудзий отметил, что в пользу перестановки говорит не только логика повествования, но и то, что в этом случае время солнечного затмения приходится на тот же этап похода, на который указывают летописи: оно застает Игоря уже в пути.[6] Н. К. Гудзий напомнил также о важном наблюдении В. П. Адриановой-Перетц: подражавший «Слову» составитель «Задонщины» обращался к тексту, который образуется при перестановке, т. е. еще не испорченному выпадением листа тексту.[7] Таким образом, у защитников перестановки, по крайней мере, четыре аргумента: устраняется двойное упоминание затмения, время затмения соответствует хронологии похода, после слов «наведе своя храбрыя плъкы...» будет следовать: «О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сия плъкы ущекотал...», и наконец, текст «Слова» с произведенной перестановкой совпадает с текстом «Задонщины».

---

[3] *Яковлев В. А.* Слово о полку Игореве. СПб., 1891. С. IX.

[4] *Соболевский А. И.* Материалы и заметки по древнерусской литературе. XVIII. К Слову о полку Игореве // ИОРЯС. 1916. Т. 21, кн. 2. С. 210—213.

[5] *Перетц Володимир.* Слово о полку Ігоревім. Пам'ятка феодальної України-Русі XII віку. Київ, 1926. С. 39—40.

[6] *Гудзий Н. К.* О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 252.

[7] *Адрианова-Перетц В. П.* Задонщина: Опыт реконструкции авторского текста // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 217—218.

Ряд ученых принял эту гипотезу и публиковал текст с перестановкой. Другие исследователи, в частности В. И. Стеллецкий и Б. И. Яценко, решительно возражали против такого, по их мнению — неоправданного вмешательства в текст памятника.[8] Не будем продолжать спора, но обратим внимание на важное обстоятельство: сторонники перестановки предлагают *палеографическое* ее обоснование, задумываясь над тем, *как* мог выглядеть испорченный дефектный текст. Это очень важно, так как попытки «реконструировать» текст «Слова» исходя прежде всего из «логики повествования» не прекращались. Произвести целый ряд перестановок предлагал в свое время Л. А. Творогов.[9] Но если на его, в данном случае дилетантскую, работу, как и на столь же решительную в своем желании «перекроить» «Слово» работу украинского поэта и филолога С. П. Пушика,[10] можно было бы и не обращать особого внимания, то о подобной же реконструкции, принадлежащей Б. А. Рыбакову, приходится сказать несколько слов. Б. А. Рыбаков в двух своих работах[11] выдвинул гипотезу о необходимости существенной перестановки эпизодов «Слова», а затем, с некоторыми коррективами, изложил свои представления в монографии «Петр Бориславич. Поиск автора „Слова о полку Игореве“».[12] Текст «Слова» разбит исследователем на 22 фрагмента, которые предлагается читать в такой последовательности: 1, 19, 9, 20, 5, 11, 6, 21, 3, 2, 4, 7, 13, 8 и т. д. При этом ученый

[8] См.: *Творогов О. В.* Перестановки в тексте «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4: П—Слово. СПб., 1995. С. 78—83.

[9] *Творогов Л. А.* Примерный облик первоначального чтения текста «Слова о полку Игореве». Новосибирск, 1944.

[10] *Пушик Степан.* Луни. Поезії. Київ, 1988. С. 144—177.

[11] *Рыбаков Б. А.* 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 35—52; 2) Перепутанные страницы: О первоначальной конструкции «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 25—67.

[12] *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 6—7, 22—154.

не предлагает своих объяснений тому, как могла произойти подобная перестановка фрагментов. Это попыталась сделать известный палеограф Л. П. Жуковская: по ее мнению, все перемещаемые фрагменты содержат текст, по числу печатных знаков кратный условному (выведенному А. И. Соболевским) объему одного листа рукописи, при этом она признает, что объяснить перемещения небольших фрагментов текста, умещавшихся на площади меньшей, чем одна сторона листа, оказывается весьма затруднительным.[13] Мне же представляется, что многократная перекомпоновка листов, на которых всякий раз укладывались цельные фрагменты текста без разрывов слов и фраз — явление совершенно невероятное.

Более очевидными оказываются перестановки, которые предлагалось осуществить в пределах фразы или небольшого фрагмента текста. Так, в «Слове о полку Игореве», в его издании 1800 г., читается: «Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть хинови» (с. 25). Первым обратил внимание на несообразность этого чтения М. А. Максимович, предложивший перенести слова «и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть хинови» и читать их после слова «поволокоста», что удовлетворяло по смыслу (не половцы, а потерпевшие поражение князья погрузились в море и дали повод для радости «хинове»).[14] Эта конъектура была принята в большинстве изданий «Слова». Р. О. Якобсон предложил перенести только слова «и въ морѣ погрузиста» и

[13] *Жуковская Л. П.* О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. С. 68—79.

[14] *Максимович М. А.* Песнь о полку Игореве, переложенная на украинское наречие // Украинец, издаваемый Михаилом Максимовичем. М., 1859. Кн. 1. С. 94.

поставить их после слова «погасоста».[15] Обосновывая правомерность именно этой перестановки, я указал, что при прежнем варианте исправления оказывалось, что повод для «буйства» подало именно поражение молодых княжичей, тогда как старшие князья «погасли и погрузились в море», а младшие — «тьмой поволоклись», буйство же подали «хинове» растекшиеся по Русской земле половецкие отряды. В этом случае текст с перестановкой примет следующий вид: «Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо, и великое буйство подасть хинови».[16]

Мы видим, что при обосновании предложенных перестановок необходимо учитывать все нюансы смысла, а кроме того находить палеографическое объяснение и самой ошибке рукописи, и предлагаемому варианту ее исправления.

В некоторых случаях причины перестановок не достаточно ясны. Особенно обильны такие перестановки в двух сокращенных редакциях перевода Троянской истории: Овчинниковской и Печатной.[17] Меняются местами отдельные главы, эпизоды, фрагменты текста. Так, например, в Древнейшей редакции (соответствующей латинскому оригиналу) рассказывается сначала об убийстве Приама, затем о бегстве Гекубы и Поликсены и, наконец, о пленении Аяксом Теламоником Андромахи и Кассандры. В Печат-

---

[15] Эта перестановка нашла отражение в сделанном Р. Якобсоном переводе «Слова». См.: *Якобсон Р. О.* Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 119. Строки 103—105.

[16] *Творогов О. В.* Комментарии // «Слово о полку Игореве» / Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1967. С. 501.

[17] Печатной редакцией я называю переделку древнерусского перевода Троянской истории Гвидо де Колумна, опубликованную в книге «Историа, в ней же пишет о разорении града Трои...» (М., 1709).

ной редакции, наоборот, после рассказа о гибели Приама говорится о пленении Андромахи и Кассандры Пирром (!), а затем уже о бегстве Гекубы с дочерью. Перестановки такого рода можно объяснить не всегда понятными для нас стремлениями редактора к «улучшению» и «исправлению» сюжета. Еще более загадочны причины многочисленных перестановок в описании одного из сражений греков с троянцами. Если перенумеровать все тождественные фрагменты Древнейшей и Печатной редакции в том порядке, в каком они следуют в Древнейшей, то в Печатной редакции последовательность их будет такой: 1, 5, 7, 13, 14, 17, 41, 24, 1, 3, 4, 26, и т. д. Неясно, что побудило редактора идти на столь сложные изменения текста, меняя местами эпизоды битвы, описания поединков греческих и троянских витязей. Также странно изменение в перечне греческих полков. Если, например, в Древнейшей редакции говорится, что Нестор командовал двенадцатым, Уллис — четырнадцатым, Менелай — пятым полком, то в Печатной редакции названные воеводы командуют соответственно третьим, седьмым и двадцать пятым полками. Ряд упомянутых в Древнейшей редакции воевод в Печатной редакции вообще не назван, а их места занимают отсутствующие в Древнейшей редакции имена и т. д. Думается, что перестановки такого рода могли вызываться и своеобразным чувством «авторства», желанием принять более активное «участие» в переработке переписываемого текста.

Исследование компилятивных памятников

Мы уже говорили с вами о вставках в тексте источников, но были памятники, собственно говоря, состоящие из одних вставок, а именно выписок из памятников всемирной истории — хронографов. Таков был не дошедший до нас в чистом виде «Хронограф по великому изложению»; такими же компиляциями, подборками выписок из разных, прежде всего хронографических источников, явля-

ются хронографические части Полной и Краткой хронографических палей, хронографическая компиляция, названная мною Троицким хронографом; таким были обе редакции Летописца Еллинского и Римского, а в какой-то степени и Русский хронограф, хотя мастерство его составителя позволило чрезвычайно сгладить швы, и памятник предстает перед читателем как единое связное повествование.

С компилятивными памятниками столкнулся уже Андрей Попов, рассматривавший состав Летописца Еллинского и Римского и Русского хронографа,[18] и В. М. Истрин в своих работах о хронографических палеях, которые он, следуя традиции, называл «толковыми».[19]

Более детально разработать принципы исследования компилятивных памятников пришлось мне в процессе работы над докторской диссертацией о хронографических сводах.[20] Впервые я столкнулся с необходимостью выработки особых приемов исследования компиляций, когда сотрудница рукописного Отдела ГПБ (ныне РНБ) Надежда Александровна Дворецкая попросила меня определить рукопись из новых поступлений в Отдел.[21] Сначала я бойко установил принадлежность некоторых фрагментов Хронике Георгия Амартола, но буквально через несколько минут работа застопорилась: текст Амартола читался не подряд и перебивался выписками из других памятников. Так я пришел к выводу, что для того чтобы разобраться в составе и источниках компилятивного текста, нужно разбить его на фрагменты, каждый из которых представлял бы собой цельную выдержку из одного источника. Могли быть случаи, когда фрагменты из одного источника следовали один за другим: но это была не большая выписка, а не-

---

[18] *Попов А.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. I.

[19] *Истрин В. М.* Редакции Толковой палеи. СПб., 1907.

[20] *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975.

[21] Это была рукопись хронографа, который я впоследствии предложил называть Троицким — РНБ, Новое собр. рукописной книги, F. 15 (прежний шифр — 1918 г. F. 27).

сколько выписок из разных мест источника. В других случаях фрагменты-выписки из одного источника перемежались выписками из другого. Я понял, что нельзя рассматривать изолированно один компилятивный памятник, нужно рассматривать одновременно как можно больше соотносящихся друг с другом памятников, и лишь тогда, постепенно и мучительно, станет вырисовываться картина их взаимоотношений и история текстов.

Я расписал по фрагментам Полную и Краткую палеи, Троицкий хронограф и обе редакции Летописца Еллинского и Римского. Оказалось, что хронографический текст Полной палеи состоит из 432 фрагментов, Троицкого хронографа — из 279 фрагментов, Первой редакции Еллинского летописца — из 284 фрагментов, Второй редакции — из 418 фрагментов.[22]

Перечень фрагментов второй редакции Еллинского летописца выглядел так:

193. И бысть по Петрѣ епископъ... будетъ онъ силенъ. — Мал., X, 23, *20*—24, *4* (ср.: ЕЛ-1, фр. 144).

194. По Петрови же умртвии, яко глаголеть Евсевии... мѣсяца июна 29 [в лѣто 8 Неронова царства], вън же день Петръ распятъ бысть. — Ам., 260, *13*—261, *3* (ср.: ЕЛ-1, фр. 150).

195. Преже треи каланд июльа... любляше венеты зѣло. — Мал., X, 24, *6*—*20* (ср.: ЕЛ-1, фр. 145).

196. (О Иаковѣ). Великыи же Иаковъ, брат божии... таковое створять покаание. — Ам., 261, *13*—262, *14* (ср.: ЕЛ-1, фр. 152).

197. Тогда Филистъ воевода... и прочая ученикы биюще. — Хр. по ВИ (см. ниже, фр. 199).

198. Аристарха, и Пуда, и Трофима... от велможь уби. — Хр. по ВИ (фр. 179 и 198 соответствуют фр. 167. Пол. палеи).

199. И иных из града изгнаша... прѣпочити вся воя. — Хр. по ВИ (фр. 197 и 199 соответствуют фр. 168 Пол. палеи).

---

[22] См.: *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. С. 237—304.

200. Тѣмъ имъ страшнаа знамениа... руками своима изрѣзася повелѣниемъ божиимъ судом. — Ам., 262, *14*—264, *10* (ср.: ЕЛ-1, фр. 153).

201. Си елини изъобразуют... въ времена творимым въписавше. — Ам., 264, *12—13* (ср.: ЕЛ-1, фр. 154).

202. А Упасьяну обсѣдящу Иерусалимъ. — Хр. по ВИ (ср.: Пол. палея, фр. 171).

203. Царство 7 Главасово... [В лѣто 5570]. По Неронѣ же царствова Главасъ... вѣнчанъ бысть неволею от воиникъ. — Ам., 264, *14*—265, *4* (ср.: ЕЛ-1, фр. 155; дата из Хр. по ВИ).

204. Совѣтом всѣх князь... повоевати Иерусалимъ. — Хр. по ВИ (ср.: Пол. палея, фр. 175).

Принятые сокращения: Мал. — Хроника Иоанна Малалы (указывается книга и строки (курсивом) по изданию В. М. Истрина[23]); ЕЛ-1 — Еллинский летописец Первой редакции (указываются номера фрагментов в росписи); Ам. — Хроника Георгия Амартола (указываются страницы и строки (курсивом) по изданию В. М. Истрина[24]); Хр. по ВИ — Хронограф по великому изложению (он известен только по выпискам из него в составе палеи, Троицкого хронографа и Еллинского летописца).[25] Полная палея расписывалась по списку РНБ, собр. Погодина, № 1435, Краткая — по списку того же собрания, № 1434, Троицкий хронограф расписывался по списку РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 728. Фрагменты сопоставлены с тождественными им фрагментами ЕЛ-1, Хр. по ВИ и Полной палеи. В следующей далее стемме упомянут также ЕЛ-Ар — Архетипная редакция Еллинского летописца,

---

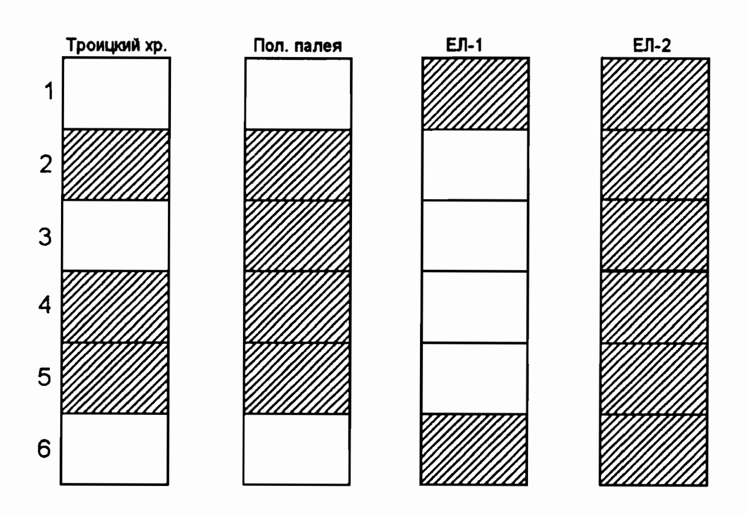
[23] См. переиздание: *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы (в славянском переводе). Репринтное издание материалов В. М. Истрина. Подгот. издания, вступ. ст. и приложения М. И. Чернышевой. М., 1994.

[24] *Истрин В. М.* Книгы временьныя и образныя Георгия мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I: Текст. Пг., 1920.

[25] См. подробнее: *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. С. 46—73.

к которой восходили, согласно моей гипотезе, первая и вторая редакции Еллинского летописца.[26]

Затем началось сравнение этих фрагментов между собой (сразу же подчеркну, что значительная часть выписок, например, из Хроники Георгия Амартола дословно совпадала в разных памятниках), процесс, который примитивно может иллюстрировать такая схема:

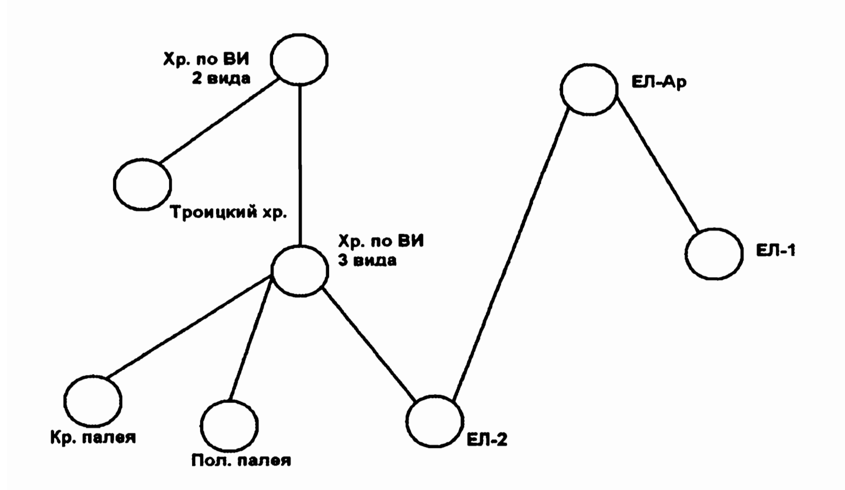

В одном ряду сравниваемые фрагменты. Мы видим, что первый фрагмент ЕЛ-2 явно попал туда из ЕЛ-1 (точнее из Архетипной редакции Летописца) — его нет ни в Троицком хронографе, ни в Полной палее. Второй фрагмент происходит из Хронографа по великому изложению: он есть в Троицком хронографе, Полной палее и ЕЛ-2, но отсутствует в ЕЛ-1. Третий фрагмент из третьего вида Хронографа по великому изложению, его нет в Троицком хронографе, но он читается и в Полной палее, и в ЕЛ-2. Четвертый фрагмент из Хронографа второго вида, он читается и в Троицком хронографе, и в Палее, и в ЕЛ-2. Пятый фрагмент из Хр. по ВИ — он читается также в Троицком хронографе и Полной палее. Шестой фрагмент попал в ЕЛ-2 из Архетипной редакции Летописца.

---

[26] Там же. С. 119—127.

В результате удалось реконструировать следующую картину истории компилятивных памятников:

На Руси уже в XI веке книжники познакомились со славянскими переводами двух византийских всемирных хроник: Хроники Георгия Амартола, доводившей повествование (включая сделанное еще на византийской почве добавление из Хроники Симеона Логофета) до середины IX века, и Хроники Иоанна Малалы, доводившей повествование до VI века. Уже в XI веке главным образом на основе текста Хроники Георгия Амартола, которую составитель назвал «Великим изложением», была составлена компиляция — Хронограф по великому изложению, который до нас не дошел, но известен по выпискам из него в составе других памятников. Сам Хронограф по великому изложению также со временем изменял свой текст, дополнялся новыми выписками. По моей гипотезе, первый вид его отразился еще в летописи, второй вид, как видно из схемы, был использован в Троицком хронографе, а третий вид — в палеях и Еллинском летописце второй редакции. Об этом можно судить по тому, что совершенно одинаковые выписки мы встретим в обеих редакциях палеи и Еллинском летописце. Попутно поясню, что палеи в основном излагают библейскую историю, но их заключительная часть в хроно-

графических палеях представляет собой компиляцию, заимствованную, как я доказываю в своей работе, из Хронографа по великому изложению третьего вида.

Мы рассмотрели методику работы с компилятивными источниками: необходимость расписки памятников, а затем сравнения совпадающих в них фрагментов.

Реминисценции

Под реминисценцией мы понимаем такое следование памятнику-образцу, когда его фрагмент не переносится в новый текст без изменения, а напротив, этот текст лишь слегка изменяется добавленными из памятника-образца словами, образами, сюжетными мотивами, либо содержит своеобразную полемику с этим памятником-образцом. Наблюдения над реминисценциями ценны в двух отношениях: во-первых, они дают возможность судить о том, кому и как подражал текст, а во-вторых, позволяют (особенно в спорных случаях) определить, какой из памятников был образцом и, следовательно, создан раньше, а какой всего лишь подражателем.

Естественно, что наибольшую остроту эта проблема получила при сопоставлении «Слова о полку Игореве» с подражавшей ему, как считает подавляющее большинство исследователей, «Задонщиной». При этом обнаруживается очень любопытное явление, которое я назвал «инерцией подражания», когда, следуя за своим образцом, создатель памятника-подражателя теряет бдительность и переносит в свой текст детали, которые противоречат логике его собственного сюжета.[27] Приведем несколько примеров.

В «Слове» мы читаем: «Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Кыевѣ» (с. 7)[28] — все логично: если кони

---

[27] *Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 312—313.

[28] «Слово о полку Игореве» цитируется по изданию 1800 г. Страницы по этому изданию указываются в тексте в скобках.

русичей за пограничной рекой Сулой, то слава их победы может звучать в Киеве. В «Задонщине» в описании сборов русского войска, еще только готовящегося выступить навстречу Мамаю, говорится: «На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской, трубы трубят на Коломнѣ, бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дону Великого на брезѣ» (с. 106).[29] Здесь неясно многое. Если кони еще ржут в Москве, а трубы трубят в Коломне, значит, русское войско еще не дошло до Дона. Тогда чьи же стяги стоят там на берегу? И еще странно, как может звенеть слава по всей земле, если войско только собирается в поход, и неведомо, чем кончится битва. Совершенно неуместное подражание «Слову».

Другой пример. В «Слове» о Всеволоде Святославиче говорится: «Камо, туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкыя...» (с. 13). В «Задонщине»: «Тако бо Пересвѣт поскакивает на своем борзом конѣ, а злаченым доспѣхом посвѣчивает, а иные лѣжат посечены у Дону Великого на брезѣ» (с. 112). Здесь все вторично. Если доверять рассказу Сказания о Мамаевом побоище, отразившему, вероятно, существовавшее предание о битве, то именно поединком Пересвета и татарского богатыря началась битва: «Уже бо близ себе сходящеся силныа плъкы, выѣде злый печенѣгь из великого плъку татарьскаго...». Видя его, Пересвет «двигънувся ис плъку и рече: „Сей человекъ ищеть подобна себѣ, азъ хощу с нимь видѣтися... И ударишася крѣпко копии... и спадше оба с коней на землю и скончашеся“».[30] Затем «съступишася грозно обѣ силы великиа». Следовательно, никаких «иных», лежащих к тому же не на поле Куликове, а на берегу Дона, быть еще не могло. И злаченый доспех Пересвета — это искаженный златой шлем князя Всеволода. Но если золоченый

[29] «Задонщина» цитируется по списку Ундольского. См.: БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. Страницы по этому изданию указываются в скобках.

[30] См. текст Сказания о Мамаевом побоище: БЛДР. Т. 6. СПб., 1999. С. 176, 178.

княжеский шелом — это реалия, то злаченые доспехи рядового воина всего лишь след «инерции подражания», при этом крайне неумелого. Остается только удивляться, почему А. А. Зимин, посвятивший в своей книге целую главу соотношениям «Слова» и «Задонщины»,[31] отмеченное исследователями явление инерции подражания вообще обошел вниманием. Приведенному выше фрагменту «Слова» о Всеволоде он противопоставляет лишь выражение «Тако бо Пересвет поскакивает на борзе кони, а злаченым доспехом посвечиваше», оставив без комментария злаченые доспехи и опустив компрометирующее это сопоставление слова «...а иные лѣжат посечени у Дону на брезѣ».[32]

Примеры инерции подражания, на мой взгляд, как нельзя более убедительно свидетельствующие о вторичности «Задонщины», можно продолжить.[33]

Но обратимся к другому памятнику, традиционные суждения о котором, полагаю, требуют пересмотра или, по крайней мере, уточнений. Речь идет о «Повести о разорении Рязани Батыем».

Как известно, два фрагмента из этого памятника находят параллели в других произведениях. Плач Ингваря Ингоревича, как убедительно доказал Д. С. Лихачев,[34] — это реминисценция плача Евдокии из «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». Это было замечено В. П. Адриановой-Перетц.[35] К ее наблюдениям добавим еще одно любопытное сопоставление. В «Слове», в плаче Евдокии есть такой

---

[31] *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 104—180.

[32] Там же. С. 120.

[33] *Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 312—335.

[34] *Лихачев Д. С.* Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV в. // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 273—277.

[35] *Адрианова-Перетц В. П.* Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 78—81.

пассаж: княгиня, видя мертвого супруга, «огньныа слезы от очию испущающи, утробою распаляющи, в перси своя руками бьюще».[36] В Плаче Ингваря Ингоревича этот образ приобрел вид: «...яко труба распалаяся, и в перьси свои руками биюще».[37]

Мы видим, что «утроба» (в нашем случае в значении, какое имеют слова «сердце», «душа») превратилась в «трубу», вероятно, под влиянием ранее употребленного в обоих памятниках образа «яко труба рать поведающи». Но если сравнение громких рыданий женщины со звуком трубы, возвещающей начало битвы, вполне уместно, то глагол «распалатися» — приходить в состояние сильного возбуждения, «распаляться» каким-либо чувством — к трубе не может иметь никакого отношения. Видимо, создатель Плача Ингваря использовал созвучие слов «утроба» и «труба». Другой пример. В плаче Евдокии упомянуты «арганы сладко вещающи» — музыкальные инструменты с приятным звучанием. В Плаче Ингваря появляется невразумительное: «яко сладкий арган вещающи».

Но если с соотношением Плача Евдокии и Плача Ингваря Ингоревича после работ В. П. Адриановой-Перетц и Д. С Лихачева все совершенно ясно — зависимость второго плача от первого несомненна, то сложнее дело с соотношением того же «Слова о житии» с «Похвалой роду рязанских князей». Д. С. Лихачев, приведя примеры некоторых несообразностей в «Слове», уверенно говорит о том, что «„Похвала“ отличается цельностью изложения, объединена общим ритмом <...> логична от начала до конца».[38] Завершая свое исследование, ученый пишет, что «„Повесть о разорении Рязани Батыем“ в части, посвященной похвале роду рязанских князей, повлияла на „Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия

[36] БЛДР. Т. 6. СПб., 1999. С. 216.

[37] БЛДР. Т. 5. СПб., 1997. С. 150.

[38] *Лихачев Д. С.* Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV в. С. 279.

Ивановича“».[39] Однако сравнение текстов не дает уверенности в справедливости такого вывода. Соглашаясь с Д. С. Лихачевым в его положительных оценках «Похвалы», не могу не отметить, прежде всего, ее явно вставной характер в «Повести». Действительно, там говорится о том, как князь Ингварь Ингоревич предает земле тела убитых рязанских князей: Георгия Ингоревича, его братьев Давида и Глеба, брата своего Олега Ингоревича. Затем, придя на реку Воронеж, «иде убьен бысть князь Федор Юрьевич Резанский», принес его тело в Рязань. «И его благовѣрьную княгиню Еупраксѣю, и сына их князя Ивана Федоровича Посника похраниша в во едином мѣстѣ... И от сея вины да зовется великий чюдотворець Николае Заразский, яко благовѣрная княгиня Еупраксѣя и с сыном своим князем Иваном сама себя зарази».[40] (Здесь вспоминается предание, как княгиня Евпраксия, стоявшая на балконе терема с маленьким сыном Иваном на руках, услышав весть о гибели мужа, бросилась с балкона и «заразилась» до смерти.) После этого читается: «Сии бо государи рода Владимера Святославича...», т. е. начинается текст Похвалы без какого-либо вступления и перехода. В переводах Похвалы после слова «государи» издатели вынуждены добавлять в скобках слова «князья рязанские», чтобы хоть как-то обозначить обращение к новой теме. Уже это должно было бы насторожить исследователей, указать на явно вторичный, вставной характер этого фрагмента текста, который мы и называем Похвалой. Ее место в общем контексте совершенно непонятно, тем более что после окончания Похвалы читается текст, который является естественным продолжением текста, предшествовавшего Похвале: «Благовѣрный во святом крещении Козма сяде на столе отца своего великаго князя Ингоря Святославича. И обнови землю Резаньскую...».[41]

[39] Там же. С. 280.
[40] БЛДР. Т. 5. С. 152.
[41] Там же. С. 154.

Внимательное чтение Похвалы и ее сопоставление с близкими ей фрагментами из «Слова о житии», на мой взгляд, безусловно свидетельствуют о ее вторичности и зависимости от «Слова о житии». Начнем с генеалогической ошибки: в «Слове о житии» говорится, что Дмитрий «отрасль благоплодна и цвѣт прекрасный царя Володимера... сродник же бысть новою чюдотворцю Бориса и Глѣба».[42] Все верно — потомок Владимира, но лишь сродник, родственник Бориса и Глеба. В Похвале же говорится: «Сии бо государи рода Владимера Святославича, сродника Борису и Глѣбу...»,[43] Владимир оказывается не отцом, а родственником своих сыновей. Не будем придираться, возможно, речь идет о грамматической ошибке, следовало бы сказать — «сродники» вместо «сродника». Но как объяснить, что приписываемые рязанским князьям нравственные достоинства с трудом применимы именно к *сонму* князей, но совершенно уместны при характеристике *одного*, выдающегося по своим качествам человека. В «Слове о житии» о Димитрии говорится: «...по данѣй ему благодати... еще же млад сый възрастомъ, но духовных прилежаше дѣлесех» и далее конкретизируется это его достоинство: «...пустошных бесѣд не творяше, и срамных глаголъ не любляше, а злонравных человѣк отвращашеся, а съ благыми всегда бесѣдоваше». Далее следуют две антитезы: о церквах Божиих князь заботился, а оборону земли Русской «мужествомъ дръжаше», и далее снова антитеза: «...злобою отрочя обрѣташеся, а умомъ всегда съвръшенъ бываше...».[44] В Похвале все иначе. Говорится, что рязанские князья «...о церквах божиих велми печашеся», а далее перечисляются их качества: они избегают пустошных бесед, срамных глаголов и злонравных человек — точная выдержка из «Слова». Но если там этот фрагмент кончается словами о заботе о церквях, что тут же сопоставляется с заботой о земле, то

[42] БЛДР. Т. 6. С. 206.
[43] БЛДР. Т. 5. С. 152.
[44] БЛДР. Т. 6. С. 206.

в «Похвале» фраза о церквях начинает пассаж, предваряя упоминание о «пустошных беседах». Если в «Слове о житии» после рассказа о победах над многими врагами и построении Московского Кремля говорится, что Димитрий «во всем мире славен бысть», то в Похвале в параллельном тексте читается: «Ко греческим царем велику любовь имуща и дары у нихъ многи взимаша».[45]

Б. М. Клосс, уверенно считающий Похвалу реминисценцией «Слова о житии», приводит следующие соображения. «Слово о житии» буквально пронизывает идея утверждения царского достоинства великого князя Дмитрия Ивановича, поэтому оно насыщено понятиями соответствующего значения: «царь», «царь Русский», «всей земли государь», «царский сан», «царская багряница», «царский венец», «царский престол» и т. д. Составитель Похвалы роду рязанских князей старательно избегает «царственной символики <...> но в двух случаях его выражение повторили тексты „Слова о житии“: „предержа *земное царство* и к небесному приближаяся“ <...> и „честь и славу *от всего мира* приимаста“ <...> (курсив Б. М. Клосса. — *О. Т.*). Более естественно эти слова, конечно, подходят для характеристики „самодержца всея Русскыя земли“».[46] Но Б. М. Клосс при этом отметил, что Похвала не просто содержит чтения, близкие «Слову о житии», а именно чтения, появившиеся в его тексте в составе Летописного свода 1479 г.[47] Не повторяя его наблюдений, обращу внимание еще на два обстоятельства. Во-первых, примечательно появление в Похвале темы нравственной чистоты («А по браце целомудрено живяста...»). Эти слова — при этом, заметим, в форме двойственного числа — уместны при описании супружеской пары Димитрия и Евдокии, но совершенно неуместны в перечислении достоинств целого сонма князей. В. П. Адриа-

---

[45] БЛДР. Т. 5. С. 154.

[46] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков. М., 2001. С. 446—447.

[47] Там же. С. 447.

нова-Перетц подробно остановилась на этой теме в составе «Слова о житии»; исследовательница пишет, что автор его шел вслед за традиционной житийной схемой, иногда «дополняя неизвестные факты биографии: сведения о детстве, ранних подвигах благочестия, целомудрие в браке...»[48] и приводит далее именно те факты текста «Слова о житии», которые буквально повторены Похвалой. И, во-вторых, исследователям, настаивающим на первичности Похвалы, нужно объяснить парадокс — автор «Слова о житии», изощренный в литературном мастерстве книжник, что признают все исследователи, полагая иногда, что им был сам Епифаний Премудрый,[49] оказывается, рабски следовал за автором «Похвалы», составленной неизвестным нам книжником. Не проще ли объяснить высокие литературные достоинства Похвалы именно тем, что она использовала, и при этом очень щедро, такой совершенный образец, как «Слово о житии».

Внередакционные изменения текста

Мы рассмотрели изменения текста, обусловленные редакционными требованиями. Именно на них строятся предположения и выводы как о самих разновидностях текста — редакциях или видах, так и о их редакторе, его пристрастиях, взглядах, иной, чем у предшественника, оценке событий.

Но значительно чаще мы встречаемся с изменениями текста, появившимися либо вследствие ошибки писца, например в случаях ошибочного самодиктанта, либо из-за желания писца сказать о том же самом «иными словами», причем причина и цель изменения текста может даже не прослеживаться. Однако такие изменения, которые зачастую следует определять просто как ошибки писца, помо-

---

[48] *Адрианова-Перетц В. П.* Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго. С. 81.

[49] *Дробленкова Н. Ф., Прохоров Г. М.* Епифаний Премудрый // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 216—217.

гают нам установить взаимозависимость отдельных списков. Самое поразительное, что некоторые явно испорченные, абсурдные чтения порой сохраняются в разных списках длительное время.

Так, например, в Хронике Георгия Амартола мы читаем о жертвоприношении, совершаемом по приказанию императора Юлиана: «...комуждо их преже всути ливанъ на угли жрътвеныа, таче злато взяти от руку его».[50] Однако во всех списках Летописца Еллинского и Римского вместо «всути» — «сунуть, положить» читается «вкусити».[51] Вот еще несколько примеров подобных искаженных чтений в Летописце: вместо «со женами» во всех списках Летописца читается «кожинами», вместо «въ сущем чину» — «сущим в пучинѣ», вместо «яко пилѣ зуби» — это описание крокодила — «яко бѣлѣ зубнии»[52] и т. д.

В переводном Житии Константина и Елены рассказывается о чуде, произошедшем в момент, когда Констанций Хлор пребывал с Еленой, будущей матерью Константина Великого: «...солнце чресъ естество от Акияня бо ложа възвратися, напрасно бо луча пущаще», то есть солнце, по мифологическим представлениям на ночь погружавшееся в Океан, вопреки природе вновь взошло среди ночи на небо. В группе списков Жития вместо «от Акияня бо ложа» ошибочно «от Коньстина бо ложа».

Но если в приведенных примерах, заметив ошибку, мы можем исправить ее по другому памятнику или другой группе списков, подкрепив свое решение ссылкой на греческий текст Хроники или Жития, то в оригинальных памятниках нам остается опираться лишь на собственную сообразительность и эрудицию.

Рассмотрим эпизод из Сказания о Мамаевом побоище по несколькими редакциям памятника. В Основной редакции, выявленной исследовавшим Сказание Л. А. Дмит-

[50] *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. С. 361.

[51] Летописец Еллинский и Римский. Т. I: Текст. СПб., 1999. С. 310.

[52] Там же. С. 253, 333, 356.

риевым, мы читаем: «Князь же великий ста на месте своем и выняв из недр своих жывоносный крест, на немже бе въображены страсти Христовы, в нем же бе жывоносное древо, и въсплакася горько и рече: „На тебе убо надеемъся, живоносный Господень кресте, иже сим образом явивыйся греческому царю Коньстянтину, егда ему на брани сущу с нечестивыми, и чюдным твоим образом победи их“».[53] В Летописной редакции текст явно вторичен. Это особенно важно, так как в Основной редакции противником Димитрия ошибочно назван Ольгерд, умерший за два года до Куликовской битвы, а в Летописной редакции в соответствии с исторической правдой назван Ягайло. Но вернемся к тексту. Так вот, в Летописной редакции о кресте говорится иначе: вместо «егда ему на брани сущу с нечестивыми, и чюдным твоим образом победи их» — «и дал еси ему (созвучно с «егда ему») брань сущу на нечестивых и неоскудным образом победи их».[54] В Основной редакции вспоминается историческое предание о том, как римский царь Константин во время битвы с Максенцием увидел знамение: «...блещася на въздусѣ на крестьныи образ... и глас бысть с небесѣ, глаголя: „Костянтине, сим побѣждаи“».[55] Таким образом «чудным твоим образом» — это образом креста, явившегося Константину. Император приказал изготовить изображение креста, поднять его на копье, «и побѣжденъ бысть Максентѣи и вся браньная сила его искрушишяся от крестьныа силы».[56] В Летописной редакции смысл не понят и искажен: «...неоскудным образом победи их». Самое поразительное, что бессмысленное выражение «неоскудным своим образом победи их» сохранилось и в другой редакции Сказания, в так называемой Печатной редакции (или Печатной группе Основной редакции, где мы также читаем: крест

---

[53] Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 66—67.

[54] Там же. С. 99.

[55] Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. С. 278.

[56] Там же. С. 279.

«дал... на брань сию победу с нечестивыми битися, неоскудным своим образом победи их».[57]

Иногда ошибочные чтения сохранялись в большинстве списков одного из видов памятника. Так, Хронограф редакции 1617 года известен мне в шести группах списков. Для двух из них характерно испорченное чтение в пересказе известного мифа о Леде и Зевсе, явившемся к ней в образе лебедя. Так, вместо ясного чтения «прилете на озеро» там устойчиво читается «при езере на лето», и именно это чтение удобно принять как примету, позволяющую при просмотре рукописи быстро определить принадлежность читающегося в ней текста к определенной разновидности памятника.[58] Иными словами, ошибки текста являются надежной приметой при классификации списков памятника, более надежной, чем нейтральные по смыслу чтения: такие могли возникнуть независимо друг от друга в разных списках, тогда как случайность возникновения одинаковых ошибок, абсурдных чтений независимо друг от друга в разных рукописях менее вероятна.

---

[57] Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982. С. 120.

[58] *Творогов О. В.* О Хронографе редакции 1617 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. С. 172.

Лекция четвертая

ДАТИРОВКА. АТРИБУЦИЯ

Датировка

Определение времени создания памятника — наиболее сложная проблема текстологии. Если дату списка, написанного на бумаге, мы можем определить с помощью филиграней, то дата создания памятника устанавливается либо по его собственному свидетельству, либо на основании содержащихся в нем датирующих деталей. Помимо абсолютной датировки — указания точной или предполагаемой даты создания памятника, применяется датировка и относительная, когда мы можем лишь указать, ранее или позднее другого, точно датируемого произведения создан наш памятник. Так, для утверждения древности «Слова о полку Игореве» его сравнивают с «Задонщиной» и выясняют, какой из этих памятников был образцом для подражания и, следовательно, написан раньше.

Рассмотрим разные датирующие приметы. Самый надежный способ, как можно было бы думать, — свидетельство самого памятника. Так, в Русском хронографе приводится расчет лет, согласно которому выясняется, что данная редакция составлена в 1512 году, а в другой редакции памятника расчет выводит нас на 1617 год.

Д. С. Лихачев в «Текстологии» приводит ряд примеров подобных же указаний памятников.[1] Но следует помнить,

[1] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 285—287.

что такие прямые указания могут быть ошибочными. Так, в том же Хронографе 1512 года в одной из вступительных статей к памятнику, в статье «Изложение о вере», составитель заявляет, что он начал свою работу в 24 лето 231-го солнечного круга, то есть в 956 г., что, как мы понимаем, совершенно невероятно. Б. М. Клосс предложил объяснение происхождению этой ошибки: книжник заглянул не в ту колонку таблицы миротворного круга.[2]

Иногда, казалось бы, очевидный расчет лет оказывается ошибочным, так как не были учтены все особенности источника. Так, А. А. Шахматов обратил внимание на то, что в статье Русского хронографа, в его так называемой Западнорусской редакции, говорится о последних византийских императорах: «По Мануилѣ царѣ царствова во Царѣградѣ сынъ его киръ Калуянъ лѣтъ 17 православенъ... По Калуяне, сынѣ Мануилове, царствова во Царѣградѣ братъ его Константинъ Драгосъ Палеологъ лѣт 11».[3] Оба указания ошибочны: Иоанн правил не 17 лет, а 23 года и 3 месяца, Константин же не 11 лет, а 4 года и 9 месяцев. Дату воцарения Иоанна — 1425 г. — составитель Хронографа извлек из статьи «Царие, царствующие во Константинеграде, православнии же и еретице». В Хронографе 1512 года за сообщением о воцарении Иоанна следовало описание русских событий 1425—1441 гг.[4] Это и позволило составителю Западнорусской редакции вычислить число лет царствования Иоанна — 17 вместо 23 лет. Но, оказывается, соотнесения русских событий с годами правления императоров были далеко не точными. Так, в главу об императоре Василии Втором (умер в 1025 году) отнесены события вплоть до 1054 г., в статье о Константине Мономахе (1042—1054) оказываются события 1054—

[2] *Клосс Б. М.* О времени создания русского хронографа. С. 253—254.

[3] Русский хронограф: Хронограф Западнорусской редакции // ПСРЛ. Пг., 1914. Т. 22, ч. 2. С. 199, 204.

[4] Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 430—434 и 435—437.

1078 гг. и т. д. А. А. Шахматов же, доверившись составителю Хронографа, посчитал, что он был составлен на 18-м году правления Иоанна, то есть в 1442 году.[5] Эта ошибка прочно вошла в литературу, и дата составления Хронографа 1442 г., освященная авторитетом имени А. А. Шахматова, продержалась более 80 лет. К сожалению, неверная датировка Русского хронографа нашла свое отражение и в книге Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси», где стиль этого памятника рассматривается в главе «Экспрессивно-эмоциональный стиль конца XIV—XV в.»[6] рядом со «Словом о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» и Житием Стефана Пермского.

Однако «черные даты» (т. е. содержащиеся в памятнике прямые указания на время его создания) или особенности содержания, указывающие на точную дату его создания, встречаются в памятниках древнерусской литературы довольно редко, и обычно датировка осуществляется исследователем по разного рода косвенным данным.

Так, время создания «Повести временных лет» подсказывается расчетом лет княжения первых русских князей: там, в частности, говорится, что «от смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣт 60».[7] Д. С. Лихачев пишет: «Святополк Изяславич умер в 1113 г., следовательно, закончена таблица была не раньше этого 1113 г. На основании ряда признаков можно думать, что именно в 1113 г. и была составлена первая редакция „Повести временных лет“».[8] Фраза «Слова о полку Игореве» — «Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимера до нынѣшего Игоря»[9] — прямо указывает, на мой взгляд, на создание памятника

[5] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. С. 136.

[6] *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 81—89.

[7] Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 12.

[8] Там же. С. 397.

[9] См.: БЛДР. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 254.

при жизни этого князя, то есть до 1202 года. Но исследователи, не удовлетворенные этим не слишком точным указанием, пытались определить дату создания памятника более точно. Так, по мнению М. А. Максимовича, А. И. Лященко, Н. К. Гудзия, Б. А. Рыбакова и других ученых, «Слово» было написано (или, по крайней мере, создана его начальная часть) в 1185 г., либо до возвращения Игоря из плена, либо, скорее всего, сразу после возвращения. Другие исследователи называли 1188 г.[10] Н. С. Демкова датировала «Слово» серединой 90-х гг. XII в., считая, что верхней границей написания памятника является 1196 г.: в этом году умер Всеволод Святославич, а в «Слове» ему произносится здравица. С другой стороны, отмечает исследовательница, «Слово» не могло быть написано ранее июля 1194 г. — времени смерти киевского князя Святослава: зловещие приметы его сна и отсутствие здравицы в его честь указывают, что к моменту создания «Слова» князя уже не было в живых. Кроме того, Н. С. Демкова характеризует политическую обстановку на Руси в 1194—1196 гг., которая, по ее мнению, нашла отражение в памятнике.[11]

Много споров вызывала и вызывает датировка «Задонщины»: временем ее создания называли широкий временной отрезок от самого события в 1380 г. до даты древнейшего из дошедших до нас списков памятника — Кирилло-Белозерского 70-х гг. XV в. При датировке учитывался сам текст памятника, взаимоотношение его списков между собой и его соотношение со «Сказанием о Мамаевом побоище». Наиболее решительно подошел к датировке памятников Куликовского цикла И. Б. Греков. Он писал: «Исходя из существования закономерной зависимости ме-

---

[10] *Дмитриев Л. А.* Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 1. С. 246—248.

[11] *Демкова Н. С.* 1) К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ. Л., 1973. № 14. История, язык, литература. Вып. 3. С. 72—77; 2) Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 67—82.

жду масштабами политических сдвигов на Руси того времени и публицистическим накалом синхронно возникавшей идеологической литературы <...> мы считаем возможным не только связывать весь комплекс памятников куликовского цикла <...> с данным периодом, но и предложить определенный порядок возникновения этих памятников».[12] Согласно И. Б. Грекову, «Задонщина» извода Ундольского была создана вскоре после Куликовской битвы, летописная повесть о Куликовской битве Пространной редакции (Краткую редакцию, входящую в состав Троицкой летописи, ученый просто игнорирует) была создана в начале 90-х гг., в конце тех же годов — «Сказание о Мамаевом побоище»; «Задонщина» Синодального извода — в конце 80-х гг. XIV в. и т. д.[13] Этот умозрительный взгляд, разумеется, не может быть принят: выводы не подкреплены источниковедческими и текстологическими наблюдениями.

Вопрос датировки памятников Куликовского цикла необычайно сложен и не решен до настоящего времени. Л. А. Дмитриев, особенно много занимавшийся памятниками цикла, полагал, что «Сказание о Мамаевом побоище», старший список которого датируется 20—30 гг. XVI в., было создано в первой четверти XV в. Однако он же указал на явные анахронизмы памятника: литовским князем — союзником Мамая — назван Ольгерд, вместо реально выступившего против Дмитрия Ягайла. Киприан, вопреки «Сказанию», не был в Москве в 1380 г., не могли молиться перед иконой Владимирской Божьей матери, привезенной в Москву лишь в 1395 г.[14]

В. А. Кучкин указал и другие анахронизмы: Тимофеевские ворота Кремля стали называться Константино-Еленинскими после 1485 г.; в «Сказании» названы Андож-

[12] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 418.

[13] Там же. С. 418—419.

[14] *Дмитриев Л. А.* Сказание о Мамаевом побоище // СККДР. Вып. 2, ч. 2. С. 376—377.

ские князья, а княжество это было образовано лишь в 20-х гг. XV в.; Успенский собор Кремля мог быть назван вселенской церковью лишь после падения Константинополя и т. д.[15] Б. М. Клосс также привел свои аргументы, позволившие ему датировать «Сказание» 1521 г.[16] Мы не будем рассматривать сложного вопроса о датировке «Сказания», ограничимся лишь общими методологическими выводами.

Основанием для относительной датировки может быть установленное соотношение датируемого памятника с другим, время создания которого нам уже известно. Так, установив, что «Задонщина» имела своим источником «Слово о полку Игореве», мы можем утверждать, что «Слово» было создано ранее последней четверти XV в., времени, к которому относится старший список из известных нам — Кирилло-Белозерский список «Задонщины».

Другой способ датировки — обнаружение в тексте исследуемого памятника каких-либо намеков на исторические события, дата которых нам известна. Уже говорилось, что именование в «Слове» Игоря «нынешним» может указывать на создание произведения при жизни этого князя. Б. М. Клосс приводит, может быть, не бесспорный, но любопытный пример. В «Сказании о Мамаевом побоище» рассказывается, что после Куликовской битвы не смогли установить, где находится великий князь. При этом Владимир Андреевич, соратник Дмитрия Донского, говорит: «...аще кто жива брата моего обрящет, тъй поистиннѣ пръвый будеть у наю».[17] Два воина — Федор Сабур и Григорий Холопищев — находят князя, но сообщает об этом лишь Федор Сабур. Б. М. Клосс полагает, что «претензии о каком-то „первенстве“ Сабуровых могли возникнуть только после 1505 г., когда Василий III же-

[15] *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 113—114.

[16] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. С. 345.

[17] Сказание о Мамаевом побоище // БЛДР. Т. 6. С. 182.

нился на Соломонии Сабуровой, и тем самым Сабуровы породнились с великокняжеской семьей».[18] В 1525 г. брак был расторгнут, и поэтому, полагает Б. М. Клосс, «Сказание», «тенденциозно прославляющее Сабуровых, могло быть создано только в промежутке между 1505 и 1525 г.».[19] Если догадка Б. М. Клосса верна, мы получаем прекрасный пример того, как датировку памятника может подсказать внимательное прочтение его текста.

Спорная датировка «Повести о разорении Рязани» также была рассмотрена Б. М. Клоссом, из аргументов которого на меня наибольшее впечатление произвели установленные им соотношения Повести с летописным сводом 1479 г., в котором мы находим чтения, отличные от чтений предшествующих летописных сводов (например, Новгородской Карамзинской летописи в рассказе о нашествии Тохтамыша), но буквально совпадающие с аналогичными чтениями Повести.[20] В спорах моих со сторонниками традиционной датировки, относящими Повесть к XIII веку, я выдвигал среди прочих и такой аргумент: конечно, странно, что повесть о событиях XIII века создается, по Б. М. Клоссу, лишь в середине XVI в. Но не менее странно и другое: если Повесть была создана в XIII в. (кстати говоря, в пору литературного безвременья), то отсутствие ее списков в XV в., достаточно полно представляющего литературный репертуар, удивляет и тем более удивляет вдруг проснувшийся необычайный интерес к событиям давно минувших дней в XVI и даже XVII в.: к этому столетию относятся 43 из известных нам 45 списков. Создается впечатление, что «исходная точка» — написание Повести — была близка к середине XVI в., и уж, по крайней мере, не была отдалена столетиями от периода интенсивного распространения ее списков.

Я меньше всего хочу, чтобы на основании сказанного вы бы поспешили опровергать освященные авторитетом

[18] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. С. 341.
[19] Там же. С. 341.
[20] Там же. С. 440—445.

выдающихся ученых даты создания памятников рязанского цикла. Моя цель иная — показать сложность установления даты написания памятника, сохранившегося лишь в поздних списках.

Проблема атрибуции

Вопрос об атрибуции, то есть об установлении имени автора древнерусских произведений, чрезвычайно сложен. Этому есть несколько причин.

Во-первых, в средневековой христианской литературе, особенно нарративной (повествовательной), событие представлялось неизмеримо более важным, чем личность информатора. Поэтому мы не знаем наверняка имен летописцев, создателей исторических повестей и большинства беллетристических произведений XVI—XVII вв. Особенно широко известны в этой связи многочисленные попытки угадать имя автора «Слова о полку Игореве». Правда, были жанры, где автор чаще всего назывался: это, прежде всего, жития, поскольку агиограф, называя свое имя и источник своих сведений о святом, тем самым подтверждал достоверность повествования. Следует помнить, что житие являлось своего рода документом, на основании которого совершалась канонизация святого. Достаточно надежны указания на авторство посланий, особенно если это были послания конкретному лицу. Упомянем в этой связи, например, послание Василия Калики, архиепископа новгородского, «к владыце тферьскому Феодору о рае», «Послание на Угру Вассиана Рыло», похвальное слово инока Фомы тверскому князю Борису Александровичу и, конечно, «Поучение» Владимира Мономаха. Авторизованными были и хождения: опять-таки паломник, называя себя, тем самым как бы брал на себя ответственность за правдивость своего описания.

Во-вторых, нужно учитывать возможность ложных атрибуций. Один из наиболее ярких примеров — самохарактеристика автора «Повести о взятии Константино-

поля турками» Нестора Искандера. В авторском заключении к Повести мы читаем:

«Написал же все это я, многогрешный и беззаконный Нестор Искадер. Измлада пленен я был и обрезан, долгое время страдал в ратных походах, спасаясь так или иначе, чтобы не умереть в окаянной этой вере. Так вот и ныне в этом великом и страшном деле ухитрялся я, когда под видом болезни, когда скрываясь, когда с помощью приятелей своих, изыскивать время все рассмотреть и обо всем разузнать, подробно записывал день за днем обо всем, что совершалось вне града у турок. И затем, когда попущением Божиим вошли мы в город, со временем разузнал и собрал от надежных и великих мужей сведения...»[21]

Казалось бы вопрос совершенно ясен, и И. И. Срезневский, и архимандрит Леонид без колебаний доверились этим словам автора. Но в их достоверности усомнились А. И. Соболевский и М. Н. Сперанский.[22] Обращает на себя внимание литературный характер памятника, в котором мы встречаем явный вымысел (в Константинополе в дни его осады не было патриарха, вымышлен рассказ об отъезде жены императора, поскольку Константин был вдовцом), а главным образом то, что совершенный литературный характер Повести, прекрасная осведомленность в источниках едва ли могли быть присущи турецкому пленнику, с молодых лет отторгнутому от славянской книжной культуры. Поэтому можно видеть в послесловии искусную мистификацию, призванную придать повествованию бóльшую убедительность.

Особенно распространены были ложнонадписанные произведения гомилетики. Так, прославленному византийскому писателю и богослову Иоанну Златоусту приписы-

---

[21] Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году // БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. С. 71.

[22] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 13; *Сперанский М. Н.* Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 139—143.

вались (еще на греческой почве) многочисленные сочинения, либо вообще ему не принадлежащие, либо представляющие собой вторичную компиляцию из его произведений. Е. Э. Гранстрем специально посвятила этой проблеме статью,[23] а затем соавторы, доработавшие труд скончавшейся исследовательницы, выпустили каталог гомилий, надписанных именем Златоуста, среди которых были как действительные переводы его произведений, так и «гомилии, надписанные именем Златоуста, но относящиеся к числу ложнонадписанных уже на греческой почве», гомилии, надписанные именем Златоуста, «но не дающие оснований для соотнесения с каким-либо произведением Златоуста».[24]

В рассматриваемом Каталоге приведены, в частности, гомилии, надписанные именем Иоанна Златоуста, но фактически принадлежащие Кириллу Туровскому, Серапиону Владимирскому, Клименту Охридскому, Иоанну, экзарху болгарскому, Козьме Пресвитеру, а также приписываемые безымянным русским книжникам.[25]

С ложнонадписанными памятниками мы встречаемся и в оригинальной русской книжности. Академик Н. К. Никольский отмечал: «Одинаково малонадежны существующие сведения о сочинениях Феодосия Печерского, митрополита Георгия, черноризца Иакова, митрополита Ефрема, Григория, творца канонов и других писателей XI века. Сведения эти получены при помощи случайных списков и расшатываются после критической проверки».[26] В произведениях, надписанных именем Кирилла, пытался разобраться Е. В. Петухов, также отмечавший ненадеж-

---

[23] *Гранстрем Е. Э.* 1) Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XIV вв.) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 186—198; 2) Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности XI—XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 345—375.

[24] Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI—XVI веков: Каталог гомилий. С. 8.

[25] См., например: 1, 3, 4, 14, 15, 20, 21, 38, 39, 40, 41а, 49, 51 и др.

[26] *Никольский Н. К.* Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. С. 29.

ность существующих атрибуций: «Почти все, что, например, было написано по специальному вопросу о подлинных и неподлинных сочинениях Кирилла Туровского, опиралось или на характер сочинений этого писателя, или на указания рукописей. Что касается первого, то необходимая для этого индивидуальность писателя своим весьма малым проявлением по отношению к Кириллу Туровскому не могла давать исследователям руководящих нитей <...> его сочинения трудно узнать и выделить из массы других — особенно переводных — произведений подобного рода...».[27]

Попытку разработать методику надежной атрибуции текстов предприняла группа ученых под руководством Л. В. Милова, выпустившая книгу с изложением своей методики.[28] Но в суровой и справедливой критической рецензии на эту книгу А. А. Алексеев показал недостатки предлагаемой методики, которая не учитывает всех особенностей древнерусских текстов. Рецензент уверен, что «квантитативная», то есть основанная на подсчетах избранных грамматических категорий, текстология «не может иметь решающей роли» в установлении авторства древних текстов. Совершенно не случайно во всей книге нет ни одного неожиданного результата, все рассуждения, подсчеты и анализы приводят авторов к давно известным итогам.[29]

Проблему атрибуции решают и традиционными текстологическими методами. Так, Б. М. Клосс назвал предполагаемых авторов двух произведений — «Сказания о Мамаевом побоище» и цикла повестей о Николе Заразском. По его мнению, это были епископ коломенский Митрофан[30]

---

[27] *Петухов Е.* К вопросу о Кириллах-авторах в древней русской литературе // Сб. ОРЯС. СПб., 1887. Т. 42. № 3. С. 4—5.

[28] От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства / Под ред. чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М., 1994.

[29] *Алексеев А. А.* «Текстолог-квантификатор» и индивидуальный авторский стиль // РЛ. 1995. № 4. С. 172—175.

[30] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. С. 341—345.

и протопоп Иван Вислоух.[31] Хотя исследователь аргументирует свою точку зрения в основном источниковедческими соображениями, остается вопрос, ученым совершенно не затронутый: авторы обоих произведений должны были обладать высочайшим литературным мастерством и широкой начитанностью. Мы ничего не знаем о личностях предполагаемых авторов шедевров, и поэтому нам трудно без колебаний принять выводы ученого, вводящего в круг прославленных древнерусских книжников двух неизвестных священнослужителей, о которых мы не знаем ничего более, чем имя и скупые биографические сведения.

Сразу же отметим, что именно высокое литературное достоинство «Слова о полку Игореве» заставляет нас с особой придирчивостью рассматривать предлагавшиеся кандидатуры на роль автора памятника. Специально занимавшийся этим вопросом знаток «Слова» Л. А. Дмитриев убедительно показал тщетность попыток найти автора памятника по принципу биографической совместимости, то есть среди участников похода 1185 г. (включая самого Игоря), князей-современников.[32] В этом случае всегда возникал вопрос о творческих возможностях претендента, ибо в «Слове» чувствуется высокий профессионализм его автора. Поэтому крайне сомнительно авторство сына тысяцкого, с которым Игорь был вместе в половецком плену (А. С. Новиков), тысяцкого Рагуила Добрынича (В. Г. Федоров), черниговского воеводы Ольстина Олексича (М. Т. Сокол). Искали автора «Слова» и среди книжных людей: называлось имя «премудрого книжника Тимофея», но это был книжник, по словам Л. А. Дмитриева, «с ярко выраженной церковно-религиозной направленностью».[33] Совершенно невероятно допущение Б. И. Зотова об авторстве Кирилла Туровского: его литературное мастерство не вызывает сомнения, но, во-первых, стиль «Слова» совер-

---

[31] Там же. С. 455.

[32] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1: А-В. СПб., 1995. С. 24—36.

[33] Там же. С. 28.

шенно далек от стиля его сочинений, а во-вторых, как указал Л. А. Дмитриев, Кирилл «либо умер до 1182, либо принял в 1182 схиму, т. е. полностью отрекся от жизни, связанной с миром, и чисто хронологически он не мог быть автором «Слова», в котором описывается событие 1185».[34]

Из перечисленных попыток назвать имя автора заслуживает особого упоминания лишь гипотеза академика Б. А. Рыбакова, полагавшего, что автором «Слова» мог быть боярин Петр Бориславич.[35] Достоинство этой гипотезы, сравнительно с перечисленными ранее, лишь в том, что, если следовать предположениям Б. А. Рыбакова, Петр Бориславич был человеком книжным, ему, согласно Б. А. Рыбакову, принадлежит описание двух его посольских поездок, причем описание второй, по словам Д. С. Лихачева, «насыщено такими деталями, которые не оставляют сомнения в том, что автором повести <...> был сам Петр Бориславич».[36] Украинская лингвистка В. Ю. Франчук привела ряд фактов близости слога летописной повести и «Слова».[37] Л. А. Дмитриев, признавая, вслед за Б. А. Рыбаковым, что Петр Бориславич «обладал незаурядным литературным мастерством», тем не менее, считал гипотетическим предположение, что он был автором «Слова».[38]

Нужно упомянуть еще об одном направлении в поисках автора «Слова»: его сторонники полагали, что автором

---

[34] Там же. С. 25.

[35] *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. Ранее об этой же атрибуции автор писал в книге: Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 505—512.

[36] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 235.

[37] *Франчук В. Ю.* Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве» // Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 77—92.

[38] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова о полку Игореве» // СККДР. Вып. 1. С. 29.

мог быть только князь. Эту точку зрения развивали Л. Е. Махновец, считавший автором «Слова» брата Ярославны князя Владимира Галицкого,[39] и В. В. Медведев, приписывавший авторство «Слова» Святославу Киевскому.[40] Н. В. Шарлемань, а впоследствии И. И. Кобзев и В. А. Чивилихин пытались доказать, что Игорь Святославич сам был автором памятника о своем злосчастном походе. Но, как справедливо писал Л. А. Дмитриев, приписывать ему создание «Слова» «невозможно ни с точки зрения морально-этических оценок, которые даются „Словом“ Игорю, ни с точки зрения политических концепций памятника, ни с точки зрения авторской психологии того времени».[41]

Наиболее приемлемым представляется мне предположение, что автором «Слова» был княжеский певец Игоря или Святослава Киевского. Эту точку зрения высказывали А. В. Соловьев,[42] В. Ф. Ржига,[43] а в последнее время — Д. С. Лихачев. В своей статье «Размышления об авторе „Слова о полку Игореве“» он подчеркивает, что автор памятника, скорее всего певец-профессионал. Говоря о призыве автора к князьям «встать за землю Русскую, за раны Игоревы», Д. С. Лихачев пишет: «Этот призыв был бы смешон в устах скомороха, бессилен в устах певца из народа, недозволителен в устах чрезмерно зависимого придворного или простого воина, но он был возможен под прикрытием князя-покровителя». Д. С. Лихачев полагает, что это мог быть придворный певец Святослава Киевского или, что более вероятно, — Игоря Святосла-

[39] *Махновец Л. Е.* Про автора «Слова о полку Ігоревім» Київ, 1989.

[40] *Медведев В. В.* Автор невідомий: ...відомий? // Литературна Україна. 1984, 26 січня. № 4. С. 4.

[41] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова». С. 31.

[42] *Соловьев А. В.* Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. М., 1948. Т. 25. С. 90.

[43] Ржига В. Ф. «Слово о полку Игореве» как поэтический памятник Киевской феодальной Руси XII века // Слово о полку Игореве / Ред. древнерусского текста и перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги; переводы С. Шервинского и Г. Шторма. М.; Л.: Academia, 1934. С. 158—159.

вича.[44] От себя замечу, что гипотеза о княжеском певце отвечает сразу на несколько вопросов. Он должен был быть певцом-профессионалом, к тому же прекрасно разбирающимся в современной ему политической обстановке и обладающим хорошими знаниями истории княжеского рода и всей Руси. Эта гипотеза отвечает и на вопрос, почему «Слово» не сохранилось во многих списках: мы должны быть благодарны судьбе, что оно вообще сохранилось. Скорее всего, творения княжеских певцов не записывались, это были авторские импровизации, а с течением времени, наполненные деталями своей эпохи, конкретными подробностями того времени, они, разумеется, становились непонятными, ибо были рассчитаны на восприятие современников, хорошо понимавших любые политические намеки.

Так обстоит дело с поисками автора «Слова о полку Игореве».

В заключение приведем пример убедительной и обоснованной атрибуции. О вероятности написания «Повести о Петре и Февронии» Ермолаем-Еразмом писали И. А. Шляпкин, В. Ф. Ржига, А. И. Клибанов и другие ученые, но окончательно решить вопрос позволили кодикологические наблюдения Р. П. Дмитриевой. Она показала, что сборники Соловецкого собрания (РНБ) № 287/307 и Софийского собрания (РНБ) № 1296 написаны Ермолаем-Еразмом. В старшем из них, Соловецком, составитель которого называет себя Ермолай, читается Повесть древнейшей редакции, в Софийском же, сходном по составу с Соловецким, составитель которого к имени Ермолай добавил «во иноцех Еразм», Повесть отсутствует. Исследовательница делает вывод, что «ко времени, когда Ермолай-Еразм начал работу по составлению нового (то есть Софийского) сборника собрания своих сочинений, его, видимо, убедили в том, что Повесть о Петре и Февронии не отве-

[44] *Лихачев Д. С.* Размышления об авторе «Слова о полку Игореве» // РЛ. 1985. № 3. С. 5.

чает требованиям, предъявляемым к житийному жанру, и он сам потерял к ней интерес».[45]

Приведенные примеры свидетельствуют, сколь сложна атрибуция ненадписанных древнерусских сочинений, как важно привлечь самые различные косвенные данные, вплоть до кодикологических наблюдений, чтобы приблизиться к решению загадки об авторе произведения.

---

[45] Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 117.

Лекция пятая

ЭТАПЫ РАБОТЫ ТЕКСТОЛОГА

Мы рассмотрели с вами особенности работы древнерусских книжников и говорили о том, как текстолог, как бы идя вслед за ними, может реконструировать историю текста памятника, о том, какие трудности встречаются в работе исследователя при установлении времени создания памятника и его атрибуции. Но теперь я предлагаю вернуться назад и рассмотреть этап за этапом всю работу текстолога и издателя.

Прежде всего необходимо существенное уточнение: мы с вами будем далее говорить о работе исследователя, который намеревается сопроводить свою текстологическую работу научным критическим изданием текста. Различаются три типа научных изданий: факсимильное, когда воспроизводится фотография рукописи, дипломатическое, когда текст набирается типографским способом, но при этом в набор вводятся некоторые вышедшие из употребления буквы — юсы, ижица, йотированные гласные, сохраняются сокращенные написания слов, и, наконец, критическое издание, которое воспроизводит текст основного списка с упрощениями, но зато обязательно сопровождает его разночтениями, то есть отличающимися чтениями в нескольких списках того же вида или той же редакции издаваемого памятника. При выборе типа издания возникает вопрос: для кого — лингвиста, историка

или литературоведа — оно предназначено. Д. С. Лихачев в своей «Текстологии» специально остановился на этой проблеме, убедительно показав различные требования, которые предъявляют изданию представители разных областей знания. Так, лингвист изберет для факсимильного издания уникальный или самый древний из известных списков, и ему важно воспроизвести все особенности его орфографии и даже графики. Историк и литературовед положит в основу издания «лучший» список — то есть список наиболее полно отражающий текст определенной группы (вида) списков произведения и *при этом обязательно в сравнении с другими списками.*[1] «Изданный памятник, — продолжает исследователь, — начинает „жить" в ученых трудах — его цитируют», при этом текст неизбежно придется упрощать (даже текст дипломатического издания, не говоря уже о факсимильном): заменять отдельные буквы, раскрывать написанные под титлами слова, вносить в строку выносные буквы и т. д. При этом каждый исследователь будет производить это упрощение по-своему, даже если станет следовать специально выработанным им правилам. Поэтому, пишет Д. С. Лихачев, «предложение объединить публикации едиными правилами для литературоведов, историков и лингвистов может быть подвергнуто основательному сомнению».[2] Появляющиеся в некоторых работах последних лет упреки в адрес последователей «школы Лихачева», издающих памятники с упрощениями орфографии, основываются на иллюзорном представлении о возможности совместить дипломатическое и критическое издания.[3] Еще раз подчеркну, что для нас, литературоведов и историков, единственным приемлемым типом научного издания текста является критическое издание, отражающее результат предварительного текстологического исследования издаваемого памятника, и о подготовке такого издания пойдет далее речь.

---

[1] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 472—474.

[2] Там же. С. 472.

[3] См.: *Творогов О. В.* Летописец Еллинский и Римский: текстологические проблемы // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 75—77.

Первым, самым трудоемким, этапом работы является сбор списков памятника. Мы уже говорили о том, что печатные описания охватывают едва ли четверть сохранившегося рукописного наследия, и о том, что некоторые описания не содержат порой и самой основной информации — например, постатейного описания сборников. Поэтому исследователь вынужден обращаться к машинописным описаниям собраний, которые бывают не только недостаточно информативны, но и просто труднодоступны, особенно если речь идет о библиотеках и хранилищах в других городах России, не говоря уже об архивах и библиотеках зарубежных. Поэтому мало кто решится утверждать, что ему известны и доступны *все* списки изучаемого памятника.

Но вот собраны все известные вам списки. Необходимо занести их в свою картотеку — именно картотеку, которая, как увидим далее, окажется более удобной, чем просто перечень списков в тетради. Лучше, если сведения о списках вы разнесете на листки — на стандартной библиографической карточке не хватит места для всех сведений. При современных условиях работы — на компьютерах — бесспорно, будут иные приемы организации материала, но фактические элементы описания, на мой взгляд, остаются прежними.

На карточке указываются следующие элементы описания:

1. Шифр рукописи
2. Формат рукописи.
3. Общее количество листов.
4. Дата списка. При этом, если ваш памятник читается в составе сборника, то желательно указать филиграни тех именно листов, на которых читается текст памятника.
5. Листы, на которых читается текст памятника (если он входит в состав сборника).
6. Самоназвание памятника и его начальные слова.
7. Дополнительные сведения: это могут быть сведения о конвое памятника, тексты важных для исследования приписок и записей, сведения о публикации памятника по данному списку.

8. В конце сообщается данное вами условное обозначение списка. Это условное обозначение должно быть по возможности кратким: одна, две, три буквы. При этом желательно, чтобы ваше условное сокращение как-то соотносилось бы с шифром рукописи. Так, списки Летописца Еллинского и Римского получили следующие обозначения: Б — список БАН, 33.8.13; П — список РГБ, собрания Пискарева, № 162; К — список РНБ, Кирилло-Белозерского собрания, № 1/6 и т. д.

Составив картотеку списков, мы переходим к следующему этапу работы: классификации, распределению списков по их сходству на редакции, если изменения в списке носят явно осмысленный, целенаправленный характер, и виды (группы), если изменения носят механический характер. Распределение списков по группам производится на основании «примет», то есть чтений, отличающих одну группу от другой. Эти чтения должны быть, с одной стороны, осмысленными (или, напротив, явно ошибочными): мы должны быть уверены в том, что в списках разных групп не могут оказаться случайно совпавшие чтения. С другой стороны, таких чтений-примет не должно быть слишком много — не более десяти, что облегчит сравнение многих списков. В-третьих, желательно, чтобы чтения-приметы было легко найти в тексте: например, они могут находиться в начале выделенных киноварью главок в составе текста; возможно, что в группах отличаются заголовки — это наиболее удобный для исследователя вариант. Так, в разных видах Хронографа 1617 г. мы встречаем разные варианты названия главы; либо «Сказание Ивана Пересветова о царе турском Магмете, како хотел сожещи книги греческие», либо «О совете турскаго царя с пашами своими о законе. Сказание Ивана Пересветова». В тех же видах Хронографа отличаются заголовки: «О поставлении Гермогена патриарха» и «О возведении на престол Гермогена, патриарха Московского».[4]

[4] См.: *Творогов О. В.* О Хронографе редакции 1617 г. С. 171.

Вот примеры чтений, по которым Т. Р. Руди различала группы списков Жития Юлиании Лазаревской:

— в молитвах и в рукоделиих — в молбах и рукоделии;

— полуимянем — простым именем;

— и глагола ему жена — и благому жена;

— она же от свекрови пищу приимая сама днем и раздаяше — она же от свекрови пищу приимаша сама, а не ядяше, гладным все раздаяше.[5]

Как видим, случайных совпадений в чтениях двух групп не может быть. С другой стороны, приведенные той же исследовательницей приметы могут быть ненадежными. Так, например, сравним: А егда в селах погребаху мертвыя — А егда в селе их погребаху мертвыя — сходные изменения текста могли возникнуть из-за ошибочного самодиктанта. Или: ...преставися мати ея — умре мати ея. Заменить один глагол другим синонимичным могли независимо друг от друга разные писцы.[6]

Если вы группируете несколько списков, то для самоконтроля вы можете составить такую табличку (для примера приводятся чтения из разных групп списков Хронографа редакции 1617 года):[7]

	Группы				
	А	Б	В	Г	Д
Аще дадут от царских детей	+	+			
Аще идут от царских детей			+	+	
Прилете на озеро	+	+			
При езере на лето			+	+	
при езере налете					+

Итак, списки собраны и разложены по группам, в каждой из которых собраны списки, близкие по тексту, что установлено нами на основании совпадения в них опорных чтений, «примет». Теперь можно перейти к следую-

[5] Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьиной) / Исслед. и подгот. текстов Т. Р. Руди. СПб., 1996. С. 25, 26, 31.

[6] Там же. С. 22, 25.

[7] *Творогов О. В.* О Хронографе редакции 1617 года. С. 172.

щему этапу работы — выбору типа издания. Уже говорилось о том, что лучшим является «критическое издание текста». Мы приносим в жертву дипломатическую точность: сочетать в издании дипломатическую точность и демонстрацию всех вариантов текста не просто трудно, но и опасно — получившееся в результате издание, может быть, и будет абсолютно точным, но при этом катастрофически громоздким и неудобным для работы. Мы должны помнить, что основная цель критического издания — дать в руки читателя «лучший» текст, сообщив при этом обо всех наиболее существенных смысловых отличиях от него в других списках. Я поставил бы слово «лучший» в кавычки, чтобы привлечь внимание к очень сложной проблеме, о которой блестяще написал Д. С. Лихачев в разделе «Выбор основного текста» в своей «Текстологии».[8] Ученый пишет: «Понятие „основного списка“ в значительной мере условно и зависит от цели, которую преследует издание текста. Если цель издания — дать авторский вид памятника, то основным списком будет тот, который в результате изучения истории текста памятника окажется наиболее близким этому авторскому виду. Если цель издания — дать представление обо всех этапах истории текста памятника, то основные списки должны быть ближайшими по тексту к каждому этапу истории текста: редакции, виду, изводу и т. д.». И далее: «Текст основного списка наиболее показателен для избранной для издания редакции или вида памятника, но он не может претендовать на то, чтобы представлять текст памятника самого по себе».[9]

Приведем пример. К. Истомин, издавая Летописец Еллинский и Римский, нарушил сразу несколько заповедей текстолога.[10] Во-первых, он не только не попытался

---

[8] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 491—496.

[9] Там же. С. 494, 496.

[10] Корректурные листы изданной части Летописца хранятся в библиотеке Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

собрать все доступные списки памятника, а даже не привлек для издания все, известные ему. Во-вторых, он не предварил издание текстологическим исследованием. Поэтому он избрал в качестве основного Чудовский список на том основании, что он древнée (это верно: Чудовский список — один из старших), в нем нет деления на главы, как в Пискаревском (здесь Истомин ошибочно принимает за номера глав нумерацию на полях списка, которая является продолжением нумерации «глав» в предшествующем Летописцу тексте Хроники Амартола), и потому, что «самый текст в этом списке правильней и архаичней, чем в остальных двух списках.[11] Это последнее утверждение просто неверно: Чудовский список лучший список *вторичного вида* Летописца, и если издавать его как представителя вида, то необходимо было бы привлечь отвергнутые Истоминым списки ОЛДП и Толстовский. Дело не в том, что Истомин успел подготовить и набрать чуть более половины текста, а в том, что его издание, будь оно завершено, все равно было бы текстологически неверным, искажающим представления об истории текста Летописца. Поэтому работу над изданием пришлось начинать заново.

Избрав основной список по принципам, сформулированным Д. С. Лихачевым, мы определяем круг списков, по которым подводятся разночтения, и приступаем к работе.

Как подводить разночтения? Есть два способа. Если текст издаваемого памятника небольшой, то можно прибегнуть к способу, описанному Лихачевым в «Текстологии».[12] Текст памятника выписывается столбиком по левому краю листа. Строчку столбика занимает одно слово или сочетание слова с предлогом. Правее этого столбика с текстом располагаются столбики для разночтений — ка-

[11] Записка К. К. Истомина об издании Еллинского летописца второго вида // ЛЗАК за 1904 г. СПб., 1907. Вып. 17. С. 41.

[12] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 177—178.

ждый столбик для одного списка. Затем производится пословная сверка текстов. Если в подводимом столбике текст тот же, ставится точка, если слово отсутствует — прочерк, если в словосочетании одно слово совпадает, а другое отличается — приводится сочетание этого иного слова с тильдой, и наконец, все отличающиеся слова приводятся в столбике, отведенном для данного списка. Вот пример.

	А	К	С
и въжег	.	~ он	~ той
свѣтилникы	свѣтилникъ	свѣтилникъ	свѣтилникъ
от земли	.	.	.
призывааше	призывая	.	.
заклинаа	заклинаша	.	.
бѣсы	.	.	.
иже бяше	~ бяху	~ бѣаху	~ бѣаху
на се	.	.	.
надобни	.	подобнѣ	подобнѣ
яко	.	-	-
призрѣние	.	.	.
сътворити	.	створи	створи

Приводим тот же текст и фрагмент «подвала»: то есть разночтения к данному отрывку текста:

и въжег[1] свѣтилникы[2] от земли, [3]призывааше заклинаа[4] бѣсы, иже бяше[5] на се надобни[6] яко[7] призрѣние сътворити[8]

---

[1]Доб. он К; доб. той С. [2]свѣтилникъ АКС. [3–4]Призывая заклинаша А. [5]бяху А; бѣаху КС. [6]подобнѣ КС. [7]Нет КС. [8]створи КС.

На расписку памятника уходит порой несколько тетрадей, а если подводимых списков много, то справа подклеивается дополнительно бумага.

Но подводить разночтения к большому тексту — летописи, хронографу, большой по объему повести или пространному житию — таким способом оказывается не слишком удобно. Возможен и другой способ: основной список печатается на машинке или набирается на компьютере, но на каждой странице оставляется место для под-

ведения разночтений — 7—8 строк. Затем на отдельных листах бумаги выписываются разночтения первого из подводимых списков, выписываются они карандашом, чтобы не менять ежесекундно пишущий инструмент, потому что цифры, которыми вы соотносите разночтения и текст, также пишутся карандашом. Цифры разночтений приводятся «с запасом», то есть, например, для первого подводимого списка разночтения будут иметь номера 3, 16, 24, 36 и т. д. по одному-двум в каждой строке печатного текста. В следующем подводимом списке окажутся разночтения, допустим, 6, 13, 28, 32 и т. д., то есть они будут помещены или *до*, или после уже подведенных разночтений. Если разночтения двух или более списков совпадают, то они, естественно, оказываются под одним номером. В приведенном выше примере к слову «сътворити» мы напишем разночтение: «створи КС». Когда все списки будут подведены, мы уже шариковой ручкой сообщаем карандашным прежде разночтениям единые последовательные номера: 1, 2, 3, 4 и т. д. После сотого разночтения ставится очередная римская цифра — II, III, IV и т. д. и снова разночтения от 1 до 100. Иногда, если изменены несколько следующих друг за другом слов, мы прибегаем к «вилке»: следующие друг за другом три-четыре слова опоясываются разночтениями: первая цифра прибивается слева к первому слову выделенной для подведения разночтений группы слов, а вторая прибивается справа к последнему слову группы, но возможны случаи, когда разночтение приводится и к одному из слов внутри этой группы. Подобные случаи иллюстрирует следующий пример.

Основной список:

тѣм [34]и бысть глад велии[35] и[36] никогдаже[37] бысть, нѣкогда бывших премину сь глад[38], и симь бысть[39] гладом смерть бысть многа[40]

[34–35]глад велии бысть О. [34–36]гладъ великъ бысть яко Ч. [37–38]бывалъ таковь в Констянтинь-градѣ Ч. [38–39]таков бысть и симь О. [39]Нет Ч. [40]Нет Ч.

Для наглядности приведем текст по подводимым спискам:

Ч:

тѣм гладъ великъ бысть, яко никогдаже бывалъ таковъ в Костянтинѣ-градѣ, и симь гладом смерть бысть

О:

тѣм глад велии бысть, и никогдаже бысть, нѣкогда бывших премину сь глад, таковъ бысть, и симъ гладом смерть бысть

Самым сложным является вопрос: нужно ли подводить все разночтения, а если не все, то какие.

Сразу же скажем, что стремиться подвести все разночтения, в том числе и орфографические (например: сотвори — сътвори; воззрев — възрев; срачицу — страчицу и подобные) не нужно. Известны случаи, когда публикации с полным, если не исчерпывающим, перечнем разночтений приобретают следующий вид: на четыре-пять строк текста приходится по сорок с лишним строк разночтений. Примером могут служить некоторые издания, подготовленные М. О. Скрипилем (см., например, его издание Повести о Савве Грудцыне),[13] или издание Жития Бориса и Глеба, подготовленное Д. Ревелли.[14] Отдавая должное тщательности и трудолюбию издателей, мы вынуждены в то же время признать, что основная цель критического издания — показать движение текста, его изменения в разных списках — оказывается дискредитированной: в массе разночтений совершенно тонут те немногие, которые действительно позволяют судить о редакционных или видовых изменениях текста.[15] Поэтому стоит остановиться на

[13] *Скрипиль М. О.* Повесть о Савве Грудцыне (Тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 225—308.

[14] *Revelli G.* Monumenti Letterari su Boris e Gleb: Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova, 1993.

[15] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 512—513.

вопросе: какие разночтения нужно приводить обязательно. Можно предложить такой примерный перечень:

1. Отмечаются все случаи пропуска или добавления слов, за исключением пропуска и добавления союза «и» и частицы «же».

2. Отмечаются все случаи замены слов.

3. Отмечаются морфологические разночтения: употребление иной формы глагола, колебания в употреблении форм единственного, двойственного и множественного числа, замена личной формы глагола причастием и наоборот.

4. Отмечаются описки, так как общие ошибочные чтения могут указывать на близость списков.

Но, как известно, в критических изданиях мы встречаем обычно два ряда примечаний: разночтения, соотносимые с текстом при помощи цифр, они составляют второй подвал. Первый подвал отводится для указаний на особенности основного списка: его дефекты (неразб., стерто, надписано, на поле и пр.), а также для исправлений основного списка.

Сведения об издаваемом списке могут оказаться чрезвычайно полезными: ведь если в публикуемом списке слово или словосочетание надписаны над строкой или написаны на поле рукописи, а в другом списке те же слова отсутствуют, перед нами дилемма: либо оба списка восходят к одному дефектному протографу, но в издаваемом списке пропуски были затем восполнены, либо подводимый список восходит к издаваемому, но скопирован ранее, чем были восполнены лакуны. Поэтому важно попытаться определить, тем же почерком и теми же чернилами, что и остальной текст, сделаны восполнения, или иными.

Исправления могут вноситься в текст только в случае его явной механической порчи (стерто, порвана бумага) или описок, например «го» вместо «его», «хутрости» вместо «хитрости», «златыми» вместо «златыя» в тексте «принести съсуды златыя и сребрены» и т. д. В подав-

ляющем большинство случаев исправления делаются по другим спискам той же редакции (вида) памятника, что и указывается в подстрочных примечаниях по формуле: «*Испр. по КОСТЧ*; *ркп. и П* Акину». (Каждая буква — условное обозначение списка: К — Кирило-Белозерский, О — ОЛДП и т. д.) Как видим, ошибочное чтение основного списка повторено в близком к нему списке П. В редких случаях исправления приходится делать по тексту источника. Так, в тексте Еллинского летописца в нескольких списках читается «Дитра» вместо «Димитриа» (богиня Деметра»). Исправление приобретает следующий вид: «*Испр. по Арх.; ркп. и АОЧ* Дитра; Дидра *К*», где *Арх.* — Архивский хронограф, а *АКОЧ* — списки Еллинского летописца. Лишь в исключительных случаях возможно исправление по смыслу, но при этом с обязательной оговоркой: *Испр. по смыслу*. В отличие от второго подвала — разночтений — цифрового, первый подвал — буквенный, где примечания соотносятся с текстом буквами от «а» до «я».

Непременным элементом публикации является археографический обзор используемых списков. При этом, как уже сказано, помимо обязательных сведений палеографического и кодикологического характера, в обзоре могут присутствовать и сведения об особенностях основного или подводимых в разночтениях списков. Например, есть смысл указать на присущие списку частые перестановки слов и оговорить, что в разночтениях они приводятся выборочно, указать на частые исправления в списке, отметить такую его особенность, как (в отличие от других списков) приводимую на полях нумерацию глав и т. д.

Нужно помнить, что точная передача основного текста в строгом соответствии с принятыми и заявленными издателем принципами и правильное, грамотное оформление подстрочного аппарата — непременные условия всякой текстологической работы, ибо публикация источника — венец его исследования.

Сосредоточив внимание на аппарате критического издания, мы обошли стороной чрезвычайно важный вопрос о принципах воспроизведения в критическом издании основного списка (и соответственно подводимых в разночтениях списков). А ведь именно это упрощенное издание древнерусского текста является мишенью упреков «школе Лихачева». На мой взгляд, важно одно — чтобы издатель сформулировал для себя принципы передачи древнерусского текста и неукоснительно им следовал. Приведу перечень таких принципов, который предлагаю рассматривать как один из возможных вариантов.

1. Текст воспроизводится гражданским шрифтом с сохранением букв ъ, ь, ѣ и ѵ. Другие вышедшие из употребления кириллические буквы заменяются: *і* на *и*, *ѥ* и *ѩ* соответственно на *е* и *я*, *ѫ* на *у*, *ѧ* на *я*, *оу* и *ȣ* на *у*, буквы *ꙁ* и *ѕ* на *з*, *ѳ* на *ф*.

2. Титла раскрываются. При этом надо помнить, что восстанавливаемые буквы пишутся по правилам древнерусской орфографии: так, слово *человек* при раскрытии титла следует писать *человѣкъ*, слово *месяц* — *мѣсяць*.

3. Выносные буквы вносятся в строку. При этом надо помнить, что согласная (т. е. буква, обозначающая согласный звук) выносилась *только перед согласной* или перед йотированной гласной, поэтому слово бра*т*е (курсивом здесь и далее обозначается выносная буква) следует раскрывать как братье или братие. Смущавшее издателей «Слова о полку Игореве» написание «на болони» следует исправить — «на болоньи».

4. Буквы *ж*, *с* и *ч* выносились без следующих за ними гласных, поэтому написания ро*ж*ство, оба*ч*, яви*с* и подобные следует раскрывать как ро*ж*ество, обаче и явися. Часто выносилась буква *д* с опущением следующей гласной. Поэтому написание по*д*бие в «Слове о полку Игореве», прочитанное первыми издателями как подобие, можно прочитать (и это чтение принято) как по дубию.

5. Сокращенные написания е*с*, нѣ*с*, пѣ*с* и подобные раскрываются как есть, нѣсть, пѣснь.

6. Выносная согласная на конце слова вносится в строку, при этом буква *ъ* после нее не восполняется, а буква *ь* ставится только в случае исконной мягкости звука, например де*н* воспроизводится как день.

7. Написания с отражением ассимиляции воспроизводятся через дефис: бесрама как бе-срама.

8. Издатель должен для себя решить и поступать единообразно в случаях написания с кендимой (надстрочный знак в виде двух параллельных черточек — ″). Когда она ставится над короткими словами типа нъ (но), ее можно игнорировать, а при постановке ее над последней гласной прилагательного (велики, добры) или местоимения (то, се) решить: принимать ли кендиму как написание буквы *и* (тогда — великии, добрыи, тои, сеи), или игнорировать.

В издании употребляются прописные буквы в личных местоимениях и географических наименованиях (но не названиях народов!), а также в словах Богъ, Богородица, Спасъ, Троица и подобные. Могут писаться с прописной прилагательные, если их следует воспринимать как личное прозвание: новгородские люди, но Ефимии Новогородскии.

9. Не рекомендуется употребление буквы *й*.

10. Применяются современные знаки препинания, но употребляются они лишь с целью способствовать лучшему пониманию текста: отделяются друг от друга предложения, внутри предложения могут выделяться синтаксически обособленные группы слов, выделяется прямая речь. Практика показывает, что попытка при передаче древнерусского текста точно следовать пунктуационным нормам современного языка приводит иногда к появлению совершенно невразумительных конструкций, поэтому приходится ориентироваться на ненаучный, но практический принцип: ставить знак только там, где это необходимо для лучшего понимания текста. Читатель должен пони-

мать, что пунктуация принадлежит издателю и является отражением его понимания текста.

Приведенные правила могут быть оспорены, дополнены, заменены другими. Важно лишь, чтобы, сформулировав для себя подобные правила, издатель непременно им следовал. Их условность очевидна для каждого читателя.

Лекция шестая

БИБЛИОГРАФИЯ

Приступая к исследованию какого-либо памятника, жанра, литературного направления, стиля и т. д. необходимо ознакомиться с литературой вопроса, то есть с библиографией существующих работ, посвященных изучению того же памятника или той же проблемы. Только безнадежный дилетант может позволить себе начать «с чистого листа», не утруждая себя собиранием, прочтением и оценкой работ предшественников.

Практика показывает, что исследователю древнерусской литературы необходимо учесть исследования и публикации, по крайней мере, с середины XIX века: в ряде областей, например в изучении агиографии, хронографии, гомилетики, апокрифической литературы, работы в какой-то своей части не утратили своего значения. Библиографий работ XIX—начала XX века, за исключением работ, посвященных «Слову о полку Игореве», и древнерусским повестям (я имею в виду библиографии, составленные В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской[1] и А. А. Назаревским[2]), не существует. Но положение облегчает существование «Словаря книжников и книжности

[1] *Адрианова-Перетц В. П., Покровская В. Ф.* Древнерусская повесть. М.; Л., 1940.

[2] Библиография древнерусской повести / Сост. А. А. Назаревский. М.; Л., 1955.

Древней Руси», в котором в пристатейной библиографии учтены работы XIX—XX в., причем работы XIX в. учтены на основании составлявшейся в Отделе древнерусской литературы в 30-х гг. XX в. «толковой библиографии».[3] Тем не менее исследователь должен иметь представление хотя бы об основных периодических изданиях «досоветского периода», к которым, в некоторых случаях, ему придется обращаться.

Материалы по древнерусской литературе систематически публиковались в Чтениях Общества истории и древностей российских при Московском университете. Они издавались с 1845 по 1848 г., затем были закрыты по распоряжению Николая I за публикацию записок Флетчера о России и выходили под названием Временник Общества истории и древностей российских: в 1849—1857 гг. вышло 25 книг. С 1858 по 1917 г. вновь выходят Чтения. Указатель ко всем периодическим изданиям ОИДР, составленный С. А. Белокуровым, был опубликован во 2-й книге ЧОИДР за 1916 г. Следует помнить, что многие монографии по древнерусской литературе — это отдельные оттиски из ЧОИДР.

Статьи по древнерусской литературе публиковались также в Известиях Академии наук по русскому языку и словесности, выходивших с 1852 по 1862 год, а затем в Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук, 32 тома которых (по четыре книги в год) выходили с 1896 по 1927 г.

Статьи по интересующей нас тематике вы можете встретить также в Журнале Министерства народного просвещения, выходившем ежемесячно с 1834 по 1917 год, и в Летописи занятий Археографической комиссии, 35 выпусков которой вышли в 1862—1929 гг. Подробный указатель к изданию вышел в 1987 г.[4]

---

[3] См. об этом: *Рождественская М. В.* К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.) / К 55-летию Отдела // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 4—5.

[4] Летопись занятий Археографической комиссии. 1861—1928: Указатель содержания / Сост. Л. П. Смирнов, А. Ф. Тутова, А. А. Цеханович. Л., 1987.

Следует помнить о трех сборниках трудов под названием Древности. Это следующие издания:

1. Древности. Труды имп. Московского Археологического общества. Т. 1—20. М., 1865—1904;

2. Древности. Труды Археографической комиссии имп. Московского Археологического общества. Т. 1—3. М., 1898—1913;

3. Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского Археологического общества. Т. 1—5. М., 1895—1915.

Материалы о древнерусской литературе находятся также в сборниках Отделения русского языка и словесности Академии наук (101 том, 1867—1928 гг.), в Православном палестинском сборнике (Вып. 1—62. СПб., 1881—1916), возобновленном в 1954 г.

Помощь в ориентации в периодических и серийных изданиях XIX—начала XX века могут оказать: Справочник сокращений, принятых в исторической литературе (М., 1964), — где, в частности, расписаны все 190 выпусков серии «Памятники древней письменности и искусства» и содержание томов Русской исторической библиотеки (1872—1927), в которых публиковали также материалы по древнерусской литературе и книжности, — а также указатель Gesamtinhaltsverzeichnisse zu russischen philologischen Zeitschriften und Reihen. Bearb. von K. Günter. Berlin, 1989.

Но основным нашим помощником в библиографии XIX—XX веков окажется все же пристатейная библиография в «Словаре книжников и книжности Древней Руси».

Значительно облегчены библиографические разыскания публикаций после 1917 г. Систематически выходят выпуски Библиографии работ по древнерусской литературе. Вышли следующие выпуски: *Дробленкова Н. Ф.* Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. М.; Л., 1962; *Дробленкова Н. Ф.* Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1958—1967 гг. Ч. 1—2. Л., 1978—1979. В этот выпуск библиографии включены труды со-

ветских ученых на украинском и белорусском языках, а также работы, опубликованные в зарубежных изданиях.

По тем же принципам построены и следующие библиографии: Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1968—1972 гг. / Составитель Н. Ф. Дробленкова. СПб., 1996; Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1973—1987 гг., составленная коллективом авторов. СПб., 1995—1996. Ч. 1—3. Следующие библиографии — Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР (России). 1988—1992 гг. (СПб., 1998) и Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в России. 1993—1997 (СПб., 2005) — включают только работы на русском языке, опубликованные в России и странах ближнего и дальнего зарубежья. От учета работ на белорусском и украинском языках составителям пришлось отказаться в связи с возникшими трудностями книгообмена между российскими библиотеками и библиотеками сопредельных государств.

Все выпуски Библиографии характеризует стремление учесть не только работы по собственно древнерусской литературе, но и труды по ряду смежных дисциплин: по языку, если они касаются языка отдельных памятников древнерусской литературы, по истории, если в центре внимания определенные исторические источники, по искусству, если автор касается сюжетов и мотивов древнерусской литературы, и т. д. Библиографии снабжены именным и предметно-тематическим указателями.

Кроме общих библиографий по древнерусской литературе существует также Библиография русского летописания, составленная Р. П. Дмитриевой (М.; Л., 1962), представляющая аннотированный перечень трудов по летописанию, вышедших на русском, украинском и белорусском языках с 1674 по 1959 г., с приложением — составленной Ю. К. Бегуновым Библиографией избранных иностранных работ по русскому летописанию с 1549 по 1959 гг.

Была предпринята попытка продолжить эту ценную библиографию в работе А. Н. Казакевич «Советская лите-

ратура по летописанию. 1960—1972 гг.», опубликованной в сборнике: Летописи и хроники. 1976. (М., 1976).

Существует несколько библиографий по «Слову о полку Игореве». Это прежде всего взаимодополняющие библиографии, составленные В. П. Адриановой-Перетц (Слово о полку Игореве: Библиография изданий, переводов, исследований. М.; Л., 1940) и коллективом под редакцией С. К. Шамбинаго (Слово о полку Игореве: Библиографический указатель. М., 1940). Затем последовали библиографии: *Дмитриев Л. А.* «Слово о полку Игореве»: Библиография изданий, переводов и исследований. 1938—1954. М.; Л., 1955; *Дробленкова Н. Ф., Зарембо Л. И., Пелешенко Ю. В., Соколова Л. В.* Слово о полку Игореве: Библиография работ на русском, украинском и белорусском языках. 1968—1987. Л., 1990. Кроме того, библиографические сведения об изданиях и исследованиях «Слова» содержатся также в монументальном исследовании М. Г. Булахова «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Краткий энциклопедический словарь. Минск, 1985 и «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“».[5] «Энциклопедия» была создана по инициативе Д. С. Лихачева. Она представляет собой свод сведений и суждений, накопленных наукой за двести лет изучения «Слова». В ней есть статьи об авторе, жанре, композиции памятника, о истории открытия «Слова» и его публикациях, о большинстве исследователей и переводчиков «Слова», о упомянутых в нем исторических персонажах или реалиях, о так называемых «темных местах» «Слова» — неясных по смыслу или испорченных чтениях.[6] Словом, в томах «Энциклопедии» представлены все аспекты истории памятника и его изучения, и что самое главное — ка-

---

[5] Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Редакционная коллегия: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. редактор). СПб., 1995. Т. 1—5.

[6] См. также: *Творогов О. В.* Энциклопедия «Слова о полку Игореве» как жанр // Разные грани единой науки: ученые — молодым славистам. СПб., 1996. С. 116—122.

ждая статья сопровождается основной библиографией, с непременным учетом исследований и публикаций XIX века.

Но, разумеется, самым монументальным сводом исследований по древнерусской литературе является «Словарь книжников и книжности Древней Руси».[7] Ценность «Словаря» состоит не только в том, что он представил наиболее полный на сегодняшний день обзор сведений о древнерусских книжниках и репертуаре древнерусской книжности (попытки в этом направлении предпринимались архиепископом черниговским Филаретом, И. И. Срезневским, Н. К. Никольским, И. У. Будовницем), но и то, что каждая статья снабжена исчерпывающей (когда это возможно) библиографией. К основному корпусу «Словаря» Д. М. Буланиным были составлены обширные библиографические дополнения,[8] которые не только восполняют допущенные пропуски, но и учитывают публикации и исследования, появившиеся после выхода в свет первого и третьего выпусков «Словаря». Пока не опубликованы библиографические дополнения к статьям второго выпуска.

Следует обращаться также к ценному справочнику «Письменные памятники истории Древней Руси», составленному коллективом ученых под руководством Я. Н. Щапова.[9]

Однако библиографии, естественно, отстают от времени самих публикаций. Поэтому необходимо составлять теку-

---

[7] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987; Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.), ч. 1: А—К. Л., 1988; Вып 2 (вторая половина XIV—XVI в.), ч. 2: Л—Я. Л., 1989; Вып. 3 (XVII в.), ч. 1: А—З. СПб., 1992; Вып. 3 (XVII в.), ч. 2: И—О. СПб., 1993; Вып. 3 (XVII в.), ч. 3: П—С. СПб., 1998; Вып. 3 (XVII в.), ч. 4: Т—Я. Дополнения. СПб., 2004.

[8] См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4: Т—Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 321—877.

[9] Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003. См. лекцию вторую в разделе «Археография».

щую библиографию по теме своего научного исследования.

На первый взгляд сократить разрыв между датой публикации и ее отражением в библиографии помогает регулярно выпускаемый Институтом научной информации библиографический справочник — Новая литература по социальным и гуманитарным наукам, выходящий в сериях «История, Археология, Этнология», «Литература», «Языкознание» и др. ежемесячно. В серии «Литература» имеется раздел «Древнерусская литература». Однако на практике все оказывается не столь благополучно. Во-первых, библиография эта тоже отстает, а если речь о провинциальных изданиях, то порой и на несколько лет (для большинства изданий отставание составляет один-два года). Но главное, что эта библиография, по моим наблюдениям, охватывает лишь около двух третей выходящих работ. Например, наиболее авторитетные для древников Труды Отдела древнерусской литературы в справочнике вообще не расписываются постатейно.

Поэтому можно предложить следующее: Вы составляете перечень наиболее важных для вас периодических изданий, которые систематически, из номера в номер (при этом наладив систему регистрации просмотренных номеров) просматриваете, составляя личную картотеку интересующих вас материалов. Можно порекомендовать, например, следующий перечень периодических изданий для регулярного просмотра:

— Археографический ежегодник;
— Вестник МГУ. Серия 8;
— Вестник МГУ. Серия 9;
— Вестник РАН;
— Вестник РГНФ;
— Вестник СПбГУ. Серия 2;
— Византийский временник;
— Вопросы истории;
— Вопросы языкознания;
— Вспомогательные исторические дисциплины;
— Герменевтика;

— Гуманитарные науки в Сибири;
— Древняя Русь;
— Известия РАН. Отделение литературы и языка;
— Новое литературное обозрение;
— Отечественная история;
— Отечественные архивы;
— Православный палестинский сборник;
— Родина;
— Русская литература;
— Русская речь;
— Славяноведение;
— Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ;
— Филологические науки.

Если есть возможность, к этому списку прибавляются и иностранные филологические журналы.

Систематический просмотр названных журналов позволяет вам находиться в курсе новейших научных разысканий.

Кроме того, нужно помнить о существовании таких библиографических пособий, как Книжная летопись, Летопись журнальных статей, Летопись авторефератов, разного рода реферативные журналы.

Но к этим пособиям чаще всего обращаются при составлении общих библиографий, не связанных с конкретными частными темами.

В заключение хотелось бы коснуться еще нескольких вопросов.

Во-первых, напомнить о некоторых общих принципах библиографической работы и оформления библиографий. Библиографические ссылки должны неукоснительно придерживаться определенных правил: имя автора обязательно указывается с инициалами, для книг и статей приводятся данные о месте и годе издания книги или журнала. При этом желательно указать точно страницы публикации, на которых читается то или иное суждение, а само суждение желательно приводить в виде точной цитаты. В работах начинающих исследователей, а также у дилетантов, мы найдем примеры, когда в качестве источника

приводимого чужого мнения называется вся работа, а не конкретные страницы, на которых содержится то или иное утверждение, что позволяет делать малообоснованные выводы, а порой и приписывать авторам, на которых ссылается исследователь, не принадлежащие им (и порой противоречащие их подлинным взглядам) идеи.

Во-вторых, необходимо ответственно подходить к цитатам из чужих сочинений — выделять заимствованные суждения, лучше всего точную цитату, кавычками и указывать не только имя автора идеи, но и точные, вплоть до конкретных страниц данные об источнике, его библиографический адрес.

Крайне нежелательной, на мой взгляд, является система, когда перечень источников сопровождает статью, а в ее тексте лишь указывается номер источника и страницы: особенно опасно, когда это «вилка», то есть указывается первая и последняя страницы источника, а не конкретная страница (страницы), которые содержат рассматриваемое положение.

В-третьих, следует исключить практику, когда в статью переносятся без тщательной проверки библиографические данные из другой работы, которые могут содержать фактическую ошибку, являться опечаткой и т. д. Всякая сноска вашего предшественника должны быть заново проверена.

Следует проверять и суждения рассматриваемой или цитируемой работы. Профессор Санкт-Петербургского (в то время Ленинградского) университета И. Г. Ямпольский опубликовал несколько статей, содержащих примеры различных авторских ошибок:[10] это фактические ошибки, ошибки хронологические, искажение названий, ошибочные отождествления — все это, по словам

[10] *Ямпольский И. Г.* 1) Сигнал неблагополучия (Заметки на полях) // Вопросы литературы. 1973. № 10. С. 184—209; 2) Еще раз о точности // Там же. 1975. № 11. С. 169—194; 3) И снова о точности // Там же. 1978. № 9. С. 227—253; 4) «Не верь глазам своим» // Там же. 1981. № 7. С. 208—231.

И. Г. Ямпольского, «следствие неосведомленности, легкомыслия, излишней торопливости в выводах, слепого доверия к своей памяти, самодовольства и безответственности».[11] А ведь все эти ошибки могут повторяться, если последний автор не взял на себя труд проверить достоверность своих источников.

К сожалению, мы найдем подобные дефекты и в статьях по древнерусской литературе. Так, в работе московских византинистов (не буду называть ни работы, ни авторов — важно не упрекнуть конкретного исследователя, а осудить неверные принципы работы) мы встретим упоминание о переводе на Руси в XI в. «Хроники Георгия Амартола», но вместо ожидаемой сноски на издание этого перевода В. М. Истриным,[12] мы найдем указание на «Летовникь съкращень от различных летописьць же и поведатели и избрань и сьставлень отъ Георгиа грешнаа инока», то есть на издание совсем другого текста — сербского перевода Амартола, осуществленного в XIV веке. В той же работе мы встретим утверждение, что Хроника Константина Манассии была переведена в XIII—XIV вв. «на старославянский язык», тогда как старославянским мы называем язык письменных памятников X—XI веков, а нам известны только переводы Хроники на болгарский язык в середине XIV века, как и сказано в разбираемой статье. Третий пример из той же работы. Там утверждается, что на рубеже XVII—XVIII вв. «в литературе показателен перевод западноевропейских рыцарских романов о Троянской войне», в частности знаменитого романа, автор которого упоминавшийся выше Гвидо де Колумна. Этот пассаж сопровождается ссылкой на книгу: «Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков» (Л., 1972). Но автор, вероятно, даже не перелистал книгу, ибо в ней не

[11] *Ямпольский И. Г.* «Не верь глазам своим». С. 209.

[12] *Истрин В. М.* Книги временьныя и образныя Георгия мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг., 1920—1930. Т. 1—3.

только упомянуты списки древнерусского перевода XVI в., но и говорится, что оригиналом его был латинский текст одного из старопечатных изданий 80-х гг. XV в. Видимо, автор статьи следовал давно устаревшей статье А. Н. Пыпина, где читается: «Русский перевод, конечно, не древнее XVII в., как можно судить из языка и из того, что повесть не встречается раньше этого времени».[13] Можно думать, что А. Н. Пыпину были известны лишь списки сокращенной редакции Повести, датируемые XVII в. Итак, исследователь не только не вник в историю предмета, но и поместил ссылку на работу, которую не удосужился прочитать.

Иногда мы встречаем выводы, которые могут быть объяснены лишь полным незнакомством писавшего с литературой вопроса. Так, Б. А. Рыбаков, комментируя фразу Никоновской летописи «роди же нарицаемии руси, иже и кумани» назвал статью летописи «О князи рустем Осколдѣ» «интереснейшим летописным свидетельством, заимствованным историками XVI в. из какого-то греческого источника».[14] Не знают этого источника и ссылавшиеся на Б. А. Рыбакова Н. Ф. Котляр, О. М. Рапов и А. Н. Сахаров.[15] В то же время статья эта перенесена в Никоновскую летопись из Русского хронографа, куда она в свою очередь попала из сокращенной переработки Хроники Зонары — Паралипомена Зонары. На это было указано еще в 1866 г. в монографии А. Н. Попова.[16] Если бы это было известно Б. А. Рыбакову и его последователям, они бы без труда сделали следующий шаг — сопоставили

---

[13] *Пыпин А. Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 59—60.

[14] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 346.

[15] *Котляр Н. Ф.* Древняя Русь в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 44; *Рапов О. М.* Русская церковь в IX—первой трети XII в.: Принятие христианства. М., 1988. С. 94; *Сахаров А. Н.* Дипломатия древней Руси: IX—первая половина X в. М., 1980. С. 60.

[16] *Попов А. Н.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 181—183.

бы заинтересовавшую их фразу Паралипомена с самой Хроникой, где в параллельном чтении мы найдем: Τὸ δ' ἔθνος τῶν Ῥῶς Σκυθικὸν, то есть «род русов скифов», и поэтому «темное место — наименование роди,[17] применное к русам» оказывается всего лишь словом «род» («народ», «племя») в именительном падеже множественного числа. Это наглядный пример того, как важно знать «литературу вопроса» прежде, чем делать поспешные выводы из рассматриваемого текста.

Обращу внимание на следующее. Если вы хотите облегчить читателю знакомство с попутно упомянутым вами памятником, то в соответствующей ссылке нужно указать либо его научное (и желательно комментированное) издание, либо обобщающую работу о нем. Так, упомянув древнерусскую «Повесть о взятии Константинополя турками», целесообразней было бы отослать к работе М. Н. Сперанского «Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков»,[18] или работу М. О. Скрипиля «„История" о взятии Царьграда турками Нестора Искандера»,[19] а не к работе Г. Н. Моисеевой, посвященной переработке древнерусской повести Иоганном Вернером Паузе в начале XVIII в. и имеющей больше отношения к литературе этого столетия, чем к древнерусской повести XV в.[20]

Важно выбрать издание текста, на которое вы ссылаетесь в своей статье. Тут необходимо помнить об авторитетности изданий. Безусловно, авторитетными являются издания в сериях «Литературные памятники» и «Библиотека поэта», а если говорить о памятниках древнерусской литературы — то это, прежде всего, серия монографиче-

---

[17] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 347.

[18] См.: ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 136—165; ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 188—225.

[19] См.: ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 166—184.

[20] *Моисеева Г. Н.* «История царьградская» Иоганна Вернера Паузе — неизвестное сочинение начала XVIII в. // Культурное наследие древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 205—210.

ских исследований-изданий Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома[21], и близких им по типу изданий Института мировой литературы. Авторитетным источником является серия «Памятники литературы Древней Руси», изданная под редакцией Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева[22] и удостоенная в 1993 г. Государственной премии Российской Федерации, а также выходящее сейчас издание новой серии — двадцатитомной «Библиотеки литературы Древней Руси»,[23] примерно в полтора раза превышающей по числу публикуемых текстов «Памятники литературы Древней Руси». В настоящее время вышло 15 томов серии, в которых опубликовано около трехсот памятников древнерусской литературы и эпистолярного наследия, не считая публикаций и фрагментов из сборников, летописей, хроник, а также таких монументальных произведений, как «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Диоптра», «Троянская история» и т. п. Что важно отметить в этой антологии? Во-первых, как и в «Памятниках литературы Древней Руси», все тексты публикуются по рукописям, при этом, как правило, издатель осуществлял текстологические разыскания, что позволило ему избрать для публикации лучший список и исправлять его, разумеется, специально оговаривая это, в случае необходимости по другим спискам того же вида. Во-вторых, все тексты XI—XVI, а частично и XVII века

---

[21] См.: *Дмитриева Р. П.* Монографические исследования-издания памятников древнерусской литературы // АЕ за 1971 г. М., 1972. С. 29—35. После 1971 г. в серии и близких по типу изданиях были опубликованы: Повесть о Петре и Февронии (1979), Повесть о боярыне Морозовой (1979), Повесть о Довмонте (1985), Повесть о Варлааме и Иосафе (1985), «Сказание Афродитиана» (1994), Повесть о Тверском Отроче монастыре (1994), Житие Юлиании Лазаревской (1996) и др. памятники. Есть и несколько научных изданий Жития протопопа Аввакума.

[22] Двенадцать книг серии вышли в свет в 1978—1994 гг.

[23] Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 1997—2008. Т. 1—15. Издание продолжается. После кончины Д. С. Лихачева ответственным редактором «Библиотеки» является Н. В. Понырко.

сопровождаются научными переводами, за точностью которых строго следят редакторы серии. В-третьих, все тексты сопровождаются обширными комментариями — источниковедческими (например, указаны все источники библейских цитат) и историко-литературными. Все это превращает формально научно-популярное издание в строго научное, которое может быть использовано как источник при цитации в исследованиях. Стоит напомнить, что все тома «Библиотеки» (за исключением 8 и 13) предваряются обстоятельными предисловиями, написанными Д. С. Лихачевым.

Но вернемся к основной теме лекции. Не случайно в названиях критических заметок И. Г. Ямпольского, о которых мы говорили ранее, повторялось слово «точность». Точность — непременное условие цитирования и обязательная принадлежность аппарата издания. При огромном объеме публикаций и сотнях пишущих немыслима та непринужденность, какую мог позволить себе в XIX веке академик А. Н. Веселовский, ограничивавшийся указанием: «как писал недавно господин Дестунис...», потому что был уверен — читатель без труда догадается, о каком Дестунисе и о какой именно его работе идет речь. Словом, научный аппарат работы требует от автора исключительного внимания, точности, а главное — осведомленности в «литературе вопроса», в том обширном круге работ, современных и удаленных от нас порой на многие десятилетия, которые нужно знать и учитывать, чтобы получить право сказать свое новое слово по изучаемой проблеме.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНОСТЬ XI—XIII ВЕКОВ

(О Каталоге памятников)

Древнерусская литература XI—XIII вв. (или, как ее принято называть, литература Киевской Руси) изучается в последние десятилетия весьма интенсивно. Достаточно напомнить о новой концепции возникновения древнерусской литературы, разработанной Д. С. Лихачевым, о его наблюдениях над стилем монументального историзма, оказывавшим определяющее влияние на формирование литературных и эстетических взглядов этого времени.[1] Появилось много работ о древнейшем русском летописании, агиографии, переводной литературе, творчестве Кирилла Туровского, «Слове о полку Игореве».

Но историко-литературным исследованиям, разысканиям в области исторической поэтики и стилистики должна постоянно сопутствовать кропотливая археографическая и текстологическая работа, которая позволила бы с наибольшей полнотой воссоздать тот литературный фон, на котором возникли классические произведения древнерусской литературы — Повесть временных лет, Поучение Владимира Мономаха, древнейшие жития, «Слово

---

[1] *Лихачев Д. С.* 1) Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973 (гл. 1); 2) Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд. М., 1970 (гл. 2 и 3); см. также его работу: «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени // *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.

о полку Игореве». Поэтому представляется необходимым всестороннее изучение древнерусской книжности — всей суммы письменных текстов (исключая актовый материал и памятники эпиграфики), обращавшихся на Руси XI—XIII вв. и известных нам по сохранившимся рукописям. Такое изучение позволит в какой-то мере реконструировать репертуар памятников древнерусской литературы этого времени и несомненно обогатит нас материалом для новых теоретических выводов и обобщений.

Работа в этом направлении уже ведется. Так, под руководством Археографической комиссии АН СССР создается Описание славяно-русских рукописей XI—XIII вв., которое станет первым в ряду выпусков Сводного каталога рукописей до конца XIV в. включительно, хранящихся в СССР. В последние годы был составлен и опубликован Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв.,[2] Л. П. Жуковской и Н. Б. Шеламановой разработана Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв.,[3] составляется перечень славяно-русских рукописей XV в.,[4] вышли в свет описания пергаменных рукописей крупнейших библиотек страны — ГПБ, ГБЛ, ГИМ, БАН. Все это позволяет ныне представить состояние нашего рукописного наследия: сколько рукописей этого времени сохранилось, что представляют они собой по содержанию, когда и на каком языке они написаны, где хранятся. Это значительно дополняет те сведения, которыми мы располагали до последнего времени. Выход в свет Описания рукописей XI—XIII вв. несомненно стимулирует изучение истории литературы и культуры Древней Руси.

---

[2] АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 177—272; см. также: *Жуковская Л. П.* Замечания о «Предварительном списке» и «Сводном каталоге» славянских древних рукописей // ВЯ. 1969. № 1. С. 98—107.

[3] АЕ за 1975 г. М., 1976. С. 28—40.

[4] См.: *Воробьев М. Н., Рогов А. И.* К выходу «Предварительного списка славянорусских рукописей XV в., хранящихся в СССР» (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР) // АЕ за 1977 г. М., 1978. С. 49—55.

Однако работа над Сводным каталогом рукописей не отменяет необходимости другой работы, а именно составления каталога памятников, оригинальных и переводных, созданных, переписанных или переведенных в определенный период развития древнерусской книжности. Идея эта не нова: ее пытался осуществить еще И. И. Срезневский, но составленный им хронологический перечень древнейших памятников русского письма[5] в настоящее время не только стал библиографической редкостью, но и значительно устарел по фактическим сведениям и тем более по принципам их подачи.

Между тем подобный каталог крайне необходим. Именно он позволит наглядно представить круг памятников, обращавшихся по существующим сегодня данным в указанный период, что само по себе уже очень важно. Именно каталог памятников мог бы поставить перед собой исследовательские задачи, от которых совершенно обоснованно отказываются составители каталога рукописей:[6] установление источников переводов, выяснение характера взаимоотношений переводов с оригиналами, анализ существующих редакций памятника, сведения о других списках того же текста и т. д.[7] Такой каталог должен явиться надежным справочным пособием для археографической работы — для атрибуции и идентификации древнерусских письменных текстов. Иными словами, оба

---

[5] *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). Общее повременное обозрение. СПб., 1863. (2-е изд.: СПб., 1882).

[6] См.: Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. С. 38.

[7] Аналогичную задачу поставил перед собой бельгийский славист Ф. Томсон, который заявил о своем намерении составить «ключ» к славянским переводным памятникам XI—XIV вв. (см.: *Thomson F. J.* A guide to Slavonic translations from greek down to the end of the fourteenth century // Славянска палеография и дипломатика. Доклади и съобщения от семинара по славянска палеография и дипломатика. София, септември 1979. С. 37). Однако краткое изложение задач и принципов его работы не позволяет пока представить, как будет реально воплощаться его замысел.

каталога — рукописей и памятников — могли бы создаваться параллельно, взаимно дополняя друг друга.

На первый взгляд может показаться, что поставленная задача, при всей ее безусловной важности, нереальна — проделать подобную работу это значит исчерпывающим образом описать все памятники древнерусской книжности. Подобную цель ставил перед собой в свое время академик Н. К. Никольский, создавая свою знаменитую картотеку[8] или осуществляя два варианта словаря древнерусских писателей и книжников.[9] Замыслы Н. К. Никольского таили опасность уже в самой своей идее: предназначенный для обработки материал оказался непомерно велик — ведь древнерусское письменное наследие насчитывает сотни тысяч рукописей, из которых значительный процент еще не описан. Неудивительно, что многие направления работы в картотеке Никольского лишь намечены. Так, например, конверты на имена русских авторов после XI в. содержат лишь вырезки из «Обзора русской духовной литературы» Филарета (СПб., 1884), а сведения о списках произведений этих писателей отсутствуют.

В другой своей работе Н. К. Никольский избрал иной, хронологический принцип. В его «Материалы для повременного списка...» вошли данные о русских писателях только X—XI вв. Но здесь ученый столкнулся с другой трудностью: он собрал имена предполагаемых авторов, тщательно собрал сведения о списках атрибутируемых им произведений (вплоть до XVIII в.), но в большинстве случаев эти атрибуции оказались сомнительными,[10] и в

---

[8] См.: *Покровская В. Ф.* Картотека академика Н. К. Никольского // Тр. БАН СССР. М.; Л., 1948. Т. I. С. 142—150; *Адрианова-Перетц В. П.* Картотека Н. К. Никольского // ВЯ. 1961. № 1. С. 121—125.

[9] *Никольский Н. К.* 1) Материалы для повременного списка русских писателей X—XI вв. СПб., 1906; 2) Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI— XVII вв.) Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. СПб., 1914. Вып. 1 (А—Б).

[10] В работе «Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности» (СПб., 1902. С. 29) Н. К. Никольский писал: «Одинаково малонадеж-

результате интересный по замыслу труд оказался сводом данных о группе памятников, объединенных на крайне зыбких основаниях: либо по тому, что те или иные произведения кем-то приписывались одному (гипотетическому чаще всего) автору, либо по тому, что эти памятники посвящены одному лицу. Так, в статье о Ефреме приводятся сведения не только о приписываемых ему сказаниях о чудесах Николая Мирликийского, но и о других памятниках, посвященных этому святому, включая, например, Метафрастовское «Житие», переведенное не ранее XV в.

Опыт Н. К. Никольского, ученого, наиболее серьезно ставившего вопрос о необходимости полного описания репертуара древнерусской книжности, несомненно, должен быть учтен при поиске иных принципов такого описания.

* * *

Во избежание размытости критериев в основу Каталога памятников я предлагаю положить хронологический принцип отбора, сделав каталог, как уже было сказано, синхронным Описанию славяно-русских рукописей (с тем отличием, разумеется, что в нем будут учтены только русские рукописи или старославянские рукописи русского извода), — в него могут войти лишь памятники, сохранившиеся в списках XI—XIII вв. (не позднее чем рубеж XIII—XIV вв. по Предварительному списку). Это ограничение может показаться формальным и неправомерным: разве мы не включим в число памятников Киевской Руси Поучение Владимира Мономаха, Повесть временных лет, «Хожение» игумена Даниила и т. д.? О том, как отразить памятники, сохранившиеся лишь в поздних списках, речь пойдет ниже. Но дело не в этом: задуманный каталог

ны существующие сведения о сочинениях Феодосия Печерского, митр. Георгия, черноризца Иакова, митр. Ефрема, Григория, творца канонов, и других писателей XI века. Сведения эти получены при помощи случайных списков и расшатываются после критической проверки».

должен быть предельно объективным, важно исключать всякую гипотетичность.

Разумеется, если бы каталог сообщал при этом обо всех списках этих памятников, независимо от времени их создания, он представил бы большую ценность. Однако, став на этот путь, мы столкнемся с той же трудностью, с которой встретился Н. К. Никольский, — обилием рукописного материала, при этом в значительной степени скрытого в рукописях не описанных еще собраний и коллекций. Каков же выход из этого положения?

Представляется целесообразным следующий компромиссный путь. Для внесенных в каталог памятников указывать все списки до конца XV в. включительно. Именно в этих пределах мы можем добиться полноты сведений, поскольку рукописи XIV в. отражены в Предварительном списке, и, надо полагать, скоро станут доступны сведения о рукописях XV в.

Количество сохранившихся рукописных книг существенно возрастает от века к веку. Если каталог памятников XI—XIII вв. может составить в течение нескольких лет один человек, то каталог памятников, старшие списки которых относятся к XIV в., потребует уже несравнимо большего времени. Над каталогом XV в., видимо, целесообразно будет работать небольшому коллективу, а XVI в. даст такое количество материала, что его описание потребует, вероятно, каких-то иных форм. Именно поэтому в работе такого рода нужно наметить несколько этапов, чтобы каждый из них был завершен в возможно короткий срок. Дело в том, что каждый предшествующий каталог окажется неоценимым подспорьем для составления следующего, не говоря уже о том, какую несомненную пользу он может оказать в текущей археографической работе.

Структура каталога памятников представляется в следующем виде. Статьи располагаются в алфавите названий, принятых Археографической комиссией.[11] Для каж-

[11] См.: *Жуковская Л. П., Тихомиров Н. Б., Шеламанова Н. Б.* Рекомендуемые наименования памятников письменности и рукописей для

дого памятника сообщаются сведения о всех его списках до конца XV в. Затем следует историко-литературный и текстологический раздел статьи, в котором выясняется место древнейшего списка среди других рукописей, наличие вариантов (редакций) текста в отобранных временных пределах, сообщаются сведения о соотношении перевода (если памятник переводной) и оригинала и т. д. Разумеется, такие статьи не могут претендовать на роль исчерпывающих историко-литературных исследований, главным образом потому, что наблюдения проводятся на ограниченном материале. Задачи каталога прежде всего археографические.

Третий раздел статьи — библиографический, в котором приводится основная литература о данном списке или памятнике.

Важной частью каталога должен стать сводный указатель инципитов всех памятников, отраженных в нем. Такой указатель, во-первых, поможет ориентироваться в самом каталоге, так как в ряде случаев отыскать интересующий памятник будет удобнее именно по его начальным словам. Во-вторых, начальные слова не предусматривается приводить в Сводном каталоге, и Каталог памятников восполнит этот недостаток. Более того, он окажется эффективнее, чем указатели начал в описаниях рукописей, если бы такие указатели в них были. В описании инципиты должны приводиться по крайней мере дважды: в раскрытии содержания и в указателе. Если же памятник встречается в нескольких списках, то соответственно возрастает и количество приводимых инципитов, а следовательно, и объем описания. Кроме того, указатель инципитов не может быть механической сводкой начальных слов всех без исключения статей: наличие в рукописях

славянского выпуска «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976 Вып. 2, ч. 1. С. 1—32.

фрагментов, выступающих как самостоятельные памятники, текстов, начинающихся из-за дефекта рукописи не с традиционного начала, и т. д. заставляет в каждом случае вдумчиво решать, какие начальные слова следует включать в указатель, а какие окажутся в нем лишь балластом, поскольку отразят индивидуальные для данной рукописи чтения. Решать все эти вопросы удобнее именно в каталоге памятников.

Разумеется, описанная структура каталога — пока лишь рабочий проект, который будет уточняться и совершенствоваться в процессе его составления.

* * *

Какие же памятники войдут в каталог? К периоду до рубежа XIII—XIV вв. в Предварительном списке отнесены следующие рукописи: Апокалипсис, списки Апостола (апракос, тетр и толковый), Богословие Иоанна Дамаскина, Главизны Максима Исповедника, Главы Нила, Главы Феодора Эдесского, Евангелия (апракос, тетр, толковое и учительное), Жития Евфросинии, Кондрата, Феклы, Златоструй, Ирмологий, сборники канонов, кондакарь, кормчие книги, Лествица Иоанна Лествичника, Летопись новгородская, минеи праздничные (трефологии) и служебные, молитвы, Пандекты Антиоха Черноризца, Пандекты Никона Черногорца, Параклитик, Паремейник, Патерик Синайский, Песнь песней с толкованиями, Поучения огласительные Кирилла Иерусалимского, Пролог, Псалтирь, сборники, слова Ефрема Сирина и Григория Богослова, Слово Ипполита об антихристе, отрывок из Слова о законе и благодати, Служебник, Стихирарь, Хроника Георгия Амартола, Часослов, Шестоднев.[12]

---

[12] При назывании памятников были учтены уточнения и поправки Л. П. Жуковской, указанные в ее статье «Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР» (Советское славяноведение. 1969. № 1. С. 57—71).

Здесь перечислены памятники, отраженные в Предварительном списке, так как они представляют собой отдельные рукописные кодексы или сохранились в отрывках. Но для каталога, естественно, будут расписаны постатейно все сборники, а также некоторые памятники сложного состава (кормчие книги, служебники, праздничные минеи и др.). Эта расписка даст большой прирост особенно ценного для нас материала. Наглядны следующие цифры: в каталоге учтено 322 рукописи (единицы хранения), из которых значительную часть составляют списки памятников одного жанра (например, 60 списков евангелия-апракос, считая фрагменты, 10 служебников и т. д.), тогда как только расписка Златоструя (ГПБ, F.п.I, 46) увеличит картотеку на 80 названий, расписка входящего в состав той же рукописи торжественника — более чем на 30, расписка сборника ГПБ, F.п.I, 39 еще на 14 памятников, и т. д. Значительно обогащается при этом и жанровое разнообразие. Так, в четырех сборниках (Успенском сборнике, Златоструе, сборнике ГПБ № 39 и сборнике ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 12) содержится большое число слов Кирилла Туровского, Климента Охридского, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Евсевия Александрийского, Анастасия Синаита, ряд житий (Феодосия Печерского, Бориса и Глеба, Афанасия Александрийского, Мефодия Моравского, Пахомия, Алексия Человека Божьего), мучений (Ирины, Христофора, Эразма и др.), Чудеса Николая Мирликийского и Василия Великого, апокрифические тексты (Сказание Афродитиана, Хождение Богородицы по мукам, Паралипомен Иеремии), Стословец Геннадия, Пандекты Антиоха Черноризца, Поучения огласительные Кирилла Иерусалимского и другие памятники.

Расписка сборников для каталога сопряжена с известными трудностями. Как, например, поступать со статьями, которые не соответствуют полному тексту памятника, а являются лишь выписками из него? В Изборнике 1076 г. читается статья, озаглавленная «Нѣкоего старця о постѣ». Установлено, что это — фрагмент из Жития Синклити-

кии.[13] Такую статью можно рассматривать и как фрагмент (в статье каталога — «Житие Синклитикии»), так как возможно, что извлечение из жития было сделано самим составителем Изборника, и как самостоятельный памятник, если окажется, что такое извлечение было сделано еще на греческой почве и на Русь пришло как самостоятельное произведение. Примеры такого рода известны. Так, фрагменты из Жития Нифонта Констанцского распространялись как отдельные статьи: «Видение святаго отца Нифонта о ядении, како хранят ангели ядущих брашно на трапезе без похуления и без срамных глагол» (эта же статья могла иметь и другие названия: «Слово святаго Нифонта, како подобает с тихостью и молчанием обедати всякому христианину» и «Слово о ядении, како ядущих брашно хранят ангели...»), «Слово святаго отца Нифонта, како в последнем издыхании покаянием и слезами и милостынею угодити богу», «Слово святаго Нифонта о богатом и скупом» и т. д. Эти примеры показательны еще в том отношении, что свидетельствуют о ненадежности заглавий: все три варианта сказания «о ядении» текстуально сходны, а заголовки их существенно отличаются. Это еще один довод в пользу указателя инципитов, который непременно должен сопровождать каталог и служить надежным ориентиром для отыскания памятников.

* * *

Несмотря на то что работа над каталогом памятников сейчас только начата, уже сделаны интересные наблюдения.

Так, оказалось, что несколько десятков учительных и торжественных слов — жанра, наименее исследованного и представляющего наибольшие трудности для описания, — зафиксировано в трех-четырех и большем числе

[13] См.: Изборник 1076 г. / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965. С. 806.

сборников XII—XV вв.[14] Это значит, что имеется материал для предварительных наблюдений над историей их текста, а быть может, и для исследования связей определенных рукописных кодексов. В старший период развития русской литературы количество сборников, вероятно, не было очень большим, их связи друг с другом еще ощущались. Поэтому, несмотря на утрату многочисленных звеньев, может явиться повод для реконструкции картины взаимоотношений дошедших рукописей, а это в свою очередь станет материалом для суждений о древнерусских скрипториях, миграции рукописных книг и т. д.[15]

Сравнение списков, находящихся в разных хранилищах, даст возможность составить более объективное представление об обращавшемся в то время тексте. Так, например, список Поучений огласительных Кирилла Иерусалимского XII—XIII вв. (ГИМ, Синод, собр., № 478) имеет ряд дефектов, которые могут быть откорректированы с помощью списка Поучений, входящего в состав сборника ГПБ, F.п.I, 39, в котором как раз сохранилась начальная часть памятника. Упомянутый сборник представляет большую ценность и в другом отношении. Он известен давно: постатейно состав его раскрыт в описании П. М. Строева и К. Ф. Калайдовича.[16] В сборник входят

[14] Об этом можно судить уже по работе Е. Э. Гранстрем «Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XV вв.)» (ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 345—375).

[15] В этом же направлении идут многие разыскания последних лет. См., например, работы Н. Н. Розова «Искусство книги Древней Руси и библиогеография (по новгородско-псковским материалам)» (в кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972); «Книга Древней Руси» (М., 1977) и др.

[16] Обстоятельное описание славяно-российских рукописей... графа Федора Андреевича Толстова. Издали К. Калайдович и П. Строев. М., 1825. С. 4—5. Этот сборник находился в числе семи пергаменных рукописей, исследованных П. А. Лавровским, однако ученый не раскрыл его содержание, сославшись на упомянутое описание Калайдовича и Строева, и ограничился публикацией входящего в состав сборника апокрифического «Сказания Афродитиана» (см.: *Лавровский П. А.* Описание семи рукописей имп. Публичной библиотеки // ЧОИДР. 1858. Кн. 4. С. 42—46).

слова, несомненно принадлежащие Кириллу Туровскому, — это старшая из известных рукописей, содержащих его произведения. Но К. Ф. Калайдович и П. М. Строев атрибутировали Кириллу также и следующие памятники: «Поучение в неделю 5-ю по пасце», «Поучение на Пентикостии», «Слово о премудрости, притча». К. Ф. Калайдович, а затем и М. И. Сухомлинов опубликовали эти произведения как принадлежащие Кириллу.[17] И. П. Еремин, напротив, не включает эти слова в тот круг произведений Кирилла, «который уже может быть ему приписан с полной уверенностью».[18] Вообще проблема атрибуции многочисленных слов и поучений, надписанных именем Кирилла, давно уже поставлена в науке,[19] и ее разрешению, вероятно, сможет помочь анализ всех без исключения сборников XIII—XV вв., с тем чтобы выявить все такие слова, проанализировать характер отношений, в которые они вступают друг с другом, проследить эволюцию их надписаний и т. д. Возможности новых открытий в этой области велики, о чем говорят хотя бы наблюдения Т. А. Алексеевой над сборниками, содержащими слова Кирилла Туровского. Среди обнаруженных ею и неизвестных И. П. Еремину сборников с произведениями Кирилла есть и рукописи XV в.[20]

Составление каталога памятников будет делом нелегким, и прежде всего потому, что многие жанры древнерусской литературы изучены еще недостаточно. Если мы вправе гордиться фундаментальными исследованиями древ-

---

[17] Памятники российской словесности XII в., изданные ... К. Калайдовичем. М., 1821. С. 53—55, 86—91; Рукописи графа А. С. Уварова. СПб., 1858. Т. 2. С. 65—69, 74—78.

[18] *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. XI. С. 366.

[19] См., например: *Петухов Е.* К вопросу о Кириллах-авторах в древней русской литературе // СОРЯС. СПб., 1887. Т. 42. № 3.

[20] *Алексеева Т. А.* Сборники постоянного и варьирующегося состава со словами Кирилла Туровского // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 236—256.

нейших списков евангелия,[21] если учеными прошлого века много сделано для анализа древнейших списков библейских книг (паримейного текста книги Бытия, книги пророка Даниила, Апостола и т. д.), если ведется изучение триодей,[22] торжественников,[23] прологов,[24] тщательно исследованы кормчие книги,[25] то к планомерному изучению памятников торжественного и учительного красноречия, несмотря на ценные работы И. П. Еремина,[26] Е. Э. Гранстрем,[27] мы едва приступили, если иметь в виду объем репертуара этих жанров. Другие жанры фактически не изучены совсем. Поэтому составление каталога поможет сделать первые шаги на пути изучения малоисследованных и неисследованных вообще жанров.

Как ни сложна выдвигаемая здесь задача, как ни трудоемко ее решение, но думается, что без этого невозможно успешно продолжать изучение древнерусской книжности. Не создав необходимой базы в виде каталогов рукописей и каталогов памятников, мы обречем себя на вечные кустарные поиски, на догадки и временные рабочие гипотезы

---

[21] См.: *Жуковская Л. П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976; а также многочисленные статьи того же автора о типологии древних рукописей.

[22] См.: *Момина М. А.* Вопросы классификации славянской триоди // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 25—38.

[23] См.: *Черторицкая Т. В.* О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 96—114.

[24] *Фет Е. А.* Новые факты к истории древнерусского пролога // Там же. С. 56—70.

[25] *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.

[26] *Еремин И. П.* 1) Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 159—184; 2) Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ, 1955. Т. 11; 1956. Т. 12; 1957. Т. 13 и 1958. Т. 15.

[27] *Гранстрем Е. Э.* 1) Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XIV вв.) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 186—193; 2) Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XV вв.) // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 345—375.

вместо планомерного исследования истории древнерусской книжной культуры.

* * *

Выше уже говорилось, что помимо целей археографических каталог памятников призван помочь и решению задач историко-литературных. Он несомненно расширит наши представления о репертуаре древнерусской книжности XI—XIII вв. Но нам, разумеется, будет крайне недоставать тех многих памятников, которые в силу сложных и трагических обстоятельств развития древнерусской культуры — войн, пожаров, стихийных бедствий, человеческого невежества и некомпетентности — сохранились лишь в поздних списках.

Мы отдаем себе отчет в том, что до нас дошла ничтожно малая часть древнерусских книг домонгольской поры.[28]

Поэтому, пытаясь реконструировать репертуар книжности Киевской Руси XI—XIII вв., целесообразно помимо каталога памятников, сохранившихся в списках этого времени, составить и каталог памятников, дошедших до нас лишь в более поздних списках, начиная с XIV в.

Такой каталог окажется крайне важным в методическом отношении, поскольку в процессе его составления мы сможем еще раз критически, на уровне требований современной науки, проверить свои традиционные представления о времени создания (или перевода) тех или иных памятников. Такой каталог должен быть отдельным, независимым от рассмотренного выше, и строиться по несколько иным принципам. Сейчас я хотел бы обра-

[28] Мне не представляются убедительными расчеты Б. В. Сапунова, полученные путем перемножения предполагаемого числа богослужебных книг, составлявших будто бы обязательную принадлежность каждой церкви, на гипотетическое же число существовавших в XI—XIII вв. церквей, но приведенные им же факты массовой гибели древних рукописей вплоть до XIX в. очень впечатляющи (см.: *Сапунов Б. В.* Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978. Гл. 2).

тить внимание на те критерии, на основании которых памятники, сохранившиеся в поздних списках, могли бы войти в этот второй каталог.

Первый критерий — это указание самого памятника на время его создания или переписки. Так, время составления Повести временных лет помимо ряда историко-литературных соображений надежно определяется имеющимся в ее тексте расчетом лет, указывающим на 1118 год как на время создания одной из ее редакций (по мнению большинства ученых — третьей) и текстом приписки Сильвестра, указывающей на переписку им текста Повести (второй ее редакции) в 1116 г. Чрезвычайно важно для науки датировать не дошедший до нас хронографический свод — архетип Архивского и Виленского хронографов, ибо этот свод позволит датировать ряд входящих в него памятников. В обоих названных хронографах сохранился расчет лет «от Авимелеха» «до сего лета», который с небольшой долей условности позволяет датировать свод 1262 г. или по крайней мере серединой XIII в.[29] Однако сложности могут возникнуть и при наличии в рукописи даты или расчета лет: известно, например, что дату составления Изборника первоначально прочли как 1043 (а не 1076),[30] многолетние споры идут по поводу возможного истолкования расчета лет в Русском хронографе и в летописном своде середины XV в.[31]

Второй критерий — это свидетельства о времени создания памятника, имеющиеся в самом его тексте. Так, «Хождение» Даниила игумена может быть датировано началом XII в. на основании упоминания о приеме Даниила иерусалимским королем Балдуином и о великом князе

---

[29] См.: *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. М., 1893. С. 124—126.

[30] См.: Изборник 1076 г. / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965. С. 8—9.

[31] См.: *Клосс Б. М.* О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 253—254; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 108—110.

киевском Святополке Изяславиче, умершем в 1113 г. Время написания Мономахом своего Поучения может быть определено по событиям, в нем упоминаемым.[32] Следует, однако, подчеркнуть, что данный критерий применим лишь в тех случаях, когда повествователь одновременно выступает как непосредственный очевидец или участник событий.

Третий критерий — текстологический. Если датированный памятник содержит цитаты или — лучше — фрагменты из другого памятника, время бытования которого на Руси нам неизвестно, то мы можем в большинстве случаев с достаточной уверенностью утверждать, что источник существовал ранее, чем был составлен памятник, его использовавший.[33] Так, анализ источников Повести временных лет позволяет судить о том, что ее составителю были известны переводы Хроники Георгия Амартола, Жития Василия Нового, откровения Мефодия Патарского и ряда других памятников,[34] Житие Феодосия Печерского свидетельствует о том, что Нестору был известен текст Жития Саввы Освященного, из которого он сделал ряд текстуальных извлечений.[35]

Но в ряде случаев для обоснования «традиционной» даты потребуются дополнительные разыскания. Так, существует устойчивое мнение, что Повесть об Акире Премудром была известна на Руси уже в XI в.[36] Каковы же аргументы этой датировки?

Во-первых, это случаи употребления в других памятниках имени Акир или производных от него. Но, строго го-

[32] См.: Повесть временных лет. Т. 2. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. С. 426, 429—431.

[33] Следует при этом иметь в виду, что не всегда цитата может быть извлечена из самого источника, а не из текста, уже содержавшего эту цитату.

[34] См.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 9—150.

[35] См.: *Шахматов А. А.* Несколько слов о Несторовом житии Феодосия // ИОРЯС. 1896. Кн. 1. С. 49—65.

[36] *Григорьев А. Д.* Повесть об Акире Премудром. М., 1913. С. 522.

воря, мы можем встретиться здесь либо с описками, либо с образованиями от иных, созвучных имен.[37] Во-вторых, это существование сказания о чуде Николая Мирликийского, персонажами которого являются Синагрип и его «рядца» Акир. Совпадение этих имен с именами героев повести не может быть случайным, налицо несомненная связь между Чудом и Повестью об Акире. Однако старший список Чуда датируется XV в., и поэтому, чтобы определить время, когда повесть об Акире могла повлиять на создаваемое на Руси (что также требует доказательств) новое Чудо Николая Мирликийского, нужно обосновать время появления этого памятника. А. Д. Григорьев, имея в виду сюжет Чуда, где идет речь о морском пути в Константинополь, пишет: «Но так как со времени татарского нашествия южная торговля Руси с Константинополем прекратилась, то рассматриваемое нами Чудо <...> едва ли могло составиться на Руси по прекращению прямой морской торговли с Византией. Поэтому приходится предполагать, что это апокрифическое Чудо произошло еще в домонгольский период русской истории».[38] Такая аргументация едва ли достаточна. Гораздо надежней другой путь. Известно, что чудеса Николая Мирликийского имели широкое распространение в древнерусской литературе. Старшие списки отдельных чудес восходят уже к XII в. (в составе Торжественника, читающегося в рукописи ГПБ, F.п.I, 46). Следовательно, нужно тщательно изучить текстологию чудес, выявить все их списки, определить, в каком составе выступают в тех или иных списках названные чудеса, проанализировать гипотезу, идущую еще от архим. Леонида,[39] о русском происхождении некоторых чудес и т. д. Мы приходим, таким образом, снова к мысли о необходимости исчерпывающего анализа всего дошед-

---

[37] Примеры см. там же. С. 464, 465.

[38] *Григорьев А. Д.* Повесть об Акире Премудром. С. 471.

[39] См.: *Леонид, архим.* Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему. Исследование двух памятников древней русской письменности XI в. СПб., 1881.

шего до нас рукописного наследия Киевской Руси. В заключение заметим следующее. Обычно к проблеме датировки обращается исследователь отдельного памятника. Если же будет изучаться весь круг памятников, уверенно или предположительно относимых к древнейшим векам истории нашей литературы, то появится возможность обратить внимание на общие особенности их языка — лексики, фразеологии, стиля, на текстуальные связи, и, наконец, на взаимную соотнесенность их в составе рукописных кодексов. Этот последний аспект изучения совершенно неприемлем, когда речь идет о литературе XV и последующих веков, где количество сосуществующих памятников и дошедших до нас рукописей исчисляется сотнями и тысячами, но при исследовании книжной культуры XI—XIV вв. явно обнаруживаются связи отдельных сборников, содержащих сходные тексты, а порой и в сходных комбинациях.[40]

Обратимся теперь к четвертому критерию — языковому. Обычно его связывают с А. И. Соболевским, который уделял внимание морфолого-фонетическим особенностям рукописей; позже им был сформулирован «лексический принцип» — выделив группу слов восточнославянизмов, он посчитал наличие их в исследуемых текстах критерием для отнесения таковых к переводам, сделанным на Руси в период до монгольского нашествия.[41] Прежде чем локализовать перевод, следует установить его источник. Лишь в некоторых случаях решению этого вопроса помогает наличие в тексте грецизмов, семитизмов, синтаксических конструкций, выдающих иноязычный оригинал,

---

[40] См., например, наблюдения Т. В. Черторицкой над историей сложения сборников устойчивого состава (*Черторщкая Т. В.* О начальных этапах, формировании древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник (триодного типа) // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 96—114).

[41] Речь идет о докладе А. И. Соболевского «Особенности русских переводов домонгольского периода», прочитанном в 1893 г. (см.: *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л., 1980. С. 134—147).

и особенно языковых ошибок, которые могут быть объяснены именно переводным характером текста.[42] Однако к спорадическим употреблениям иноязычной лексики следует относиться с осторожностью. В. Ф. Дубровина показывает, например, что отдельные грецизмы широко применялись древнерусскими книжниками и не всегда могут служить достаточным основанием для признания текста переводным.[43] В то же время немало текстов (особенно слов и поучений, приписываемых в рукописях Иоанну Златоусту и другим византийским проповедникам) не удается с уверенностью отнести к числу переводных или, напротив, составленных русскими книжниками, так как в их лексическом составе не обнаруживается бесспорных следов иноязычных оригиналов. Вопрос осложняется еще тем, что в оригинальных памятниках мы находим порой пространные цитаты и целые фрагменты из памятников переводных, что заставляет сочетать лингвистический анализ с анализом текстологическим, выяснять источник контекста, в котором употреблено интересующее нас слово иноязычного происхождения.

Еще более сложно установить место перевода, определить, что перед нами — перевод, осуществленный на Руси, или же болгарский перевод, лишь переписанный русским книжником. Задачу разграничения русских и южнославянских переводов и поставил перед собой А. И. Соболевский в упомянутой выше работе. Однако на практике дело обстоит значительно сложнее, так как восточнославянизмы могли в равной степени свидетельствовать и о принадлежности перевода древнерусскому книжнику, и о русификации переписчиком болгарского оригинала. Поэтому лексические приметы, предложенные А. И. Соболевским, исследователи используют с большой

---

[42] См. об этом: *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Л., 1978. С. 25—31.

[43] *Дубровина В. Ф.* К изучению слов греческого происхождения в сочинениях древнерусских авторов // Памятники русского языка: Вопросы исследования и издания. М., 1974. С. 62—104.

осторожностью, опираясь не столько на отдельные слова, сколько на словообразовательные элементы (суффиксы, приставки), на употребление полногласной лексики и т. д. Так, Н. А. Мещерский на основании особенностей лексики и словообразования определяет, что перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия был осуществлен на Руси.[44] Г. И. Белозерцев, специально исследовавший употребление приставок *вы-* и *из-*, пришел к выводу, что «наличие в тексте основ с приставкой *-вы* может с достаточным основанием расцениваться как показатель неюжнославянского происхождения перевода текста», но предостерегает при этом, что и «отсутствие образований с *вы-*, наличие в тексте лексем с локальной приставкой *из-* не может само по себе служить свидетельством в пользу мнения о выполнении перевода на южнославянской почве».[45]

Еще сложнее на основе данных языка установить время возникновения (или перевода) памятника. Если при датировке оригинальных древнерусских произведений мы чаще всего можем использовать всю совокупность критериев, о которых шла речь выше, то для переводных памятников данные языка могут оказаться единственным основанием для определения времени перевода.

Хорошо известно, что при последующей переписке лексика памятника может изменяться.[46] Правда, существует определенная зависимость между характером текста, его жанром, и степенью свободы, с которой относятся к нему

---

[44] *Мещерский Н. А.* «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 90—96. См. аналогичные наблюдения В. М. Истрина над языком перевода Хроники Георгия Амартола (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1922. Т. 2. С. 268—300).

[45] *Белозерцев Г. И.* Префиксы вы- и из- как различительные признаки ранних славянских переводов // Памятники русского языка. С. 139—140.

[46] См., например, наблюдения над изменением лексики Повести временных лет в исследовании Ф. П. Филина (*Филин Ф. П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (до материалам летописей) // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1949. Т. 80. Гл. I).

переписчики, по в целом поновления в той или иной мере присутствуют в каждом позднем списке каждого памятника. Следовательно, существенным оказывается не наличие в поздних списках неологизмов (а именно на этом пытались строить свои сомнения в древности «Слова о полку Игореве» скептики), а напротив — наличие в них лексических, словообразовательных или семантических архаизмов. Так, архаичность грамматического строя «Слова о полку Игореве» сравнительно с «Задонщиной» позволила А. Н. Котляренко неоспоримо доказать бо́льшую древность первого,[47] а В. П. Адрианова-Перетц в своем языковом комментарии к «Слову» показала наличие большого числа соответствий в лексике, фразеологии, особенностях словообразования и т. д. между «Словом» и памятниками древнерусской литературы домонгольской поры.[48]

Наблюдения над лексикой как средство датировки памятников не опираются пока что на достаточную лексикологическую базу: исторический словарь русского языка пока еще не создан, а существующие словари («Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского и выходящий сейчас «Словарь русского языка XI—XVII веков») не всегда надежны — и потому, что представляют древнерусский лексический фонд далеко не во всем своем объеме, и потому, что среди их источников оказываются как древнерусские оригинальные памятники, так и памятники болгарские или переведенные в Болгарии и переписанные на Руси.

Таковы основные критерии, которые позволяют с той или иной степенью вероятности определять время возникновения или перевода памятников, дошедших до нас лишь в поздних списках.

---

[47] См.: *Котляренко А. Н.* Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1960. С. 129—196.

[48] *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968.

Может показаться странным, что обширную проблему изучения древнерусской книжности XI—XIII вв. мы сводим к утилитарному Каталогу памятников. Однако необходимо иметь в виду следующее. Отечественная филология много сделала для изучения древнерусской литературы Киевского периода. В трудах ученых прошлого века (А. С. Архангельского, В. Малинина, Е. Петухова, И. Порфирьева, В. Яковлева и др.), в работах В. М. Истрина, Н. К. Никольского, М. Н. Сперанского, А. А. Шахматова, в исследованиях современных советских лингвистов, источниковедов, историков, филологов рассеяно много ценных частных сведений о текстах, не удостаивавшихся монографических описаний. Каталог поможет собрать воедино всю эту массу информации, поставить ее в один ряд с исследованиями творений выдающихся писателей Киевской Руси или таких шедевров ее, как Повесть временных лет, Сказание о Борисе и Глебе и «Слово о полку Игореве». Иными словами, только обстоятельное изучение всей совокупности древнерусских письменных памятников XI—XIII вв. (на первых порах тех, которые сохранились в списках того же времени) позволит поставить изучение литературы этого периода на прочную фактическую основу, даст материал для более обстоятельной и глубокой характеристики этого важнейшего этапа в развитии культуры Древней Руси.

* * *

Статья была опубликована в 1983 г. в книге «Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История: Сб. статьей к IX Международному съезду славистов. (Л., 1983. С. 5—18). Выдвинутое в ней предложение создать Каталог памятников XI—XIII вв. осуществлено, см.: *Творогов О. В.* Древнерусская книжность XI—XIV веков: Каталог памятников // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 3—45; ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 386—430. Окончание каталога и Указатель начальных слов к нему будут опубликованы в 59 томе ТОДРЛ, находящемуся в печати.

РУКОПИСНЫЕ СОБРАНИЯ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ И ОПИСАНИЯ

Уже в начале прошлого столетия, когда в результате интенсивной деятельности любителей отечественной истории и инициатив государственных архивов стали складываться собрания древнерусских и древнеславянских рукописей, возникла и необходимость их описания. В первой половине века появляются описания, составленные К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым, А. Х. Востоковым.[1] Но особенно интенсивно описание рукописных собраний развернулось с 60-х гг. XIX в.

С небольшой статьи Н. В. Волкова берет начало и другое направление камеральной археографии — свод сведений о рукописях, хранящихся в различных библиотеках и архивах, построенный при этом по хронологическому принципу.[2]

Попытку обозреть обширную литературу вопроса предприняли создатели «Справочника-указателя печатных опи-

---

[1] *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Ф. А. Толстого. М., 1825; *Востоков А. Х.* Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842; *Строев П. М.* Библиотека имп. Московского общества истории и древностей российских. М., 1845.

[2] *Волков Н. В.* Статистические сведения о сохранившихся книгах XI—XIV вв. и их указатель. СПб., 1897 (ПДП. Т. 123). Ср. также: *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1863; 2-е изд. — СПб., 1882.

саний славяно-русских рукописей»,[3] в свою очередь опиравшиеся на предшествующие труды И. М. Смирнова, Д. Джапаридзе, Л. Махновца, А. И. Рогова.[4]

«Справочник-указатель», несмотря на ряд серьезных промахов составителей,[5] по сей день остается наиболее полным сводом сведений о печатных описаниях и обзорах рукописей, хранящихся как в нашей стране, так и за рубежом. Но со времени его выхода в свет прошло 37 лет, и это потребовало составления нового обзора печатных описаний, вышедших за эти десятилетия, тем более что они были весьма плодотворными для отечественных археографов. Наш обзор состоит из двух разделов. В первом рассмотрены работы, связанные с составлением «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг», а во втором — печатные описания собраний и коллекций, а также те отчеты археографических экспедиций, которые содержат сведения о приобретенных рукописях. Описания и каталоги старопечатных книг в статье не учитываются, как не рассматриваются и описания славянских рукописей зарубежных хранилищ.

1. «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг»

Идея создания «Сводного каталога» (далее — СК) имеет свою историю. Фактически для такого каталога составлял

[3] Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей / Сост. Н. Ф. Бельчиков, Ю. К. Бегунов, Н. П. Рождественский. М.; Л., 1963.

[4] Там же. С. 3—5.

[5] Так, описания сборников Погодинского собрания, составленные А. Ф. Бычковым (см. № 745 и 749 «Справочника»), ошибочно отнесены к Основному собранию РНБ; описание Софийского собрания той же библиотеки, составленное Д. И. Абрамовичем (№ 841), должно соотноситься с Софийским собранием (фонд № 728), а не с собранием ПДА (фонд № 573); знаменитое описание А. Х. Востокова (№ 1108) — это описание Румянцевского, а не Музейного собрания РГБ; пропущено описание Волоколамского собрания той же библиотеки и т. д.

свою знаменитую картотеку Н. К. Никольский.[6] Потом стали появляться работы, в которых идея Каталога постепенно обретала более конкретные черты. Это статьи Е. Э. Гранстрем, Н. Б. Шеламановой и особенно М. Н. Тихомирова, которому и принадлежит формулировка задач и принципов предстоящей работы.[7] Оставляя в стороне сам процесс обсуждения проблем Каталога, достаточно освещенный в печати,[8] ограничимся лишь указанием на наиболее важные труды и публикации.

В 1974 г. была создана инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для СК, опубликованная ротапринтом и (в сокращенном виде) в «Археографическом ежегоднике».[9] Еще ранее — в 1966 г. — был опубликован «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв.» (далее — ПС), содержащий сведения о 1494 рукописях или их фрагментах, находящихся в 38 хранилищах СССР.[10] Чтобы оценить значение ПС,

---

[6] См.: *Покровская В. Ф.* Картотека академика Н. К. Никольского // Труды Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 142—150; *Адрианова-Перетц В. П.* Картотека Н. К. Никольского // ВЯ. 1961. № 1. С. 121—125; *Рождественская М. В.* Академик Н. К. Никольский — организатор историко-библиографического Музея славяно-русской книжности (По архивным материалам) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 397—408.

[7] *Гранстрем Е. Э.* О подготовке сводного печатного каталога славянских рукописей // Славянская филология: Сб. статей. М., 1958. С. 397—418; *Тихомиров М. Н.* О Сводном каталоге уникальных рукописей // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 368—372; *Шеламанова Н. Б.* О подготовке Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: (Материалы Всесоюзной конференции). Л., 1981. С. 20—24 (далее — Проблемы научного описания).

[8] *Жуковская Л. П., Шеламанова Н. Б., Шмидт С. О.* О составлении «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР» // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1983. С. 270—282.

[9] АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 28—40.

[10] Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся

достаточно указать, что в наиболее полном систематическом обзоре Н. В. Волкова содержались сведения всего лишь о 670 рукописях. Кроме того, в ПС указывались современные шифры рукописей и соответственно их местонахождение, уточнена датировка, приводились краткие сведения о имеющихся печатных описаниях. Все это сделало ПС важнейшим этапом в регистрации и изучении нашего рукописного наследия. Ценным дополнением к ПС явились две статьи Л. П. Жуковской. В первой из них исследовательница указала на ряд допущенных в ПС ошибок и неточностей,[11] а вторая статья содержала столь необходимый в работе такого рода предметный указатель.[12] Недостатки, отмеченные рецензентом, были учтены Археографической комиссией, опубликовавшей список рекомендуемых наименований памятников письменности (вариативность или ошибочность наименований — один из недостатков ПС).[13] Предварительный список рукописей XV в. учел и другие отмеченные Жуковской недостатки ПС.

Параллельно с составлением СК Археографическая комиссия предприняла выпуск методических пособий, в которых рассматривались различные аспекты описания рукописей: определение языкового извода, особенности орфографии южнославянских рукописей, принципы и приемы описания иллюминированных рукописей и переплетов, датировка по филиграням и т. д. Кроме того, в по-

---

в СССР, до конца XIV в. включительно) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 177—272. Следует откорректировать эти подсчеты: дополнения к ПС были отмечены в печати (см. далее).

[11] *Жуковская Л. П.* Замечания о «Предварительном списке» и «Сводном каталоге» славянских древних рукописей // ВЯ. 1969. № 1. С. 98—107.

[12] *Жуковская Л. П.* Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР // Советское славяноведение. 1969. № 1. С. 57—71.

[13] *Жуковская Л. П., Тихомиров Н. Б., Шеламанова Н. Б.* Рекомендуемые наименования памятников письменности и рукописей для славянского выпуска «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» // Методические рекомендации... Вып. 2, ч. 1. С. 1—32. Выходные данные см. в следующем примечании.

собиях приводятся сведения об отдельных жанрах древнерусской книжности: библейских книгах, прологах, минеях, хронографах и летописях, апокрифах, сборниках устойчивого состава, патериках, шестодневах, гимнографических текстах и т. д.[14] Именно эта большая подготовительная работа, осуществленная виднейшими археографами-практиками и знатоками отдельных жанров и типов книг, явится, как можно полагать, надежной гарантией точности описаний и в самом СК.

В 1984 г. вышел в свет первый выпуск СК, содержащий описание 494 рукописей и фрагментов XI—XIII вв.[15] Это знаменательное событие в отечественной археографии, естественно, вызвало множество откликов.[16] Рецензенты отмечали, что СК позволяет одновременно судить и о несомненном богатстве и жанровом разнообразии древнерусской книжности XI—XIII вв., и о том, сколь ничтожно мало рукописей сохранилось от этого периода. Критические замечания рецензентов в основном имели характер рекомендаций или содержали частные поправки и уточнения. В настоящее время подготавливается к печати первая часть (из трех планируемых) второго выпуска СК, которая включит описание рукописей XIV в.

---

[14] Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1; Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1—2; Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3, ч. 1—2; Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Новосибирск, 1990. Вып. 5, ч. 1—2. Выпуск 4 в свет не вышел.

[15] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв. / Отв. ред. Л. П. Жуковская. М., 1984.

[16] *Амосов А. А.* // Сов. архивы. 1986. № 5. С. 78—81; *Копанев А. И.* // ВИ. 1986. № 12. С. 131—133; *Мещерский Н. А.* // ВЯ. 1986. № 6. С. 129—132; *Мыльников А. С.* // История СССР. 1987. № 1. С. 192—195; *Роте Х.* // Език и литература. София, 1985. № 4. С. 106—115; *Толстой Н. И.* Памятники рукописной книжности // Вестник АН СССР. 1987. № 2. С. 128—131; *Marty B.* // Russian Linguistics. 1986. № 10. P. 333—351.

В 1986 г. вышел в свет «Предварительный список» рукописей XV в. (далее — ПС XV в.).[17] Он учел рекомендации, высказанные в связи с публикацией ПС: были уточнены наименования памятников, устранена излишняя дробность рукописей по датировкам, а главное — книга сопровождена ценными указателями: рукописей, имеющих специальные названия, указателем произведений, рукописей и авторов, указателями распределения рукописей по языковым изводам, пергаменных и лицевых рукописей, нотированных рукописей. Указатель рукописей по хранилищам и фондам позволяет наглядно представить состав отдельных коллекций, фондов, провинциальных хранилищ. В частности, сейчас уже можно определенно судить о том, что самой богатой коллекцией рукописей XI—XV вв. обладает РНБ, за ней следуют РГБ, ГИМ, БАН, РГАДА, РГИА, ЯМЗ, ИРЛИ и Архив СПб. ФИРИ РАН. Более точные цифры приводить едва ли целесообразно: составители ПС XV в., проведя тщательную дополнительную проверку, внесли существенные поправки в данные ПС,[18] разного рода уточнения в датировке касаются десятков рукописей (так, из XIV в XIII в. перенесено 30 рукописей, а из XIII в XIV — 40, число рукописей XIV в. увеличилось на девять десятков за счет передатированных рукописей XV в. и т. д.).

Стоит отметить, что причиной столь многочисленных ошибочных датировок явилось прежде всего некритическое повторение данных, содержавшихся в печатных описаниях XIX в., тогда как рукописи, описанные в последние десятилетия, как правило, не потребовали передатировок. Это свидетельствует о несомненных успехах

[17] Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР) / Сост. А. А. Турилов; Сост. указателей Б. Н. Морозов, А. А. Турилов. М., 1986.

[18] Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986) / Сост. Н. А. Охотина, А. А. Турилов. М., 1993.

современной археографии, когда датировка производится исключительно по филиграням, а не по почерку, как это бывало в описаниях, составленных в XIX в. И в то же время, вероятно, прав автор вступительной статьи к «Дополнениям» А. А. Турилов, допускающий, что составление СК рукописей XV в. потребует новых уточнений, ибо слишком много факторов проявляет себя в конкретных рукописях: и случайная залежность бумаги, и традиционализм писца, и характерное, например, для молдаво-влахийских рукописей более продолжительное, чем на Руси, использование пергамена и т. д.

И тем не менее значение обоих ПС неоценимо: это ориентиры в море рукописной книжности, позволяющие планировать работу по составлению СК, выявляющие рукописи местных хранилищ, это, наконец, своеобразный обзор репертуара памятников, позволяющий составить более объективные характеристики литературного развития в разные эпохи.

Но необходимо не забывать, что жизнь внесла жестокие коррективы: немалое число рукописей в связи с распадом Советского Союза оказалось теперь в сопредельных государствах — на Украине, в Казахстане, Молдавии, Эстонии, Литве, и важно, чтобы не прервались теперь уже международные связи археографов.

2. Описания рукописных собраний

Работа по составлению СК не закрывает, а, напротив, предполагает развитие и другого традиционного направления археографии — описания рукописных фондов. Как мы помним, именно с описания отдельных собраний и началась отечественная камеральная археография, при этом началась еще в Древней Руси: до нас дошли описания монастырских библиотек начиная с XV в. Как описывать рукописи архива или библиотеки? По частям, т. е. по составляющим фонд собраниям и коллекциям, или же описывать собрание архива в целом, сгруппировав его по

тематическим группам? Дилемма не столь проста и очевидна, как может показаться на первый взгляд. Но мы видим зримые результаты обоих подходов и можем судить о продуктивности и целесообразности каждого из них.

Примером сводного каталога рукописей архива является «Описание рукописного Отдела БАН». Весь рукописный фонд был разделен на тематические разряды и в последовательности этих разрядов еще в начале века создавалось печатное описание всего фонда. Тематический принцип описания применим и к отдельным собраниям и коллекциям, и поэтому он может быть рассмотрен именно как принцип, противопоставленный описанию, в котором последовательность определяется инвентарным каталогом, т. е. фактически хронологией поступления рукописей в состав фонда.

Тематический принцип описания допустим лишь для «мертвых», прекративших свое пополнение собраний. Так, для БАН безнадежно устарели не только первые тома «Описания», вышедшие в начале века,[19] но и тома 3 и 4 «Описания», выходившие в 1951—1971 гг. Бурный рост собрания славянских рукописей БАН, увеличившегося благодаря находкам археографических экспедиций более чем на две тысячи рукописей только в последние десятилетия, оставил вне названных томов «Описания» десятки памятников письменности, хотя по преимуществу и в поздних списках.

Спорным является и тематический принцип описания отдельных собраний, и прежде всего потому, что предлагаемые тематические классификации субъективны и читателю приходится гадать, к какому разряду отнесена составителями интересующая его рукопись. Так, в Основном собрании РНБ рукописи разделены на 18 разрядов:

---

[19] *Срезневский В. И., Покровский Ф. И.* Описание рукописного отдела Библиотеки имп. Академии наук. I. Рукописи. Т. 1. 1. Книги Священного писания. 2. Книги богослужебные. СПб., 1910; Т. 2. 1. Творения отцов и учителей церкви. 2. Богословие догматическое и полемическое. 3. Богословие учительное. Пг., 1915.

1. Теология; 2. Юриспруденция; 3. Философия; 4. История; 5. Естественная история; 6. Медицина; 7. Физика; 8. Химия; 9. Математика; 10. Механика; 11. Свободные искусства; 12. Музыка; 13. Книжное дело; 14. Поэзия; 15. Красноречие, риторика; 16. Лингвистика; 17. Полиграфия; 18. История литературы.[20] Классификация, предложенная БАН, иная: 1. Книги Священного писания; 2. Творения отцов и учителей церкви; 3. Сочинения догматические и полемические; 4. Сочинения учительные; 5. Книги богослужебные; 6. Право церковное; 7. Материалы историко-юридические; 8. История церковная и гражданская и т. д. После вышедших двух первых томов «Описания» было решено изменить классификацию и в 3-й том включить рукописи исторические, в 4-й — литературные, в 5-й — материалы по языкознанию, в 6-й — юридические памятники, в 7-й — географию, в 8-й — естественные и точные науки, в 9-й — «все остальные рукописи, не вошедшие в предыдущие тома».[21] Но на практике и эта система была нарушена: 5-й том включил греческие рукописи, 6-й — рукописи латинского алфавита, 7-й — старообрядческие тексты. Как видим, единства в предлагаемых систематиках рукописей нет. Особенно спорным является подход к сборникам: им не находится места в систематической классификации, и они завершают описания в качестве последнего раздела, иногда составляя аморфный разряд «Смесь».

И хотя мы имеем несколько авторитетных описаний фондов, построенных по тематическому принципу (например, описания собраний А. С. Уварова и Синодального в ГИМ, Соловецкого и Софийского собраний в РНБ и др.),

---

[20] Искусственность классификации видна уже из того, что в окончательном виде каталога изменились названия разрядов («естественная история» сменилась «ботаникой», «физика» — «метеорологией», разряд «математика» включил и «военное дело»), к 8-му разряду не отнесена ни одна рукопись, а к 11-му (без названия) — всего одна.

[21] *Кукушкина М. В.* Итоги и перспективы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности в Библиотеке АН СССР // Проблемы научного описания. С. 26—27.

предпочтительней описания в порядке инвентарных номеров рукописей, но, естественно, снабженные подробными указателями. Помимо прочих достоинств, в описаниях этого типа нет досадного дуализма номеров (номера рукописи по описанию и номера шифра по инвентарному каталогу), с которыми непременно сталкивается читатель в описаниях, построенных по тематическому принципу.[22]

Но описания по фондам имеют и свои «подводные камни». Во-первых, не следует забывать, что печатные описания зачастую охватывают лишь часть собрания (таковы, например, описания Соловецкого и Софийского собрания РНБ и собрания ОЛДП той же библиотеки), и приходится обращаться к машинописным дополнениям. Во-вторых, значительные по объему и разнообразные по составу фонды заставляют задумываться о продуктивности их полного описания, которое потребует много времени и сил, если археографов интересует лишь один из компонентов коллекции. Так, для медиевиста представляет интерес лишь сотня с небольшим рукописей собрания Н. М. Михайловского,[23] тогда как все собрание насчитывает 1137 единиц хранения, и бульшая его часть — литературные и исторические памятники нового времени.

Поэтому не следует отметать и такой прием раскрытия фондов, как создание путеводителей и обзоров. Такие обзоры создали БАН, ГИМ, РГБ, Древлехранилище ИРЛИ и некоторые другие библиотеки. Наиболее совершенными трудами такого рода являются, на мой взгляд, путеводитель, составленный В. И. Малышевым (см. ниже, примеч. 97), и трехтомный обзор рукописных собраний РГБ (см. примеч. 26). Разумеется, обзоры ни в коей мере не могут заменить описаний и в них, естественно, неизбеж-

---

[22] Так, в вышедших томах описания Синодального собрания ГИМ (см. ниже примеч. 34) содержатся таблицы соотношений номеров рукописей по описанию и номеров по инвентарной описи.

[23] Именно эта часть собрания отражена в обзоре, опубликованном в «Отчете имп. Публичной библиотеки за 1908 г.» (СПб., 1915. С. 32—59).

ны пропуски даже ценных для исследователей рукописей либо по «вкусовым» пристрастиям составителя обзора, либо потому, что рукопись не опознана и ценность ее не раскрыта. О ненадежности обзоров и путеводителей специально писал Д. С. Лихачев.[24] Но нельзя забывать и о другом: печатные описания разной степени полноты и точности все еще охватывают незначительную часть рукописных фондов, а машинописные описания труднодоступны для иногородних читателей (особенно в наше время, когда ограничены возможности научных командировок и несопоставимо с недавним прошлым сокращено время работы рукописных отделов) и трудны для пользования, так как обычно не имеют предметных и именных указателей. Поэтому наряду с работой над СК, наряду с описаниями отдельных фондов, думается, не следует отказываться и от создания путеводителей и обзоров. В противном случае многие сотни рукописей, разыскиваемых исследователями, будут еще десятилетиями ждать встречи с ними. О перспективах камеральной археографии мы еще скажем в конце статьи, сейчас же обратимся к обзору печатных описаний и обзоров, вышедших после 1963 г.

МОСКВА
Российская государственная библиотека

В 1965—1972 гг. было опубликовано описание пергаменных рукописей РГБ, созданное одним из крупнейших археографов нашего времени Н. Б. Тихомировым.[25] О фундаментальности этого описания древнейших и ценнейших

[24] *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962. С. 104—105.

[25] *Тихомиров Н. Б.* Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Части 1—3 и Дополнения // Записки Отдела рукописей. М., 1962. Вып. 25. С. 143—183; М., 1965. Вып. 27. С. 93—148; М., 1968. Вып. 30. С. 87—156; М., 1972. Вып. 33. С. 213—220.

рукописей XI—XII вв. свидетельствует хотя бы то, что тщательное само по себе описание сопровождено еще обширными примечаниями, в которых акцентируется внимание на наиболее сложных и спорных палеографических и языковых особенностях рукописей и воссоздается история их изучения в отечественной и мировой науке.

К сожалению, не ясна окончательная судьба другого монументального предприятия РГБ — справочника-указателя «Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», три выпуска первого тома которого вышли из печати.[26] Идея создания справочника принадлежала авторитетному исследователю рукописной книги И. М. Кудрявцеву. Указатель должен был реализовать достоинства такого археографического жанра, как путеводитель по архиву, но избежать его недостатков, о чем уже шла речь. «В отличие от путеводителей и обзоров, где перечисляются лишь отдельные значительные рукописи, справочник должен полно отразить состав этих собраний. В нем будут помещены названия всех рукописных книг и (в едином с ними алфавитном ряду) названия отдельных статей сборников — произведений повествовательных, исторических, житий русских и славянских святых, апокрифов, слов, поучений и посланий русских и славянских авторов, богослужебных статей, связанных с именами русских и славянских святых», — так раскрывала замысел составителей одна из участниц работы Л. В. Тиганова.[27] Этот план в общих чертах повторен и в первом выпуске первого тома Указателя (с. 5). Остается надеяться, что грандиозный план археографов РГБ будет осуществлен. Такой указатель сократит время поисков

---

[26] Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Указатель. М., 1983. Т. 1, вып. 1; М., 1986. Вып. 2; М., 1996. Вып. 3.

[27] *Тиганова Л. В.* Подготовка каталога-справочника русско-славянских рукописей (Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина) // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 149.

нужных материалов, избавит исследователей от малопроизводительного труда — просмотра десятков машинописных описаний, лишенных указателей, в крайне ограниченное время, отводимое ныне на посещение рукописного отдела крупнейшей библиотеки России.

Вышедшие выпуски Указателя, естественно, еще в очень малой степени раскрывают содержание фондов — их задача состоит в другом: представить историю сложения и бытования фондов до и после поступления их в библиотеку, охарактеризовать каждый фонд, сообщить сведения о фондообразователе, представить полные библиографические сведения о печатных и машинописных описаниях фонда. С этими задачами составители Указателя (ответственным редактором всех трех выпусков был Ю. Д. Рыков) успешно справились, подарив отечественной науке ценное и строго документированное исследование по истории книжной культуры.

Что касается описания отдельных фондов, то здесь достижения скромнее, что объяснимо, впрочем, отвлечением сил на создание Указателя. Вышел в свет второй том описания Музейного собрания[28] и опубликованы описания нескольких небольших собраний. Это собрание рукописных книг Симферопольского (Крымского) педагогического института им. М. В. Фрунзе (см.: Записки Отдела рукописей (далее — Зап. ОР). М., 1965. Вып. 27. С. 191—204), собрание С. Л. Полякова (Там же. С. 206—212), собрание В. В. Егерева (Там же. С. 212—223; М., 1967. Вып. 29. С. 187—193; М., 1971. Вып. 32. С. 110—112; М., 1972. Вып. 33. С. 232—234), Ярославское собрание рукописных книг (Зап. ОР. М., 1979. Вып. 40. С. 181—195; М., 1980. Вып. 41. С. 96—106; М., 1981. Вып. 42. С. 188—193), собрание И. К. Андронова (Зап. ОР. М., 1979. Вып. 40. С. 170—181), собрание А. И. Маркушевича (Зап. ОР. М., 1982. Вып. 43. С. 53—74), собрание А. В. Кокорева (Там же. С. 74—84), собрание М. И. Чуванова (краткие сведения см.: Зап. ОР. М., 1983. Вып. 44. С. 114—115),

[28] Музейное собрание рукописей: Описание. М., 1998. Т. 2.

собрание рукописных книг и архивных материалов из библиотеки Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского (Зап. ОР. М., 1988. Вып. 47. С. 128—147[29]) и собрание А. Ф. Разумовской (Зап. ОР. М., 1987. Вып. 46. С. 55—60).

Кроме того, сведения о новоприобретенных рукописях помещались в Зап. ОР в 1963—1972 гг. в разделе «Новые поступления»,[30] а затем начиная с 1979 г. в разделах: «Рукописи, поступившие... в собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции»[31] и «Рукописи, присоединенные к ранее поступившим собраниям».[32] Кроме того, сведения о новых поступлениях приводятся в последнем выпуске Указателя «Рукописные собрания». Таким образом рукописный отдел РГБ представляет исчерпывающую и доведенную до самого последнего времени информацию о новых поступлениях.

Государственный исторический музей

Существенно улучшилось положение с раскрытием рукописных фондов второго по величине московского хранилища древних рукописей — Государственного исторического музея. В 1965—1966 гг. было опубликовано опи-

[29] Среди 44 рукописей список Хронографа редакции 1599 г., редко встречающейся в рукописной традиции.

[30] См.: Зап. ОР. Вып. 26 (С. 207—394); Вып. 27 (С. 193—253); Вып. 28 (С. 143—226); Вып. 29 (С. 158—213); Вып. 30 (С. 157—204); Вып. 31 (С. 178—179); Вып. 32 (С. 82—89); Вып. 33 (С. 222—252). При этом в одном ряду рассматривались рукописи древнерусские, рукописи нового времени и архивные материалы.

[31] См.: Зап. ОР. Вып. 40 (С. 129—142); Вып. 41 (С. 83—95); Вып. 42 (С. 167—173); Вып. 43 (С. 38—53); Вып. 44 (С. 91—112); Вып. 45 (С. 90—107); Вып. 46 (С. 33—50); Вып. 47 (С. 83—105); Вып. 48 (С. 156—168); Вып. 49 (С. 90—102); Вып. 50 (С. 125—142).

[32] См.: Зап. ОР. Вып. 40 (С. 142—143); Вып. 41 (С. 95—106); Вып. 42 (С. 183—193); Вып. 43 (С. 52—53); Вып. 44 (С. 112—114); Вып. 45 (С. 107—112); Вып. 46 (С. 50—60); Вып. 47 (С. 105—108); Вып. 48 (С. 168—170); Вып. 49 (С. 102—104); Вып. 50 (С. 142—149).

сание пергаменных рукописей ГИМ.[33] Было завершено описание ценнейшего Синодального собрания. Описание А. В. Горского и К. И. Невоструева охватывало лишь 576 рукописей из 1051. Т. Н. Протасьева, основываясь на рукописном описании, подготовленном еще А. Д. Седельниковым, описала остальные 475 рукописей.[34] К сожалению, содержание сборников раскрывается далеко не полно: из описания Седельникова выбирались «статьи исторического или литературного характера, а из многочисленной поучительной литературы — преимущественно памятники русского или славянского происхождения».[35] Описание в ряде случаев неточно, дефиниции не всегда позволяют верно идентифицировать памятник, в указателях имеются пропуски. Описание сопровождается таблицей, позволяющей соотнести номера описания с номерами рукописей в охранном каталоге.

По тем же принципам построено и описание небольшого, но ценного Чудовского собрания.[36] При достаточно подробном внешнем описании (филиграни, украшения, приписки и записи и т. д.) содержание сборников раскрывается кратко, порой приводятся лишь указания на жития русских и славянских святых и произведения русских и славянских авторов. В 1986 г. выходит в свет описание рукописей собрания Черткова, насчитывающего 480 единиц хранения,[37] а в 1991 г. — описание 432 руко-

[33] *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Описание пергаментных рукописей ГИМ. Ч. 1—2 // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 135—234; АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 273—309.

[34] *Левочкин И. В.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970. Ч. 1 (№ 577—819); М., 1973. Ч. 2 (№ 820—1051).

[35] Там же. Ч. 1. С. IV.

[36] Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск, 1980.

[37] Описание рукописей собрания Черткова / Сост. М. М. Черниловская, Э. В. Шульгина. Новосибирск, 1986.

писей (из 1014), входящих в Епархиальное собрание.[38] Публикуется составленное М. Н. Сперанским описание 24 рукописей собрания Московского Архангельского собора.[39]

Вышел первый выпуск «Каталога рукописей Музейского собрания», рискующий остаться незамеченным, поскольку входит в состав очередного тома Трудов ГИМ.[40] Это достаточно подробное, с раскрытием содержания сборников, описание 387 рукописей, среди которых преобладают рукописи XVIII—XIX вв.; есть два фрагмента рукописей конца XIII—XIV и XIV в., 8 рукописей XV в., 24 — XVI в. Среди рукописей, вошедших в опубликованную часть Каталога, один из томов Лицевого летописного свода, отдельные списки русских и переводных житий, разнообразные по составу сборники.

Представление о описании фондов рукописного отдела ГИМ дает статья И. В. Левочкина.[41] Из нее следует, что в отделе находится 25 собраний, общей численностью 19,5 тысяч единиц хранения. Из них пока еще не имеет полного описания огромное (3992 единицы хранения) Музейное собрание, не описаны собрания А. П. Бахрушина, Н. Г. Вострякова, Донского монастыря, М. И. Соколова,

---

[38] Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина, И. В. Поздеева // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С 152—475.

[39] Описание рукописей Московского Архангельского собора, составленное М. Н. Сперанским / Подгот. И. В. Левочкин // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 324—330.

[40] Каталог рукописей Музейского собрания Отдела рукописей ГИМ [Сост. Л. М. Костюхина, Э. В. Шульгина, М. М. Панкова, Ж. Н. Иванова, Е. И. Серебрякова, Ю. А. Грибов] // Вопросы источниковедения и палеографии. М., 1993. С. 6—131 (Труды ГИМ. Вып. 78). См. также: *Левочкин И. В.* Музейское собрание рукописей // Труды ГИМ. М., 1987. Вып. 65. С. 100—105.

[41] *Левочкин И. В.* Описания рукописей Государственного Исторического музея (XIX—начало XX в.) // Проблемы научного описания. С. 151—160.

М. И. Суворина и Певческое. Три собрания — А. И. Барятинского, И. Е. Забелина и значительное по объему (около 2000 единиц хранения) собрание Е. В. Барсова — имеют лишь рукописные описания.[42]

Российский государственный архив древних актов

РГАДА (ранее — ЦГАДА) является третьим по объему фондов (если иметь в виду нарративные материалы) собранием древнерусских рукописей в Москве. Для исследователей древнерусской литературы представляют интерес такие фонды, как собрание Московского главного архива иностранных дел, собрание Ф. Ф. Мазурина, собрание Рукописного отдела Московской Синодальной типографии, собрание М. А. Оболенского, собрание РГАЛИ, собрания Саровской пустыни, Государственного древлехранилища хартий и рукописей, Антониево-Сийского монастыря и собрание Рукописного отдела РГАДА. Кроме того, отдельные рукописи рассыпаны по другим фондам, и по мере их выявления они передаются в Рукописное собрание РГАДА.

В 1988 г. вышел каталог пергаменных рукописей РГАДА, содержащий описание 173 рукописей XI—XIV вв.[43] Каталог, составленный высококвалифицированным коллективом, отличает необычайная тщательность внешнего описания, приводятся исчерпывающие сведения о истории рукописи и полная библиография посвященных ей работ.

Кроме того, публиковались статьи и обзоры Л. Н. Пушкарева, содержащие описания рукописей из собрания

---

[42] Общая характеристика рукописных фондов ГИМ содержится в книге: Сокровища древней письменности и старой печати: Обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Государственного исторического музея / Ред. Т. В. Дианова. М., 1995.

[43] Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР / Сост. О. А. Князевская, Н. С. Коваль, О. Е. Кошелева, Л. В. Мошкова. М., 1988. Ч. 1—2.

РГАЛИ,[44] и информационная статья Б. Н. Морозова о «Рукописном собрании» РГАДА.[45] Упомянем также статью М. Б. Булгакова, в которой уточняется датировка нескольких рукописей,[46] информацию Е. В. Лукьяновой о новых поступлениях в архив.[47] Общий обзор памятников древнерусской письменности содержится в книге М. И. Автократовой и В. И. Буганова.[48] Вышли первые тома Путеводителя по РГАДА.[49]

Научная библиотека МГУ

Это сравнительно молодое, но интенсивно пополняемое собрание отличает прекрасно организованная работа по описанию рукописей и информации о новых поступлениях. «Базовым» явилось описание собрания по состоянию на 1964 г., когда в нем насчитывалось всего 110 единиц хранения.[50] Затем последовали описание новых поступлений за 1964—1978 гг.[51] и описание собрания по

[44] *Пушкарев Л. Н.* 1) Обзор коллекции рукописных книг ЦГАЛИ в ЦГАДА: Слова, проповеди и поучения // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 329—337; 2) Рукописные сборники нравственно-поучительного характера собрания ЦГАЛИ в ЦГАДА // Там же. Л., 1980. Т. 35. С. 397—416.

[45] *Морозов Б. Н.* Новоописанная коллекция «Рукописное собрание ЦГАДА» // Проблемы научного описания. С. 188—197.

[46] *Булгаков М. Б.* О датировке отдельных рукописей ЦГАДА // Советские архивы. 1972. № 4. С. 59—64.

[47] *Лукьянова Е. В.* Новые поступления ЦГАДА // Там же. 1989. № 5. С. 105—106.

[48] *Автократова М. И., Буганов В. И.* Сокровищница документов прошлого. М., 1986. С. 255—273.

[49] Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель. М., 1991. Т. 1; М., 1992. Т. 2.

[50] Славяно-русские рукописи XIII—XVII вв. Научной библиотеки им. А. М. Горького Московского государственного университета (Описание) / Сост. Э. И. Конюхова. М., 1964.

[51] Славяно-русские рукописи XV—XVI вв. Научной библиотеки Московского государственного университета (Поступления 1964—1978 годов) / Сост. Н. А. Кобяк и И. В. Поздеева. М., 1981.

состоянию на 1984 г.[52] В первой из названных книг описано 54 рукописи XV—XVII вв., во второй содержится описание 40 рукописей XIV—XVII вв., разделенное на три тематических раздела: «отдельно бытовавших памятников» (№ 1—14), сборников устойчивого и смешанного состава (№ 15—34), а также списков и фрагментов богослужебных рукописей XIV—XVI вв. (№ 35—40). Остались неописанными богослужебные книги в списках XVII в.

Собрание МГУ постоянно пополняется находками археографических экспедиций, о который археографы оперативно информируют в печати.[53] Ряд статей посвящен общим проблемам археографических экспедиций, их организации, принципам поисков, перспективам.[54] Данные о результатах археографических экспедиций МГУ сообщались также в «Археографическом ежегоднике» (по этим данным за 1986—1991 гг. было найдено более 250 рукописей), но, к сожалению, с 1992 г. информация становится предельно краткой и лишена количественных показателей.

Собрание МГУ представляет собой в настоящее время структуру из нескольких территориальных собраний и

---

[52] *Кобяк Н. А., Поздеева И. В.* Славяно-русские рукописи XIV—XVII вв. Научной библиотеки МГУ (Поступления 1964—1984 гг.). М., 1986.

[53] *Кобяк Н. А., Леренман М. М., Поздеева И. В., Смилянская Е. Б.* Задачи и результаты комплексных археографических экспедиций Московского университета (1966—1980) // Русские письменные и устные традиции и духовная культура: (По материалам археографических экспедиций МГУ 1966—1980 гг.). М., 1982. С. 11—39; *Агеева Е. А., Смилянская Е. Б.* Находки археографических экспедиций, пополнивших фонды МГУ // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 236—256.

[54] См.: *Поздеева И. В.* 1) Комплексные археографические экспедиции. Цели. Методика. Принципы организации // История СССР. 1978. № 2. С. 103—115; 2) 30 лет полевой археографии Московского университета (1966—1995) // АЕ за 1995 год. М., 1997. См. также: Научные публикации по итогам комплексных археографических исследований МГУ (1966—1995) // Мир старообрядчества. Личность. Книга. Традиции. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 127—137.

коллекций,[55] территориальные коллекции позволяют объективно изучать рукописную традицию отдельных регионов в тесной связи с конфессиональной принадлежностью носителей этой культуры — речь идет о различных старообрядческих согласиях, культурная и книжная специфика которых может стать предметом специального изучения. В этом отношении представляет несомненную ценность фундаментальный труд — каталог рукописей Верхокамья.[56] Он содержит обстоятельное описание 359 рукописей, собранных археографами МГУ в 1972—1992 гг. Среди них 2 рукописи XV в., конца XV—начала XVI в. также 2, XVI в. — 12, остальные более позднего времени. Книга снабжена отличными указателями, при этом сообщается не только номер рукописи, но и листы, на которых читается данная статья; есть указатель начальных слов, указатель конфессиональной принадлежности прежних хранителей рукописи. Из него, например, следует, что большинство книжников региона — это старообрядцы-поморцы деминского согласия и поморцы максимовского согласия. Эта констатация позволяет устанавливать связи с старообрядческой книжностью русского Севера, интенсивно собираемой и исследуемой археографами Петербурга, Сыктывкара и Вологды.

Другие библиотеки и архивы Москвы[57]

Опубликовано несколько статей о рукописях, хранящихся в других архивах Москвы: в Государственной публичной исторической библиотеке,[58] в рукописном отделе

---

[55] На 1989 г. числилось 16 коллекций и собраний. О их количественном составе см. в статье Е. А. Агеевой и Е. Б. Смилянской.

[56] *Агеева Е. А., Кобяк Н. А., Круглова Т. А., Смилянская Е. Б.* Рукописи Верхокамья: Каталог. Из собрания Научной библиотеки Московского университета им. М. В. Ломоносова. М., 1994.

[57] См. также справочник: Архивы России. Москва и Санкт-Петербург: Справочник-обозрение и библиографический указатель / Отв. сост. Л. В. Репуло; Гл. ред. В. П. Козлов и П. К. Гримстед. М., 1997.

[58] *Чернышева Н. Ф.* Рукописные книги в фондах Отдела редких книг ГПИБ // Сокровищница книги. М., 1988. Ч. 2. С. 138—142.

Института русского языка РАН,[59] в библиотеке Московского государственного историко-архивного института[60] и Центральном музее древнерусской культуры и искусства.[61] В статье сообщается, что в собрании Музея находится одна рукопись XV в. («О постничестве» Василия Великого), не учтенная в ПС XV в.,[62] 9 рукописей XVI в., 10 — XVII в. и 8 — рубежа XVII—XVIII вв.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Российская национальная библиотека

Как уже говорилось, по числу хранящихся славяно-русских рукописей XI—XV вв. РНБ занимает первое место в России: по данным ПС и ПС XV в., в ней хранится 441 рукопись XI—XIV вв. и 911 рукописей XV в.[63] Древнеславянские рукописи входят в состав более чем 40 собраний. По данным, любезно предоставленным мне В. М. Загребиным, в указанных фондах более 33 тысяч единиц хранения, но лишь 1336 из них — рукописи XI—XV вв. Если учитывать именно эти, древнейшие рукописи, то наиболее богатыми ими окажутся Основное, Погодинское, Кирилло-Белозерское, Софийское и Соловецкое собрания.

Прежде всего обратим внимание на важную работу археографов РНБ по описанию рукописей трех ценней-

---

[59] Лингвистические источники: Фонды Института русского языка. М., 1967. С. 249—251; *Сумкина А. И.* 1) Рукописный Отдел Института русского языка АН СССР // Русская речь. 1972. № 2. С. 120—123; 2) О новых поступлениях в Рукописный Отдел Института русского языка // Там же. 1973. № 5. С. 101—103.

[60] *Паскаль А. Д.* Славяно-русские рукописные книги библиотеки МГИАИ // Советские архивы. 1986. № 1. С. 31—33.

[61] *Гальченко М. Г.* О древнейшей рукописи из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 77—84.

[62] В «Дополнения» к «Предварительному списку...» рукопись также не вошла.

[63] Эти данные должны быть откорректированы по «Дополнениям» к «Предварительному списку...».

ших собраний, не вошедших в их печатные описания. Так, в Софийском собрании из 1585 единиц хранения Д. И. Абрамовичем была описана всего 261 рукопись.[64] В 1984 г. Н. Н. Розов подготовил машинописное описание собрания.[65] Д. Н. Альшиц и Н. Н. Розов описали все рукописные книги собрания ОЛДП (в подавляющем большинстве — древнерусские),[66] составлена также машинописная опись всего собрания (3343 единицы хранения),[67] тогда как в печатное описание Х. М. Лопарева[68] вошло 624 единицы хранения, в числе которых был и актовый материал — как отдельные грамоты, так и подборки их. Не было полным и фундаментальное описание Соловецкого собрания.[69] Туда не вошли сведения о 611 единицах хранения. В 1987 г. Н. Н. Розов и В. М. Загребин подготовили машинописное описание 209 рукописей.[70] Оставались неописанными 398 рукописей, из которых 206 — певческие. В 1985 г. Н. Н. Розов подготовил машинописное описание Кирилло-Белозерского собрания, насчитывающего 1413 единиц хранения.[71] Необходимо подчеркнуть, что по своей обстоятельности эти машинописные описания не уступают некоторым печатным.

Обратимся теперь к печатным описаниям РНБ. Д. Н. Альшиц опубликовал описание Эрмитажного собра-

---

[64] *Абрамович Д. И.* Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1905—1910. Вып. 1—3.

[65] Библиотека Новгородского Софийского собора. Л., 1984. Ч. 1—5 (машинопись).

[66] Собрание Общества любителей древней письменности. Опись № 1 (рукописная книга). Л., 1966 (машинопись).

[67] Собрание Общества любителей древней письменности (ОЛДП). Л., 1986. Ч. 1—2 (машинопись).

[68] *Лопарев Х. М.* Описание рукописей Общества любителей древней письменности. СПб., 1892—1899. Ч. 1—3.

[69] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881—1898. Ч. 1—3.

[70] Библиотека Соловецкого монастыря (Описание рукописей, не вошедших в печатное трехтомное описание). Л., 1987. Ч. 1—2 (машинопись).

[71] Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря. Опись. Л., 1985. Ч. 1—2 (машинопись).

ния,[72] составленное им по новым принципам: он предложил систематизировать не рукописи, среди которых могут быть сборники, содержащие разножанровые произведения, а именно произведения, ибо произведение, когда оно «составляет часть рукописи, является столь же самостоятельной единицей, как и тогда, когда оно заполняет собой рукопись целиком».[73] На мой взгляд, принцип, предлагаемый Д. Н. Альшицем, может оправдывать себя лишь в таком небольшом и однородном по составу собрании, каким является Эрмитажное, но совершенно не приложим к собраниям, в которых преобладают богослужебные, учительные или литературные произведения. Во всех случаях поискам нужных исследователю текстов способствуют хорошо составленные предметные и именные указатели.

В последние годы существенно продвинулась работа по описанию одного из ценнейших собраний РНБ — собрания М. П. Погодина. Это собрание насчитывает 2105 единиц хранения (при этом почти исключительно древнерусской традиции), среди которых около 200 рукописей XI—XV вв.

Путь к созданию полного описания Погодинского собрания был достаточно долог: в 1878—1882 гг. вышло подробное описание 91 сборника, привлекших внимание обилием в них ценнейших литературных памятников.[74] В середине нашего века много лет над составлением описания работала Т. Н. Копреева, но преобладание исследовательских интересов над археографическими не позволило ей завершить работу. Одновременно над описанием южнославянских рукописей собрания работала известная

[72] Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв.: Описание / Сост. Д. Н. Альшиц. М., 1968.

[73] Там же. С. 32—33.

[74] *Бычков А. Ф.* Описание церковнославянских и русских рукописей имп. Публичной библиотеки. Ч. 1. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1.

исследовательница древних славянских литератур Кл. Иванова. В 1981 г. вышло в свет тщательно сделанное ею описание болгарских, сербских и молдавских рукописей Погодинского собрания.[75] В книге приводятся также краткие справки о рукописях, в которых в той или иной степени отразился южнославянский материал.

Когда стало ясно, что работа Т. Н. Копреевой не будет завершена, а подготовленные ею части описания не соответствуют требованиям современной археографии, в 1975 г. было принято решение начать описание собрания заново под руководством Н. А. Дворецкой, В. М. Загребина и О. В. Творогова. Описание было решено публиковать отдельными выпусками. Первые два из них вышли в свет.[76] Описание (каталог) раскрывает рукописи в порядке их инвентарных номеров. Рукописи были систематизированы самим собирателем по тематическому признаку. Первые 75 номеров описания — пергаменные рукописи. Далее следуют бумажные рукописи, содержащие тексты Священного Писания, кормчие книги, номоканоны и т. д.

Составители описания стремились всемерно повысить его информативность, заботясь при этом о возможно более экономной подаче материала: самоназвания памятников, когда это возможно, заменяются научными названиями, начальные слова в первых двух выпусках приводились только в тех случаях, если текст лишен заголовка или если с одним заголовком встречается несколько памятников, однако, начиная с третьего выпуска, начальные слова будут приводиться ко всем нарративным текстам и гомилиям. Каждый выпуск сопровождается серией указателей, в числе которых, начиная с третьего выпуска, будет указатель начальных слов.

Регулярно выходящие обзоры новых поступлений информируют о пополнении рукописных фондов Отдела.

---

[75] *Иванова Климентина.* Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981.

[76] Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. Л., 1988. Вып. 1; СПб., 1992. Вып. 2.

После 1963 г. вышли следующие обзоры: Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Новые поступления в Отдел рукописей (1952—1966 гг.): Краткий отчет. М., 1968. С. 104, 108—114; Краткий отчет о новых поступлениях в Отдел рукописей за 1967—1968 гг. // Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в 1964—1968 гг. Л., 1969. С. 183, 190—194; Краткий отчет о новых поступлениях рукописей в библиотеку (1969—1973 гг.) / Сост. А. Н. Михалева. Л., 1974. С. 75, 85—88; Новые поступления в Отдел рукописей и редких книг ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (1974—1978): Каталог / Сост. А. Н. Галичанина (Михалева), Л. С. Георгиева. Л., 1980. С. 98—102, 124—128;[77] Новые поступления в Отдел рукописей и редких книг ГПБ (1979—1983): Каталог / Сост. Л. С. Георгиева. Л., 1985. С. 76—102; Новые поступления в Отдел рукописей и редких книг ГПБ (1984—1988): Каталог / Сост. Л. С. Георгиева, П. А. Медведев. Л., 1991. С. 48—116;[78] Новые поступления в Отдел рукописей РНБ (1989—1993): Каталог / Сост. Л. С. Георгиева, П. А. Медведев. СПб., 1998. С. 77—90. На с. 84—88 каталога — описание рукописей, вошедших в Псковское, а на с. 88—90 — в Новгородское собрание.

Чрезвычайно полезен справочник, составленный Н. А. Зубковой и содержащий ценную информацию об основных собраниях рукописей РНБ.[79]

Кроме того, в рассматриваемый период вышло несколько работ, раскрывающих состав рукописных собраний библиотеки. Так, в книге американского исследователя Д. Уо рассматривается судьба собрания Ф. А. Толстого,

[77] На с. 98—102 описание 49 рукописей XV—XX вв. собрания В. А. Крылова.

[78] На с. 48—72 описание 39 рукописей конца XVIII—XX вв. собрания Т. А. Епифанова, на с. 72—92 — 42 рукописей XIX—XX вв. Псковского собрания.

[79] Рукописные фонды Публичной библиотеки: Печатные каталоги, обзоры, историко-методические материалы / Сост. Н. А. Зубкова. Л., 1990.

бо́льшая часть которого входит в Основное собрание РНБ, а меньшая — в Основное собрание БАН.[80] Историю рукописного собрания М. М. Щербатова в составе Эрмитажного собрания РНБ раскрывает американская исследовательница Д. Афферика.[81] Опубликовано исключительное по своей археографической и источниковедческой тщательности описание знаменитых Ефросиновских сборников, из которых 5 находятся в Кирилло-Белозерском собрании РНБ.[82] Для характеристики Софийского собрания РНБ имеет существенное значение работа Е. М. Шварц о новгородских рукописях XV в.[83] С. О. Вялова опубликовала описание глаголических рукописей, хранящихся в коллекции И. Берчича.[84] Новоприобретенной коллекции В. А. Крылова посвящена статья Н. Н. Розова.[85]

Без сомнения, первоочередной задачей археографов-медиевистов РНБ остается завершение описания Погодин-

---

[80] Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого: Материалы к истории собрания и указатели старых и новых шифров / Сост. Д. К. Уо. Л., 1980.

[81] *Афферика Д.* К вопросу об определении русских рукописей М. М. Щербатова в Эрмитажном собрании Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 376—393.

[82] *Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // Там же. С. 3—300.

[83] Новгородские рукописи XV века: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / Сост. альбома филиграней и автор исследования Е. М. Шварц. М.; Л., 1989.

[84] *Вялова С. О.* Рукописные и печатные памятники боснийского письма в Отделе рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде // ВИД. Л., 1983. Вып. 15. С. 193—209. См. также: *Вялова С. О.* Неизвестные глаголические и кириллические памятники собрания Ивана Берчича в Отделе рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Советское славяноведение. 1980. № 2. С. 63—74.

[85] *Розов Н. Н.* Об одной современной частной коллекции рукописей, недавно приобретенной Государственной Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 277—280.

ского собрания. Кроме того, можно высказать пожелание о необходимости написать обзор собраний и коллекций, содержащих рукописи древнерусской традиции. В обзоре следовало бы привести сведения о количественном составе и основных жанрах письменных памятников (особенно в собраниях смешанного состава), что очень важно для информации о собраниях, не имеющих печатных описаний. Это тем более желательно, что крупнейшие собрания древних рукописей РГБ, ГИМ, БАН, Древлехранилище ИРЛИ и другие такие обзоры имеют.

Библиотека Российской Академии наук

Работа по описанию рукописей БАН после 1963 г. шла по нескольким направлениям.

Во-первых, вышло фундаментальное описание 195 пергаменных рукописей БАН.[86] Книга получила высокую оценку у рецензентов.[87]

Продолжали выходить очередные тома «Описания рукописного отдела», реализующие программу, сформулированную еще В. И. Срезневским и Ф. И. Покровским. Вышли два выпуска тома третьего, посвященного рукописям исторического содержания,[88] второй выпуск четвертого тома, посвященный литературным памятникам XVII—первой трети XIX в.,[89] тома с описаниями греческих руко-

[86] Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI веков / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976.

[87] См. рецензии Н. Б. Шеламановой (История СССР. 1978. № 1. С. 199—201), О. А. Князевской (АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 340—344) и др.

[88] Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 2. Исторические сборники XV—XVII вв. / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.; Л., 1965; Т. 3, вып. 3. Исторические сборники XVIII—XIX вв. / Сост. Н. Ю. Бубнов, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, О. П. Лихачева. Л., 1971.

[89] Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 4, вып. 2. Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения. XVII—первая треть XIX в. / Сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980.

писей и рукописей латинского алфавита.[90] Вне серии вышло описание латинских рукописей X—XV вв., составленное Л. И. Киселевой.[91] Вышел первый выпуск седьмого тома «Описания», содержащий сочинения писателей-старообрядцев XVII в.[92] и нарушивший (как, впрочем, и тома 5 и 6) жесткую схему тематически-жанровых томов серии. Также с нарушением этого принципа появился и том, посвященный Архангельскому собранию.[93] Том содержит описание 189 рукописей, выполненное на высоком научном уровне и сопровождающееся, в числе других указателей, столь редким в последнее время указателем начальных слов. К сожалению, кратко описаны рукописи XV в., в расчете на то, что они будут «подробно описаны во внесерийном издании (описании? — *О. Т.*) рукописных книг XV в.».[94] Но после действий руководства БАН, резко сокративших число квалифицированных сотрудников Отдела, трудно ожидать появления такого описания в ближайшее время.

В рассматриваемый период вышли также описания библиотеки Петра I и библиотеки Я. В. Брюса, в составе которых были и древнерусские рукописи.[95]

Ср. также книгу: Ранняя русская лирика: Репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV—XVII вв. Л., 1988. На с. 194—377 содержится описание рукописей БАН.

[90] Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 5. Греческие рукописи / Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1973; Т. 6. Рукописи латинского алфавита XVI—XVII вв. / Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1979.

[91] Латинские рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание рукописей латинского алфавита X—XV вв. / Сост. Л. И. Киселева. Л., 1978.

[92] Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 7, вып. 1. Сочинения писателей-старообрядцев XVII века / Сост. Н. Ю. Бубнов. Л., 1984.

[93] Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 8, вып. 1. Рукописи Архангельского собрания / Сост. А. А. Амосов, Л. Б. Белова, М. В. Кукушкина. Л., 1989.

[94] Там же. С. 3.

[95] Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. Н. Боброва. Л., 1978; Библиотека Я. В. Брюса: Каталог / Сост. Е. А. Савельева. Л., 1989.

Собрание БАН интенсивно пополняется, главным образом в результате археографических экспедиций. По подсчетам А. А. Амосова, с 1952 по 1989 г. Отдел организовал 59 экспедиций, которые привезли в БАН 2136 рукописей, в числе которых 86 рукописей XIV—XVI вв.[96] Информация об этих экспедициях и краткие обзоры поступивших рукописей регулярно публикуются. Приведем перечень этих публикаций, вышедших после 1963 г., в хронологическом порядке.

Бубнов Н. Ю., Копанев А. И. Отчет об археографической экспедиции Библиотеки АН СССР за 1965 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 199—205; *Бубнов Н. Ю., Копанев А. И.* Археографические экспедиции 1966 и 1967 гг. в Медвежегорский (Заонежье), Пудожский и Беломорский районы Карельской АССР и Архангельскую область // Сб. статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л., 1970. Т. 2. С. 327—338; *Кукушкина М. В., Лихачева О. П.* Археографические экспедиции в Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской области в 1966 и 1967 гг. // Там же. С. 309—326; *Бубнов Н. Ю., Копанев А. И.* Археографическая экспедиция Библиотеки АН СССР 1968 г. в Вологодскую и Архангельскую области // Сб. статей и материалов по книговедению. Л., 1973. Т. 3. С. 445—456; *Бубнов Н. Ю., Мартынов А. Ф.* Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР 1969 и 1970 г. в Кировскую область // Там же. С. 465—484; *Кукушкина М. В.* Археографическая экспедиция 1968 г. в Калининскую область // Там же. С. 457—464; *Амосов А. А., Бубнов Н. Ю.* Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР в Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской области (1975—1976 гг.) // Материалы и сооб-

[96] *Амосов А. А.* Экспедиционная работа Библиотеки АН СССР в послевоенный период // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской Академии наук. 1990. СПб., 1994. С. 323.

щения по фондам Отдела рукописной и редкой книги. Л., 1978. С. 262—298; *Кукушкина Е. Д., Мартынов И. Ф., Петрова Л. А.* Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР на Украину и юг России (1973—1975 гг.) // Там же. С. 298—316; *Амосов А. А., Бубнов Н. Ю., Петрова Л. А.* Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР 1977—1978 гг. в Кировскую, Вологодскую и Архангельскую области // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX веков. Л., 1979. С. 106—124; *Амосов А. А., Петрова Л. А.* Археографическая работа в Прибалтике в 1977—1984 гг. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги. 1985. Л., 1987. С. 267—277; *Бубнов Н. Ю., Власов А. Н., Петрова Л. А.* Археографическая экспедиция на Тарногу летом 1984 г. // Там же. С. 258—266; *Амосов А. А., Петрова Л. А.* Археографическая работа в Прибалтике в 1985—1988 гг. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской Академии наук. 1990. СПб., 1994. С. 339—356.

Археографы БАН опубликовали и обобщенные обзоры новых поступлений. Это статьи: *Амосов А. А., Бубнов Н. Ю.* Новые поступления в Отдел рукописей Библиотеки АН СССР в 1955—1976 гг. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги. Л., 1976. С. 317—334; *Амосов А. А., Бубнов Н. Ю.* Новые поступления в Отдел рукописей Библиотеки АН СССР в 1977—1985 гг. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги. 1985. Л., 1987. С. 277—283; *Амосов А. А.* Экспедиционная работа Библиотеки АН СССР в послевоенный период. С. 321—338.

В статьях сотрудников Отдела рукописей БАН поднимались и более общие проблемы истории книжности и путей ее собирания и изучения. Назовем в этой связи статьи: *Копанев А. И.* Археографические экспедиции как один из источников комплектования фондов рукописей и редкой книги Библиотеки АН СССР // Академические архивы СССР за 50 лет советской власти. М., 1968. С. 290—294; *Амосов А. А.* Археографическое обследование Каргополья.

Итоги и перспективы // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. Ч. 2. Памятники старинной письменности. М., 1982. С. 52—60; *Бубнов Н. Ю., Кукушкина М. В.* Археографические экспедиции и формирование территориальных собраний в Библиотеке АН СССР (1971—1980 гг.) // Там же. С. 7—17; *Бубнов Н. Ю., Мартынов А. Ф.* К истории библиотеки Белокриницкой старообрядческой митрополии: (по итогам экспедиций Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР 1971—1972 гг.) // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 265—275; *Петрова Л. А.* Формирование Неманского собрания Библиотеки АН СССР // Вопросы собирания, учета, хранения... С. 60—64; *Бубнов Н. Ю.* Из собрания белокриницких митрополитов // ПКНО. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 157—161; *Бубнов Н. Ю.* Рукописи из собрания Рижской Гребенщиковской общины в Библиотеке АН СССР // Книжное дело в России в XVI—XIX вв. Л., 1980. С. 97—104.

Таким образом, Отдел рукописей БАН разработал и осуществил четкую систему информации о результатах археографических экспедиций и новых поступлениях в Отдел, сочетая археографическую фактографию с научным анализом истории отечественной книжности и ее бытования в наше время.

Древлехранилище Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Собрание древнерусских рукописей ИРЛИ — одно из самых молодых в России государственных хранилищ. Оно возникло в 1949 г. по инициативе известного знатока древнерусской книжности В. И. Малышева и началось с коллекции привезенных им с Печоры 32 рукописей. Пополняясь в результате передачи ему собраний других учреждений, даров частных лиц, а главное — за счет рукописей, привозимых систематически организуемыми

ИРЛИ археографическими экспедициями, Древлехранилище быстро увеличивало свои фонды. На 1 января 1965 г. оно уже насчитывало 3110 рукописей и документов. Именно этот состав и нашел отражение в опубликованном В. И. Малышевым Путеводителе.[97]

На эту дату Древлехранилище включало в свой состав 10 личных коллекций (И. С. Абрамова, Е. Ф. Будде, В. Г. Зыкина, Ф. А. Каликина, Муравьевых, В. Н. Перетца, Н. С. Плотникова, И. А. Смирнова, М. И. Успенского, Хвостовых), переданное из ИМЛИ собрание рукописей и документов, собрание Отдельных поступлений и территориальные фонды: собрания Гуслицкое, Карельское, Керженское, Мезенское, Новгородско-Псковское, Печорское, Пинежское и Причудское.

В. И. Малышев стремился к тому, чтобы Древлехранилище стало не только местом хранения и описания рукописей, но и центром исследования крестьянской культуры Севера (прежде всего культуры старообрядческой). Именно поэтому такое внимание уделялось комплектованию территориальных коллекций, позволяющих выявлять местные рукописно-книжные традиции,[98] собирать сведения о крестьянских писателях, редакторах, переписчиках, иллюстраторах рукописей — о живых деятелях книжной культуры русского Севера XVII—XX вв.[99]

Важной чертой В. И. Малышева как археографа-хранителя рукописей и как исследователя было стремление как можно скорее сделать собранные им рукописные материалы известными и доступными. Постоянный рост фонда

---

[97] Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (Обзор фондов) / Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1965.

[98] См.: *Малышев В. И.* Задачи собирания древних рукописей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 303—332.

[99] См.: *Бударагин В. П.* Северодвинская рукописная традиция и ее представители (По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 401—405; *Маркелов Г. В.* Латгальская рукописно-книжная традиция: Материалы к изучению // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 410—433. См. также: *Малышев В. И.* Усть-Цилемский книгописец и писатель И. С. Мяндин // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 323—337.

делал затруднительным составление исчерпывающих описаний, как это можно сделать с «мертвым» фондом. Знаменитое описание Усть-Цилемских рукописей[100] было своего рода научным «эталоном» описания территориальной коллекции, стремлением продемонстрировать богатство открывавшейся в те годы археографам книжной культуры русского Севера, но не могло рассматриваться самим составителем как «итоговое»: Усть-Цилемское собрание насчитывало в то время 417 единиц хранения, а печатное описание включало лишь 154 рукописи, что объяснялось издательскими возможностями того времени.

Археографы Древлехранилища выработали принцип: регулярно информировать об объеме и характере новых поступлений, после каждой археографической экспедиции публиковать обстоятельные отчеты, в ряде случаев включавшие и краткие описания собранных рукописей.[101] Наряду с этим публиковались и «юбилейные» статьи, в которых, в отличие от присущего этому жанру пустословия, как правило, содержалась ценная информация о росте фондов Древлехранилища и основных направлениях организуемой им археографической работы, о первоочередных задачах, меняющихся в зависимости от изменения археографической ситуации «на местности».[102]

Важным этапом в раскрытии фондов Древлехранилища стал новый сводный обзор «Древлехранилище Пушкинского Дома»,[103] в котором приведена исчерпывающая

---

[100] *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.

[101] См. статьи В. И. Малышева под традиционным названием «Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома», публиковавшиеся в РЛ: 1966. № 2; 1967. № 1; 1969. № 2; 1970. № 1; 1971. № 1.

[102] *Малышев В. И.* Собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома (к 20-летию его организации) // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 333—338; *Маркелов Г. В.* К 25-летию Хранилища древнерусских рукописей Пушкинского Дома АН СССР // ИОЛЯ. 1974. Т. 33, вып. 2. С. 114—118.

[103] Древлехранилище Пушкинского Дома (Литература 1965—1974 гг.) / Сост. В. И. Малышев. Л., 1978.

библиография работ о Древлехранилище, при этом литература группируется по отдельным территориальным собраниям и коллекциям. Библиография в этом случае состоит из двух разделов: информация о создании собрания и его пополнении и информация о его использовании: публикации текстов из рукописей данного собрания, а также литература, в которой рукописи упоминаются, исследуются или привлекаются в изданиях как в качестве основного списка, так и в вариантах. В книге имеются приложения: перечни пергаменных рукописей Древлехранилища, датированных и лицевых рукописей из приобретений 1965—1974 гг.

Из анализируемой книги следует, что к 1974 г. выросло число территориальных собраний (появились собрания Вологодское, Латгальское, Северодвинское и Усть-Цилемское новое) и личных коллекций (появились коллекции П. С. Богословского, М. В. Бражникова, В. В. Величко, К. П. и А. Г. Гемп, В. Ф. Груздева, Е. Г. Евсеева, И. Н. Заволоко,[104] В. В. Лукьянова, Н. М. Маслова, М. Н. Потоцкого, И. М. Пухальского, Л. И. и М. И. Руденок, М. И. Смирновой, В. Ф. Тумилевича, Ф. Г. Шклярова).

Активная археографическая работа в ИРЛИ не прекращается, и после 1974 г. территориальные собрания получили существенные пополнения, описанные — как это в традициях Древлехранилища — в отчетах археографических экспедиций.

Поступления после 1974 г., во-первых, отражены в обзорах. Это обзоры: *Малышев В. И.* Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома // РЛ. 1975. № 4. С. 147—151; *Бударагин В. П.* Новые поступления в Древлехранилище Пушкинского Дома // Там же. 1976. № 4. С. 184—188; *Бударагин В. П.* Новые по-

[104] См.: *Маркелов Г. В.* 1) Коллекция рукописей И. Н. Заволоко в Древлехранилище Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 377—387; 2) Из истории собрания И. Н. Заволоко // Там же. Л., 1980. Т. 35. С. 439—445.

ступления в Древлехранилище Пушкинского Дома // Там же. 1983. № 2. С. 168— 174; *Бударагин В. П., Маркелов Г. В.* Новые поступления в Древлехранилище Пушкинского Дома (1976—1980) // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 5—15; *Бударагин В. П., Маркелов Г. В.* Новые поступления в Древлехранилище Пушкинского Дома (1981—1987 гг.) // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л., 1990. С. 3—6; *Бударагин В. П.* Некоторые итоги археографической работы Древлехранилища (80-е гг.) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 474—475. Археографическая работа Древлехранилища освещена также в статьях: *Дмитриев Л. А.* Археографические экспедиции Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982. Ч. 2. С. 17—22; *Бударагин В. П., Бобров А. Г.* Археографическая работа Древлехранилища им. В. И. Малышева // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Филология. Литературоведение. Культурология. Лингвистика. Искусствоведение. М., 1996. С. 5—20. См. также: *Бударагин В. П.* [Археографические экспедиции 1949—1980 гг.] // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 294—299.

Во-вторых, кроме общих обзоров регулярно публиковались отчеты археографических экспедиций, которые целесообразно перечислить в той последовательности территориальных собраний, которая принята в книге 1976 г.

Вологодское собрание. См.: *Каган-Тарковская М. Д., Понырко Н. В.* Поиски рукописей в Вологодской области // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 361; *Понырко Н. В.* Экспедиция 1974 г. в Танрогский район Вологодской области // Там же. Т. 31. С. 368—370; *Понырко Н. В.* Находки в Танрогском районе Вологодской области // Там же. Л., 1977. Т. 32. С. 370—371.

В настоящее время Вологодское собрание насчитывает 119 единиц хранения.

Карельское собрание. См.: *Маркелов Г. В.* Пополнение Карельского собрания // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 353—355; *Понырко Н. В.* Поездка за рукописями в Беломорье летом 1971 г. // Там же. Т. 28. С. 410—411; *Маркелов Г. В.* Экспедиция в Пудожский район и Заонежье // Там же. Л., 1977. Т. 32. С. 375—376.

В настоящее время Карельское собрание насчитывает 604 единицы хранения, из которых 473 учтены в Путеводителе В. И. Малышева.[105]

Керженское собрание. См.: *Бударагин В. П.* Экспедиция в Горьковскую область // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 359—361.

В настоящее время Керженское собрание насчитывает 134 единицы хранения, из которых 92 номера учтены в Путеводителе В. И. Малышева[106] и его статье,[107] а № 103—113 описаны в статье В. П. Бударагина.

Красноборское собрание. Описание новых приобретений дано в статье: *Бобров А. Г., Шухтина Н. В., Якунина С. А.* Северодвинская экспедиция 1983 г. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 422—428.

В настоящее время Красноборское собрание насчитывает 403 единицы хранения.

Латгальское собрание. См.: *Маркелов Г. В., Фролов С. В.* Археографические экспедиции Пушкинского Дома в Латвию // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 352—356; *Маркелов Г. В.* 1) Поездка за рукописями в Латвию // Там же. Т. 31. С. 371—372; 2) Прибалтийские находки 1977 года // Там же. Л., 1979. Т. 34. С. 365—368; 3) Прибалтийские находки 1979 года // Там же. Л., 1981. Т. 36. С. 385—389; 4) Рукописи из Латгалии // Там же. Л., 1983. Т. 37. С. 341—349; 5) Латгальские рукописные находки 1981 и 1982 гг. // Там же. Л., 1985. Т. 39. С. 426—443; 6) Рукописи из Латгалии // Там же. Т. 40. С. 429—439; 7) Лат-

[105] Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. С. 38—52.

[106] Там же. С. 52—55.

[107] *Малышев В. И.* Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома // РЛ. 1973. № 2. С. 180, 199.

гальская рукописно-книжная традиция. Материалы к изучению // Там же. Л., 1989. Т. 42. С. 410—438; 8) Археографическая экспедиция в Латгалию в 1986 г. // Там же. Л., 1990. Т. 43. С. 371—388; 9) Латгальская экспедиция 1988 г. // Там же. СПб., 1992. Т. 45. С. 461—466.

В настоящее время Латгальское собрание насчитывает 462 единицы хранения. Г. В. Маркелов опубликовал краткое описание рукописей собрания: рукописи № 1—144 описаны им в статье в т. 42 ТОДРЛ, рукописи № 145—205 в т. 37, рукописи № 207—327 в т. 39, рукописи № 331—380 в т. 40 и рукописи № 451—461 в т. 45. Таким образом, опубликовано полное описание собрания.

Мезенское собрание. См.: *Бударагин В. П.* Мезенские находки // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 411—414 (с описанием рукописей № 162—177); *Савельев А. А., Шухтина Н. В.* Экспедиция на Мезень 1989 г. // Там же. СПб., 1993. Т. 46. С. 491—494 (с описанием рукописей № 178—181).

В настоящее время Мезенское собрание насчитывает 182 единицы хранения, из них первые 160 учтены в Путеводителе В. И. Малышева,[108] а последующие приобретения описаны в названных выше статьях.

Новгородско-Псковское собрание. См.: *Бударагин В. П.* 1) Две экспедиции в Псковскую область // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 423—425; 2) Поездка за рукописями в Новгородскую область // Там же. Т. 40. С. 414—416. В настоящее время Новгородско-Псковское собрание насчитывает 94 единицы хранения, из которых № 1—16 учтены в Путеводителе В. И. Малышева,[109] а № 40—65 и 67—82 описаны В. П. Бударагиным.

Пинежское собрание. См.: *Николаев Н. И.* Пинежская экспедиция 1979 года // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 390—392; *Бобров А. Г., Николаев Н. И.* Пинежская экспедиция 1980 г. // Там же. Л., 1983. Т. 37. С.354—358; *Николаев Н. И., Савельев А. А., Федоров С. В.* Пинежская экс-

[108] Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. С. 57—63.
[109] Там же. С. 66—67.

педиция 1981 г. // Там же. Л., 1985. Т. 39. С. 450—454; *Бобров А. Г., Шухтина Н. В.* Пинежская экспедиция 1985 г. // Там же. Л., 1989. Т. 42. С. 439—447; *Рождественская М. В., Руди Т. Р., Шухтина Н. В.* Экспедиция 1986 г. на Пинегу // Там же. Л., 1990. Т. 43. С. 394—400; *Шухтина-Савельева Н. В.* Пинежские находки 1987 г. // Там же. Т. 44. С. 480—488; *Савельев А. А., Савельева Н. В.* Пинежская экспедиция 1988 г. // Там же. СПб., 1992. Т. 45. С. 456—460; *Савельев А. А.* Поездка на Пинегу в 1990 г. // Там же. СПб., 1993. Т. 47. С. 441—442.

В настоящее время Пинежское собрание насчитывает 776 единиц хранения, из которых № 1—162 учтены В. И. Малышевым в Путеводителе,[110] № 184—278, 286—361, 384—440, 465—485, 505—519 описаны с разной степенью подробности в публикациях 1966—1974 гг.,[111] а № 540—556 и 559—759 — в указанных выше статьях.

Н. В. Савельевой принадлежит статья «Библиотека пинежан Поповых»,[112] ею же готовится исследование о пинежской книжной традиции.

Причудское собрание. См.: *Маркелов Г. В.* Древнерусские рукописи из Эстонского Причудья // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 415—419.

В настоящее время Причудское собрание насчитывает 209 единиц хранения. В Путеводителе В. И. Малышева учтено 123 рукописи,[113] сведения об остальных находках — в статье Г. В. Маркелова.

Северодвинское собрание. Образованное в 1967 г. собрание быстро выросло именно в последние десятилетия. Приобретения до 1974 г. описаны в ряде публикаций, указанных в книге 1978 г.[114] После 1974 г. пополнение собрания описано в следующих работах: *Бударагин В. П.*,

[110] Там же. С. 128—134.

[111] Древлехранилище Пушкинского Дома. С. 37—38.

[112] Книжные центры Древней Руси: XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 266—314.

[113] Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. С. 136—142.

[114] Древлехранилище Пушкинского Дома. С. 47—48.

Гумницкий И. И. Поездка за рукописями на Северную Двину // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 348—351; *Бударагин В. П.* На Северной Двине и в верховьях Пинеги // Там же. Т. 31. С. 373—375; *Демкова Н. С, Пиотровская Е. К.* Поиски рукописей на Северной Двине летом 1974 г. // Там же. С. 376—377; *Бударагин В. П.* Пополнение Северодвинского собрания // Там же. Л., 1977. Т. 32. С. 372—374; *Буланин Д. М.* Археографическая экспедиция на Северную Двину // Там же. Л., 1979. Т. 33. С. 422—424; *Бударагин В. П.* 1) Новое пополнение Северодвинского собрания Древлехранилища // Там же. Т. 34. С. 362—364; 2) Северодвинская экспедиция 1978 г. // Там же. Л., 1980. Т. 35. С. 394—396; *Волкова Т. Ф., Грачева А. М.* Рукописные и старопечатные книги с Северной Двины // Там же. Л., 1981. Т. 36. С. 393—396; *Евсеева И. А., Шварц Е. М.* Археографическая экспедиция на Северную Двину // Там же. Л., 1983. Т. 37. С. 350—353; *Грачева А. М., Евсеева И. А., Захарова Е. Д.* Археографические экспедиции на Северную Двину 1981 и 1982 гг. // Там же. Л., 1985. Т. 39. С. 444—449; *Бобров А. Г., Шухтина Н. В., Якунина С. А.* Северодвинская экспедиция 1983 г. // Там же. Т. 40. С. 417—428; *Бударагин В. П.* Северодвинские находки 1986 г. // Там же. Л., 1990. Т. 43. С. 389—393; *Вознесенский А. В., Савельев А. А.* Археографическая экспедиция на Северную Двину 1987 г. // Там же. Т. 44. С. 489—492; *Бобров А. Г.* 1) Экспедиция на Северную Двину 1988 г. // Там же. СПб., 1992. Т. 45. С. 445—455; 2) Экспедиции на Северную Двину 1989 г. // Там же. СПб., 1993. Т. 46. С. 476—490; *Левичкин А. Н., Рыжова Е. А.* Археографические экспедиции 1990 г. на Северную Двину // Там же. Т. 47. С. 437—440.

В настоящее время Северодвинское собрание насчитывает 905 единиц хранения, из которых отдельные рукописи упоминались и описывались в статьях и обзорах 1968—1974 гг.,[115] а систематическое описание (№ 549—642,

[115] Там же. С. 47—48.

669—693, 708—788, 790—874) содержится в статьях, опубликованных в т. 37, 39, 40, 43—47 ТОДРЛ.

Кроме перечисленных выше после 1974 г. в Древлехранилище образовано два новых территориальных собрания:

Белорусское собрание. См.: *Понырко Н. В.* Археографическая командировка в Гомель // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 420—421; *Бударагин В. П.* Экспедиция в Витебскую область // Там же. Л., 1981. Т. 36. С. 382—384.

В настоящее время Белорусское собрание насчитывает 95 единиц хранения.

Ленинградское областное. См.: *Цыпкин Д. О., Федоров А. В., Сесейкина И. В.* Археографическая работа в Ленинградской области в 1988—1989 гг. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 502—508; *Цыпкин Д. О.* Археографическая работа в Ленинградской области в 1990 г. // Там же. Т. 47. С. 430—436.

В настоящее время Ленинградское областное собрание насчитывает 52 единицы хранения.

Некоторые собрания после 1974 г. не пополнялись: это Верхнепечерское (133 единицы хранения), собрание ИМЛИ (170 единиц), собрания Усть-Цилемское (417 единиц) и Усть-Цилемское новое (376 единиц). Всего в Древлехранилище 5175 единиц хранения в составе территориальных собраний.

В Древлехранилище кроме того 34 личных коллекции (последнее приобретение — коллекция А. Г. Боброва, насчитывающая 45 рукописей XV—XX вв.), в составе которых около 3000 единиц хранения рукописей древней традиции. В собрании отдельных поступлений — 675 единиц хранения рукописей древней традиции.

В заключение упомянем три сборника исследований и публикаций, составленных на материалах Древлехранилища.[116]

---

[116] Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972; Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985; Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л., 1990.

В значительной мере на материалах Древлехранилища основано и трехтомное исследование Г. В. Маркелова, посвященное прорисям и переводам с икон.[117]

Если помнить о историко-культурной общности рукописных сокровищ Древлехранилища, то следует согласиться с определением, что само оно является своего рода «своеобразной и ценнейшей крестьянской библиотекой» русского Севера.[118]

Другие библиотеки Санкт-Петербурга

Упомянем прежде всего работы общего характера: статью известных археографов о источниках пополнения петербургских хранилищ,[119] два справочника[120] и статью В. Г. Пуцко.[121]

Ю. К. Бегунов опубликовал обзор рукописей фонда Синода в составе ЦГИА,[122] не вошедших в описание, составленное А. И. Никольским.[123] В. П. Бударагин описал рукописи, хранящиеся в Научной библиотеке Эрмитажа, числом около 60, среди которых пергаменный список Хро-

[117] *Маркелов Г. В.* Святые Древней Руси по иконописным подлинникам, прорисям и переводам с икон. СПб., 1998. Т. 1—2; Прориси и переводы икон из собрания Пушкинского Дома / Сост. Г. В. Маркелов. СПб., 1998.

[118] Рукописное наследие Древней Руси. С. 8.

[119] *Бударагин В. П., Копанев А. И., Кукушкина М. В.* Источники и пути комплектования ленинградских хранилищ рукописными и старопечатными книгами // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 178—181.

[120] Рукописные фонды ленинградских хранилищ: Краткий справочник по фондам библиотек, музеев, научно-исследовательских и других учреждений. Л., 1970; Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение...

[121] *Пуцко В. Г.* Малоизвестные рукописные собрания Ленинграда // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 345—348.

[122] *Бегунов Ю. К.* Древнерусские рукописи фонда Синода в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 333—338.

[123] *Никольский А. И.* Описание рукописей, хранящихся в Архиве правительствующего Синода. СПб., 1904—1910. Т. 1—2.

ники Георгия Амартола рубежа XIV—XV вв.[124] Подробное описание южнославянских рукописей, хранящихся в архиве С.-Петербургского филиала Института российской истории опубликовал В. А. Мошин.[125] Сведения, приведенные в статье Г. Я. Симиной и Э. М. Шусторович,[126] должны быть отнесены к описанию Древлехранилища Пушкинского Дома, куда эти рукописи были переданы.[127] Обзор рукописей Научной библиотеки С.-Петербургского университета был опубликован в 1963 г. Э. М. Шусторович.[128]

* * *

Обратимся теперь к рукописным собраниям в других помимо Москвы и Петербурга городах России. Предварим обзор следующей информацией. РНБ разослала по провинциальным хранилищам рукописей — архивам, музеям, библиотекам, вузам — специальную анкету, в которой запрашивалось о количестве находящихся там древнерусских рукописей. Ответы получены далеко не из всех городов, и приводимые данные зачастую носят самый предварительный характер — не всегда, например, разделены рукописи и старопечатные книги. Тем не менее эти сведения представляют несомненный интерес, и мы приводим их с указанием: «По данным анкеты».[129]

---

[124] *Бударагин В. П.* Древнерусские рукописи Кабинета редкой книги Научной библиотеки Эрмитажа // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 420—423.

[125] *Мошин В. А.* Южнославянские рукописи в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 200—218.

[126] *Симина Г. Я., Шусторович Э. М.* Описание Пинежского собрания рукописей, хранящихся в Кабинете русского языка Ленинградского университета // Вестник ЛГУ. 1966. № 20. История, язык, литература. Вып. 4. С. 132—143.

[127] См.: Древлехранилище Пушкинского Дома. С. 37.

[128] *Шусторович Э. М.* Славяно-русские рукописи библиотеки им. А. М. Горького Ленинградского государственного университета // Вестник ЛГУ. 1963. № 14. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 110—115.

[129] Отдел рукописей РНБ любезно разрешил мне ознакомиться с данными анкеты. Особую благодарность приношу Е. В. Крушельницкой, подготовившей для меня эти материалы.

Приведем обзор печатных описаний рукописных собраний в алфавите городов.

АСТРАХАНЬ

В 1996 г. вышла брошюра с описанием 11 рукописей, переданных в дар Астраханскому музею-заповеднику.[130] Среди рукописей — хронограф, сборники, синодики.

ВЛАДИМИР

Об археографических экспедициях, организуемых Владимиро-Суздальским музеем и Владимирским педагогическим институтом, сообщается в статьях С. П. Гордеева и В. А. Колобанова.[131] По данным анкеты, всего во владимирских хранилищах — Областном Архиве, Областной научной библиотеке и Владимиро-Суздальском музее-заповеднике более 850 рукописей.

ВОЛОГДА

Успешно реализуется «Вологодская программа» — создание сводного каталога рукописей и старопечатных книг, хранящихся в музеях, архивах и библиотеках Вологодской области.[132] С 1982 г. выходит издание: «Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель».

---

[130] Каталог рукописных и старопечатных книг, принесенных в дар Астраханскому историко-архитектурному музею-заповеднику... А. С. Марковым в августе 1990 г. / Сост. А. Марков. Астрахань, 1996.

[131] *Гордеев С. П.* Новые поступления рукописей и старопечатных книг в Государственный объединенный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 383—387; *Колобанов В. А.* Археографический поиск во Владимирской области // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документов. М., 1982. Ч. 2. С. 46—48 (далее — Вопросы собирания).

[132] См.: *Амосов А. А.* 1) О каталоге рукописных книг музеев Вологодской области // Вопросы собирания. С. 112—117; 2) «Вологодская программа»: Итоги и перспективы // Охрана и использование документальных памятников истории и культуры. Вологда, 1984. С. 39—49.

В 1982 г. вышла первая часть Каталога, содержащая описание рукописей XVI—XX вв., хранящихся в Великоустюгском и Вытегорском краеведческих музеях, в Кирилло-Белозерском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, Тарногском народном музее, Тотемском и Устюженском краеведческих музеях, Харовском народном музее и Череповецком краеведческом музее.[133] В этих хранилищах на момент составления Каталога числилось 538 рукописей,[134] из которых одна — рубежа XIV—XV вв., 7 — XV в., 32 — XVI и 44 — XVII в. Большинство рукописей богослужебные, но среди них встречаются и летописи, и сборники. Описание сопровождается указателями, в числе которых и указатель названий памятников.

Два выпуска Каталога содержат описание рукописных книг Вологодского областного музея.[135] В этом собрании одна книга рубежа XIII—XIV вв., 3 — XIV в., 6 — XV в., 11 — XVI в. Каталог включает также очерк истории книжности Вологодского края, историю ее собирания, описания и изучения. Рукописи Вологодчины хранятся также в РНБ (Кирилло-Белозерское собрание), в Древлехранилище ИРЛИ (Вологодское и Красноборское собрания[136]), в Вологодском собрании РГБ, насчитывающем 248 единиц хранения, и в Собрании Великоустюжского районного краеведческого музея с 85 рукописями.[137] Кроме того,

[133] Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги / Сост. А. А. Амосов, М. Ю. Алексеева, Б. Н. Морозов, С. А. Морозов, Н. П. Морозова. Вологда, 1982.

[134] Две рукописи из Тарногского народного музея в 1982 г. были переданы в Вологодский областной музей (см. № 14 и 33 в описании Музея).

[135] Памятники письменности... Ч. 1, вып. 2. Рукописные книги XIV—XVIII вв. Вологодского областного музея / Сост. Н. Н. Малинина, В. В. Морозов, Л. А. Петрова. Вологда, 1987; Вып. 3. Рукописные книги XIX—XX вв. Вологодского областного музея / Отв. сост. В. В. Морозов; Сост. А. А. Амосов, М. Ю. Гордеева, Н. Н. Малинина, Л. А. Петрова. Вологда, 1989.

[136] В этих собраниях 522 рукописи.

[137] Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Указатель. М., 1996. Т. I, вып. 3. С. 121—157.

8 рукописей осталось в фондах Вологодской областной библиотеки.[138]

Сводное описание рукописей, хранящихся в библиотеках и музеях области, осуществленное по «Вологодской программе», будем надеяться, станет примером для подражания и в других «книжных регионах» России.

ЕКАТЕРИНБУРГ (СВЕРДЛОВСК)

Рукописные собрания Екатеринбурга кратко охарактеризованы в статьях Е. И. Дергачевой-Скоп и Р. Г. Пихоя.[139] Из них следует, что древнерусские рукописные и старопечатные книги хранятся в Нижнетагильском краеведческом музее, Государственном архиве Свердловской области, Государственной областной публичной библиотеке им. В. Г. Белинского и Свердловском (Екатеринбургском) областном краеведческом музее. Собрания эти невелики и в основном содержат рукописи XVIII—XIX вв.

С 70-х гг. Уральский государственный университет стал организовывать систематические археографические экспедиции, находки которых составили собрание рукописей и старопечатных книг Уральского университета, уже в 1976 г. насчитывавшее 331 рукописную и 323 старопечатные книги XVI—XX вв.[140] О дальнейшем росте собрания Уральского университета свидетельствует информация об археографических экспедициях 1974—1986 гг., из которой следует, что за это время найдено 2280 рукописей и по крайней мере 3 из них относятся к XV или рубежу XV—XVI вв.[141] Как следует из информации об археогра-

---

[138] Русская книга XVI—XVIII веков в фондах Вологодской областной библиотеки им. И. В. Бабушкина: Каталог. Вологда, 1980.

[139] *Дергачева-Скоп Е. И.* Старинные рукописные книги в хранилищах Свердловска // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 338—343; *Пихоя Р. Г.* Археографические экспедиции Уральского университета в 1974—1976 гг. // Там же. Л., 1979. Т. 34. С. 369—374.

[140] *Пихоя Р. Г.* Археографические экспедиции... С. 374.

[141] *Пихоя Р. Г.* Об изучении памятников истории духовной культуры Урала // Вопросы собирания. С. 96—101; Дорогами экспедиций. Хроника // Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С. 234—239.

фических экспедициях, публиковавшейся в АЕ в 1987—1991 гг., за это время было найдено еще более тысячи рукописных книг. К сожалению, начиная с 1992 г. количественные данные о находках в АЕ не приводятся.

Археографы Екатеринбурга предприняли также две серии описаний территориальных коллекций. Описаны небольшие Долматовское, Шадринское и Шатровское собрания рукописей, собранные в Курганской области. Они насчитывают соответственно 5, 23 и 244 единицы хранения. Рукописи в основном поздние (одна — XVI в., одна — начала XVII в., около 30 — XVIII—нач. XIX в.).[142]

В 1994 г. вышла первая часть Каталога рукописей и старопечатных книг Древлехранилища Уральского университета.[143] В эту часть Каталога, который задуман в 5 выпусках,[144] вошли описания 8 собраний: Артинского (26 единиц хранения[145]), Горнозаводского (47), Далматовского (9),[146] Красноуфимского (176), Курганского (262), Невьянского (252), Нижнетагильского (261) и Ровдинского (30). Описание краткое, состав сборников раскрывается в аннотации с перечислением памятников, но не поясняется, называются ли все статьи или только наиболее важные с точки зрения составителей. Количество единиц хранения не должно вводить в заблуждение: наряду с рукописями древней традиции, подавляющая часть которых

---

[142] Рукописные и старопечатные книги Зауралья XVI—XX вв. / Сост. О. К. Беляева, С. А. Галишев, П. И. Мангилев, И. Л. Манькова и др. // Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Свердловск, 1991. Т. 1, вып. 1. С. 54—242.

[143] Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета / Сост. С. А. Белобородов, И. Л. Манькова, А. В. Полетаев. Екатеринбург, 1994. Ч. 1.

[144] В первый выпуск вошли описания рукописных собраний с 1-го по 8-е, во второй должно войти описание старопечатных книг 1—14-го собраний, в третий — описание рукописей 11—14-го собраний и т. д.

[145] Далее число единиц хранения указывается в скобках.

[146] Описание рукописей этого собрания вошло в книгу «Рукописные и старопечатные книги Зауралья...» (см. примеч. 142), но соотношение этих описаний не оговаривается.

относится к XVIII—XX вв., в собрания входят также документы, письма, машинописные копии с печатных изданий, заявления в сельсовет и т. д. Безусловно, эти материалы представляют интерес для изучения быта современного крестьянства, но, быть может, их стоило бы выделять в особую часть собрания. По данным анкеты, всего в Екатеринбурге 3414 рукописей.

ИВАНОВО

По информации В. М. Загребина, собрание рукописей Ивановского областного краеведческого музея содержит около 700 единиц хранения.[147] В основу его положена коллекция фабриканта Д. Г. Бурылина, собиравшего раритеты через антикварные магазины и во время своих поездок по Европе, Азии и Африке. Поэтому в коллекцию входят рукописи не только на русском, но также на латинском, французском, испанском, арабском, турецком, персидском языках, автографы, документы, лубочные картинки и др. Точное количество древнерусских рукописей пока не установлено. В. М. Загребин составил описание 15 наиболее интересных рукописных книг, содержащих памятники древнерусской традиции.

ИРКУТСК

До последнего времени мы располагали лишь обзором собрания Научной библиотеки Иркутского университета, принадлежащим А. Г. Боннер.[148] Но в 1995 г. вышло обстоятельное описание кириллических рукописей, включающее 100 единиц хранения, — рукописи XV—XX вв.[149]

---

[147] *Загребин В. М.* Рукописи Ивановского областного краеведческого музея: Обзор коллекций и краткое описание древнейших кирилличеких рукописных книг // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 264—269.

[148] *Боннер А. Г.* Рукописный фонд Научной библиотеки // Труды Научной библиотеки Иркутского университета. Иркутск, 1969. Вып. 21. С. 49—64.

[149] Русские и иностранные рукописи Научной библиотеки Иркутского университета. Ч. 1. Кириллические рукописи древнерусской и новой традиции / Сост. описания Н. Д. Игумнова. Новосибирск, 1995.

Древнейшая рукопись — Лествица 1470 г., 3 рукописи XVI в., 12 рукописей (не считая документов) — XVII в.

КОСТРОМА

Существующее печатное описание рукописей Государственного архива Костромской области[150] не отражает современного состояния фонда после пожара. По данным анкеты, в Костроме до пожара было 455 рукописей.

КУРСК

В Курске рукописи хранятся в Областном краеведческом музее, Государственном архиве Курской области и (единичный экземпляр) в Областной библиотеке. Обзоры курских рукописей приводятся в нескольких статьях.[151] По данным анкеты, в Курске 63 рукописи.

НИЖНИЙ НОВГОРОД (ГОРЬКИЙ)

Опубликована краткая информация о рукописях, хранящихся в Областной библиотеке и Областном архиве.[152] Но из данных анкеты следует, что в архиве около 90, а в библиотеке — 535 рукописей. Археографические экспедиции Горьковского университета собрали с 1978 г. около сотни рукописей, хранящихся в Институте рукописной и старопечатной книги. Сведения об экспедициях публико-

---

[150] Коллекция рукописей Государственного архива Костромской области / Сост. В. Н. Бочков. Кострома, 1964.

[151] *Дрючина Г. М.* Редкие книги библиотеки Курского музея // Краеведческие записки Курского областного краеведческого музея. Курск, 1963. Вып. 2. С. 236—242; *Солодкин Я. Г.* Рукописные книги курских собраний // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 422—424; *Склярук В. И., Солодкин Я. Г.* Неизвестные рукописи курских собраний // Там же. Л., 1988. Т. 41. С. 424—429.

[152] *Ольшевская Л. А.* О собрании рукописных книг, хранящихся в Государственном архиве Горьковской области // Литература Древней Руси: Сб. трудов. М., 1975. Вып. 1. С. 132—134; *Галицкая Е. В., Голубева Н. Д.* Собрание рукописных книг и инкунабул Горьковской областной универсальной научной библиотеки им. В. И. Ленина // В памяти Отечества. Горький, 1989. С. 26—30.

вались в ТОДРЛ.[153] По данным ПС XV в., в архивах Нижнего Новгорода хранится 7 рукописей этого столетия.

НОВОСИБИРСК

В Новосибирске существуют два крупных собрания древнерусской книги. Одно из них—фонд рукописей и старопечатных книг Государственной публичной и научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН (ГПНТБ). В основе его — собрание академика М. Н. Тихомирова, переданное им в дар Сибирскому отделению РАН. Составленное прежним владельцем описание включает сведения о 500 единицах хранения, в числе которых 6 рукописей XV в., 8 — XVI в., 61 — XVII в., 189 — XVIII в.[154] Описание очень кратко: состав сборников иногда вообще не раскрыт, а названы отдельные, наиболее ценные, по мнению ученого, статьи. В дальнейшем собрание ГПНТБ интенсивно пополнялось рукописями, привозимыми археографическими экспедициями.[155] Оно включает Томскую, Забайкальскую, Красноярскую, Тувинскую и другие коллекции.[156]

---

[153] *Грицевская И. М., Русинов В. Н., Черторицкая Т. В.* Археографическая экспедиция Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 362—364; *Галицкая Е. В., Пудалов Б. М.* Археографические экспедиции в Уренский и Тонкийский районы Горьковской области // Там же. Л., 1990. Т. 43. С. 401—403.

[154] *Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. См. также: *Рогов А. И., Покровский Н. Н.* Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР (г. Новосибирск) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 162—172.

[155] См.: *Панченко А. М.* «Археографическое открытие» Сибири // ПКНО. Письменность. Искусство. Археология. 1974. М., 1975. С. 152—156; *Дробленкова Н. Ф., Троицкая Т. С.* 10 лет археографической работы в Сибири // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 425—431.

[156] См.: *Алексеев В. Н.* 1) Об описании территориальных коллекций фонда редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН СССР // Проблемы научного описания. С. 180—185; 2) Археографические экспедиции Сибирского отделения АН СССР и формирование книжных собраний Государственной публичной научной библиотеки СО АН СССР // Вопросы собирания. С. 31—37.

Другим значительным собранием является коллекция рукописей Института истории, филологии и философии СО РАН. В 1991 г. вышло подробное печатное описание 523 рукописей, найденных и приобретенных в 1968—1985 гг.[157] Описание содержит сведения о рукописях XV—XX вв.; оно сопровождается указателями.

ОМСК

О собрании рукописей Омского краеведческого музея имеются две краткие информации Л. А. Ситникова. По его словам, «состояние музейной библиотеки таково, что невозможно составить полное представление о рукописном собрании».[158] В статьях Л. А. Ситникова сообщается о 9 рукописях, среди которых список «Звезды пресветлой» XVII в., «Страсти Христовы» XVIII в., богослужебные сборники XVIII—XIX вв.

ПЕРМЬ

В Пермской областной библиотеке находится собрание древнерусских рукописей и старопечатных книг, насчитывавшее к концу 80-х гг. около 500 единиц хранения[159] и продолжающее пополняться находками археографиче-

---

[157] *Панич Т. В., Титова Л. В.* Описание собраний рукописей ИИФиФ СО АН СССР. Новосибирск, 1991. См. также: *Беляева О. К., Панич Т. В., Титова Л. В.* Описание тюменских старообрядческих сборников из рукописных собраний ИИФиФ СО АН СССР и УрГУ // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 156—268.

[158] *Ситников Л. А.* Рукописи Омского краеведческого музея // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 176. См. также: *Ситников Л. А.* Рукописи Омского краеведческого музея (дополнение) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 208—211.

[159] *Демкова Н. С.* Краткий отчет об археографической практике студентов ЛГУ в Пермской областной библиотеке им. А. М. Горького и Чердынском краеведческом музее им. А. С. Пушкина // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 449—450.

ских экспедиций.[160] Небольшое собрание рукописей и старопечатных книг имеется и в Пермском педагогическом институте. К 1984 г. в нем числилось 30 рукописей XV—XX вв. и 14 старопечатных книг, но в 1986 г. ценнейшая рукопись — южнославянский сборник слов Исаака Сирина — была утрачена. 14 рукописей этого собрания описаны в статье Н. С. Демковой и С. А. Якуниной.[161] Пермские рукописи (из Государственной публичной библиотеки, Краеведческого музея, Областного архива) частично описаны Ю. К. Бегуновым.[162] Описание рукописей Чердынского краеведческого музея (Пермская область) публиковалось в 1961 г.,[163] но Н. С. Демковой выявлен ряд неучтенных рукописей, среди которых сборник XVII в.[164]

ПЕТРОЗАВОДСК

Небольшое собрание рукописей Карельского государственного краеведческого музея описала Н. М. Панова.[165] В собрании 33 рукописи (не считая 32 крестьянских поминальников). Из рукописей древнерусской традиции одна XVI в., 5 — XVII в., остальные — XVIII—XIX вв.

---

[160] *Барминская Н. Н., Волкова Т. Ф.* Археографические экспедиции Пермской Государственной публичной библиотеки им. М. Горького // Вопросы собирания. С. 42—45.

[161] *Демкова Н. С., Якунина С. А.* Древнерусские рукописи и старопечатные книги в собрании Пермского педагогического института им. А. А. Ушинского (Краткий обзор) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 412—418.

[162] *Бегунов Ю. К.* Обзор собраний древнерусских рукописей г. Перми // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1970. H. 2. S. 191—213; 1971. H. 1. S. 20—41.

[163] *Бегунов Ю. К., Демин А. С., Панченко А. М.* Рукописное собрание Чердынского музея им. А. С. Пушкина // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 608—615.

[164] *Демкова Н. С.* Краткий отчет... С. 448—449.

[165] Коллекция рукописных и печатных книг кирилловского шрифта: Каталог / Сост. Н. М. Панова. Петрозаводск, 1997. См. также: *Панова Н. М.* Памятники книжной культуры в собрании Карельского государственного краеведческого музея // Краеведение и музей. Петрозаводск, 1992. С. 140—148.

Большая часть рукописей богослужебные. Есть несколько сборников. Кроме того, в Национальной библиотеке Республики Карелия, по данным анкеты, 14 рукописей.

ПСКОВ

Значительным достижением является выход в свет обстоятельного Каталога рукописей Псковского музея-заповедника, составленного Н. П. Осиповой и включающего описание более 500 единиц хранения.[166] Древнейшие рукописи Музея — пергаменные фрагменты Евангелия и Толкования на Апокалипсис Андрея Кесарийского — относятся к XIV в.; среди 3 рукописей XV в. — Триодный торжественник. Обширна и коллекция рукописей XVI в., в ее составе 2 списка Пролога, 3 сборника. Описание сопровождается указателями, в том числе указателем начальных слов.

РОСТОВ

В первых выпусках Каталога памятников письменности Ярославской области содержится описание 123 рукописей из Ростовского музея.[167] В их числе отрывок Октоиха XIII в., болгарский список Слова Исаака Сирина XIV в., фрагмент из патерика неизвестного состава, также XIV в.

РЯЗАНЬ

В описании-обзоре рукописей Рязанского краеведческого музея сообщается, что коллекция содержит 110 славяно-русских рукописей, в числе которых 2 рукописи XV в., 2 — XVI в., 2 — рубежа XVI—XVII вв., 23 — XVII в., среди которых список Хронографа, извлечения

---

[166] Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV—начало XX в.) / Сост. Н. П. Осипова. Псков, 1991. Ч. 1—2.

[167] Каталог памятников письменности Ярославской области. Вып. 1. Рукописные памятники Ростовского музея // Труды Ростовского музея. Ростов, 1991. С. 3—32; То же. Вып. 2 // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1991. С. 90—114.

из Степенной книги, Сказание Авраамия Палицына, Синодики.[168] По данным анкеты, в Рязани более 580 рукописей и старопечатных книг.

САРАТОВ

Опубликован обзор фондов Научной библиотеки Саратовского университета,[169] в которых имеется и собрание древнерусских рукописей, охарактеризованное в статье Л. А. Дмитриева.[170] По данным анкеты, в Саратове 3387 рукописей.

СЕРГИЕВ ПОСАД (ЗАГОРСК)

Статья Т. В. Николаевой, характеризующая собрание рукописей Троице-Сергиева монастыря (в основной своей части это собрание РГБ), ничего не сообщает о рукописной коллекции Музея-заповедника.[171] Впоследствии Е. Н. Клитина информировала о новых приобретениях Музея и привела описание нескольких рукописей XVIII—XIX вв.,[172] а Л. М. Спирина охарактеризовала экспедиционную деятельность 1958—1976 гг., в результате которой было собрано более 500 старопечатных книг и рукописей.[173]

---

[168] *Вдовина Л. Е., Кузьмин А. Г., Севастьянова А. А.* Обзор рукописного собрания Рязанского областного краеведческого музея // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 177—183.

[169] *Смирнов А. Г.* Собрание рукописей, древних и редких книг Научной библиотеки СГУ (Краткий обзор фондов и библиография) // Редкие книги Научной библиотеки Саратовского государственного университета. Саратов, 1966. Вып. 1. С. 2—26.

[170] *Дмитриев Л. А.* Собрание рукописей Научной библиотеки Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 554—560.

[171] *Николаева Т. В.* Собрания древних рукописей // Троице-Сергиева лавра: Художественные памятники. М., 1968. С. 167—175.

[172] *Клитина Е. Н.* Новые рукописные приобретения Загорского музея-заповедника // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 339—342.

[173] *Спирина Л. М.* Собирание рукописей и старопечатных книг Загорским государственным музеем-заповедником // Вопросы собирания. С. 48—52.

СЫКТЫВКАР

Научная библиотека Сыктывкарского университета относится к числу активно формирующихся хранилищ. Об организуемых археографических экспедициях сообщают статьи Т. Ф. Волковой и А. Н. Власова.[174] Особенно важно, что вдохновленные успехом «Вологодской программы» археографы Сыктывкара начали описание всех памятников письменности, находящихся в хранилищах Коми. Первый выпуск этой серии, посвященный рукописям Сыктывкарского университета, вышел в свет.[175] Во вступительной статье сообщается, что в Научной библиотеке имеются как территориальные собрания (Усть-Цилемское, Верхне-Печорское, Вашкинское), так и коллекции отдельных собирателей, а также фонд единичных поступлений. В вышедшем выпуске описаны 41 рукопись собрания Ю. В. Гагарина и 209 рукописей Усть-Цилемского собрания. Описание сопровождается обстоятельными указателями. По данным анкеты, в Сыктывкаре 428 рукописей.

ТОБОЛЬСК

Е. И. Дергачева-Скоп и Е. К. Ромодановская опубликовали описание 320 рукописей, хранящихся в Государственном архиве Тюменской области.[176] В собрании есть рукописи начиная с XVI в. О рукописях Тобольского краеведческого музея писал Л. А. Ситников.[177]

---

[174] *Волкова Т. Ф.* Отчет об археографической экспедиции в Усть-Цилемский район Коми АССР // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 32. С. 375—376; *Власов А. Н.* Археографическая работа Сыктывкарского университета на Верхней Печоре // Там же. Л., 1990. Т. 43. С. 404— 406.

[175] Памятники письменности в хранилищах Коми АСССР: Каталог-путеводитель. Вып. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского университета / Сост. Т. Ф. Волкова, А. А. Амосов, А. Н. Власов, Л. А. Петрова. Сыктывкар, 1989.

[176] *Дергачева-Скоп Е. И., Ромодановская Е. К.* Собрание рукописных книг Государственного архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 64—143.

[177] *Ситников Л. А.* Рукописи Тобольского краеведческо-архитектурного музея-заповедника // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 104—117.

ТОМСК

Рукописи Научной библиотеки Томского университета описаны Е. К. Ромодановской.[178] В собрании 130 рукописей, из которых 5 относятся к XVI в., 43 — к XVII в., 5 — к рубежу XVII—XVIII вв., 36 — к XVIII в. и 40 — к XIX в. Исследовательница публикует краткое описание 99 рукописей. О рукописях и старопечатных книгах Томского краеведческого музея сообщается в статье О. Н. Бахтиной, Н. Ж. Ветшевой и О. Ю. Комаровой.[179] Всего в Томске, по данным анкеты, 730 рукописей.

ТУЛА

В Тульском областном краеведческом музее около 50 рукописей. Три из них — рукописи XV в. (Триодь постная, Патерик и Евангелие-апракос 1422 г.) — кратко охарактеризованы в статье О. Е. Глаголевой.[180] По данным анкеты, в Туле 250 рукописей.

ТЮМЕНЬ

Н. Н. Покровским описаны 56 рукописей XVI—XX вв., хранящихся в Тюменском областном музее.[181] В числе их несколько интересных по составу сборников.

ЧЕРЕПОВЕЦ

Обзор древнерусских рукописей Череповецкого краеведческого музея опубликовали Н. П. Дробова и В. П. Бу-

---

[178] *Ромодановская Е. К.* Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского университета // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 344—348.

[179] *Бахтина О. Н., Ветшева Н. Ж., Комарова О. Ю.* Рукописи и старопечатные книги Томского областного краеведческого музея: (Охранная опись) // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. Новосибирск, 1984. С. 118—151.

[180] *Глаголева О. Е.* Рукописные книги Тульского областного краеведческого музея // Проблемы научного описания. С. 197—199.

[181] *Покровский Н. Н.* Рукописи и старопечатные книги Тюменского областного музея // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 144—148.

дарагин.[182] Эти рукописи описаны также в указателе «Памятники письменности в музеях Вологодской области» (см. выше, примеч. 133).

ЯКУТСК

О рукописях (преимущественно XVIII в.), хранящихся в Якутской республиканской библиотеке им. А. С. Пушкина, сообщается в статье Г. А. Лончаковой.[183]

ЯРОСЛАВЛЬ

Ярославль обладает несколькими коллекциями рукописей. О пополнении рукописного собрания Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника сообщается в двух обзорах.[184] Пополнился и фонд рукописей Государственного архива Ярославской области,[185] кроме того, туда переданы рукописи Археографической лаборатории Университета, имеющие свое печатное описание.[186] Издан обзор рукописей, хранящихся в Ярославской областной

---

[182] *Дробова Н. П., Бударагин В. П.* Обзор древнерусских рукописей Череповецкого краеведческого музея // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 379—381.

[183] *Лончакова Г. А.* Книги и рукописи древнерусской традиции XVIII—XX вв. г. Якутска // Русская книга в дореволюционной Сибири. Фонды редких книг и рукописей Сибирских библиотек: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1988. С. 119—136.

[184] *Лукьянов В. В.* Новые поступления в рукописные собрания Ярославского и Ростовского музеев (Краткий обзор) // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 404—408; *Козляков В. Н., Севастьянова А. А., Синицына Е. В.* Обзор нового пополнения коллекции рукописей Ярославского музея-заповедника // Краеведческие записки. Ярославль, 1984. Вып. 5—6. С. 70—77.

[185] *Лукьянов В. В.* Пополнения коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 286—289.

[186] Рукописное собрание Археографической лаборатории Ярославского университета: Каталог / Сост. А. А. Севастьянова, Я. Е. Смирнов, И. Д. Боченкова, О. Г. Коротаева, М. Б. Ленжен. Ярославль, 1993.

библиотеке.[187] О находках ярославских археографов информируют две статьи А. А. Севастьяновой.[188]

По данным упоминаемой анкеты, древнерусские рукописи имеются также в Архангельске (626 рукописей и старопечатных книг), Волгограде (12), Воронеже (32), Красноярске (77), Великом Новгороде (594), Ростове-на-Дону (15 рукописей и книг), Самаре (292), Ульяновске (2) и Челябинске (15).

* * *

Завершив обзор публикаций о составе рукописных коллекций и их пополнении, вышедших в течение 1963—1988 гг., позволим себе несколько общих рассуждений.

Итак, описание рукописных фондов идет по трем направлениям. Во-первых, это создание Сводного каталога славяно-русских рукописей в хранилищах России. Во-вторых, создание описаний отдельных собраний и коллекций. В-третьих, это информация (обзоры, описания) о новых поступлениях в рукописные хранилища как в результате археографических экспедиций, так и путем приобретений отдельных рукописей и целых коллекций.

Первая задача постепенно выполняется. Вышел в свет том Сводного каталога, включающий рукописи XI—XIII вв. Как полагает опытный археограф и знаток книжности А. А. Турилов, работа над вторым томом, посвященным рукописям XIV в. (он составит три выпуска), займет еще несколько лет. Видимо, только тогда удастся приступить к созданию Сводного каталога рукописей XV в.

---

[187] *Севастьянова А. А., Синицына Е. В., Федюк Г. П.* Обзор коллекции рукописей и книг кирилловской печати Ярославской областной библиотеки им. Н. А. Некрасова // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 255—261.

[188] *Севастьянова А. А.* 1) Археографические экспедиции в Ярославской области в 1981—1982 гг. // Краеведческие записки. Ярославль, 1984. Вып. 5—6. С. 88—93; 2) Организация археографической работы в Ярославской области в 1981—1983 гг. // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 227—229.

(работа в некоторых хранилищах уже ведется), который будет несравнимо бóльшим по объему и неизмеримо более сложным из-за существенного увеличения репертуара памятников, и прежде всего за счет статей, входящих в сборники, среди которых окажется немало сочинений, плохо изученных или не изученных вовсе. Но создание этого каталога будет иметь огромное значение для историко-литературной науки: появится возможность более объективно судить о репертуаре памятников, бытовавших в старший период развития древнерусской литературы, на более обширном, чем ранее, материале можно будет представить себе картину сосуществования и взаимосвязей жанров и произведений. Появится достаточно прочная база для текстологических разысканий, хотя, разумеется, ни одно конкретное исследование памятника не сможет обойтись без привлечения списков XVI— XVIII вв.

Вторая задача — описание отдельных коллекций и фондов — также остается первоочередной. Необходимо в ближайшее время завершить описание Погодинского собрания РНБ, продолжить работу над описанием Архангельского собрания БАН и Музейского собрания ГИМ. Быть может, имеет смысл опубликовать существующие в машинописном виде, но достаточно подробные описания ценнейших собраний РГБ, РНБ, ГИМ, издать описания сборников отдельных собраний ГИМ и т. д.

Стоит задуматься и над другими возможностями скорейшего раскрытия перед читателем наших рукописных собраний, помня о том, что до выхода в свет сводных каталогов рукописей XVI и XVII в. пройдут еще многие десятилетия, если вообще такие каталоги появятся.

Один из возможных путей — выборочное описание крупных и ценных собраний. Как известно, в каждом собрании большую его часть составляют богослужебные рукописи, а меньшую (но для исследователей ценнейшую) — авторские сочинения, летописи и, конечно, сборники. Это почувствовали уже «старые мастера», и не случайно А. Ф. Бычков начал описание рукописей Публичной библиотеки с описания погодинских сборников, а Д. И. Абра-

мович третий том своего описания Софийского собрания отдал сборникам, «пропустив», если следовать порядку инвентарных номеров, значительное число богослужебных рукописей. Именно сборники описывали в ГИМ М. Н. Сперанский, М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига. Обращу внимание еще на один аспект. Есть собрания, почти целиком состоящие из рукописей древней традиции: это прежде всего собрания монастырей, коллекционеров-старообрядцев, некоторых собирателей-ученых. Но есть собрания коллекционеров, в которых, напротив, рукописи древней традиции составляют незначительную долю, а преобладают материалы нового времени. Таково, например, в РНБ собрание Н. М. Михайловского, в котором из 1137 единиц хранения рукописей древней традиции чуть больше 100, или собрание П. Н. Тиханова, в котором также менее сотни рукописей древней традиции (среди которых есть ценнейшие!) совершенно растворились среди 1030 единиц хранения. Для таких собраний имеет смысл составлять обзоры, в которых обращать внимание на наиболее ценные (для древников или, напротив, для историков литературы нового времени) части рукописного собрания. Прецедент такого подхода — систематические обзоры сборников собрания ЦГАЛИ в РГАДА, публиковавшиеся Л. Н. Пушкаревым.

И еще одно замечание. Некоторые печатные описания отнюдь не гарантируют, что данное собрание представлено исследователям во всей полноте. Принцип М. Н. Тихомирова, предлагавшего в описаниях указывать преимущественно сочинения русских и славянских авторов, жития русских и славянских святых и т. д., понятный в своей первопричине (стремление скорее и в небольшом объеме представить сведения о важнейших, с точки зрения ученого, рукописях), не может нас удовлетворить, так как в подобных описаниях (см. прежде всего описания собраний ГИМ, исключая начатое публикацией описание Музейского собрания) оказался существенно деформирован репертуар агиографии и гомилетики, в котором вплоть до XVI в. преобладали именно переводные памят-

ники. Между осуждаемым здесь отбором описываемых статей и предлагаемым отбором описываемых рукописей нет противоречия. Еще раз подчеркну: выбираться должны рукописи древней традиции из ряда рукописей иного характера или отбираться именно сборники с непременной их полной постатейной распиской. Чем можно, на мой взгляд, поступиться — это отказом от самоназваний в пользу научных наименований памятников. И не более.

В последние десятилетия возник новый тип описаний — региональные сводные каталоги. За ними — большое будущее. Уже вышли в свет выпуски «Памятников письменности в музеях Вологодской области» (см. выше, с. 733—734), начали выходить «Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья» (впрочем, странным образом пересекающиеся с «Каталогом... Лаборатории археографических исследований» Уральского университета (см. выше, с. 735). В печати заявлено о работе над серией «Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях Сибири и Дальнего Востока»,[189] вышел первый выпуск «Памятников письменности в хранилищах Коми АССР» (см. с. 740) и т. д. Но зачастую мы не найдем вразумительного ответа на важнейшие вопросы: какое учреждение является координирующим центром, каков географический «ареал» такого каталога (как, например, поделят Томскую область Новосибирск и Томск, если Томская коллекция есть и в собрании местного университета, и в ГПНТБ в Новосибирске). Важность территориальных коллекций хорошо осознана (об этом специально писали археографы БАН, Древлехранилища ИРЛИ, МГУ, Новосибирского университета), но в то же время Вологодская область «поделена» между собственно вологодскими хранилищами, ИРЛИ (Вологодское и Красноборское собрания) и РГБ (Вологодское собрание и собрание Великоустюжского районного краеведческого музея). Быть мо-

[189] *Лончакова Г. А., Алексеев В. Н.* О сводном каталоге рукописей и старопечатных книг Сибири и Дальнего Востока // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. Новосибирск, 1984. С. 101—117.

жет, если будет признано нецелесообразным перемещение и концентрация собраний, стоит создавать совместными усилиями единые «областные» каталоги.

Пристальный интерес к территориальным коллекциям не случаен. Ведь большинство «молодых» собраний содержит в основном рукописи, привезенные археографическими экспедициями из районов компактного проживания старообрядческого населения. Для изучения старообрядческой книжности территориальная принадлежность нередко сочетается с принадлежностью отдельным старообрядческим согласиям, и сохранение региональных коллекций в их целостности открывает богатые перспективы для их изучения.

И наконец, последнее. Археографические находки последних лет в основном представлены рукописями XVIII—XX вв., тогда как рукописи более раннего времени составляют в среднем 8—10% привезенных книг. А это значит, что в сумме своей региональные каталоги Сибири, Урала, Нижегородской области, Республики Коми вместе с каталогами новых коллекций БАН, ИРЛИ и МГУ, состоящих в основном из той же старообрядческой книжности, естественно образуют своеобразный сводный каталог крестьянской книги XVIII—XX вв., что является благодатной основой для глубоких и объективных обобщений в изучении старообрядческой книжности России.

Таковы основные результаты археографической работы в России за период с 1963 по 1998 г.

* * *

Статья была опубликована: ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 709—744. В последующие годы осуществлены некоторые важные публикации. Вышли в свет: первый выпуск Сводного каталога рукописей XIV в.,[190] описание очеред-

---

[190] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. I (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская). М., 2002.

ной части Музейского собрания ГИМ,[191] описание рукописей XV и XVI в. РГАДА,[192] третий выпуск описания собрания Погодина в РНБ,[193] обстоятельное описание Пинежского собрания в Древлехранилище ИРЛИ,[194] статья о новой рукописной коллекции в Древлехранилище ИРЛИ,[195] статья о Новом рукописном собрании Санкт-Петербургской Духовной академии.[196]

---

[191] Каталог рукописей Музейского собрания Отдела рукописей ГИМ. Ч. 2. № 401—600 // Русская книжность / Сост. Л. М. Костюхина, Э. В. Шульгина, М. М. Панкова, Ж. Н. Иванова, Е. И. Серебрякова, Ю. А. Грибов // Русская книжность: Вопросы источниковедения и палеографии. М., 1998. С. 196—270 (Труды ГИМ. Вып. 95).

[192] Каталог славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / Сост. И. Л. Жучкова, Л. В. Мошкова, А. А. Турилов. М., 2000; Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / Сост. О. В. Беляков, И. Л. Жучкова, Б. Н. Морозов, Л. В. Мошкова. Вып. 1 Апостол — Кормчая. М., 2005.

[193] Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. Вып. 3. СПб., 2004.

[194] Описание рукописей XIV—XX вв. Пинежского собрания Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ РАН // Пинежская книжно-рукописная традиция XVI—начала XX вв. Опыт исследования. Источники. Т. 1; *Савельева Н. В.* Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. СПб., 2003. С. 62—720.

[195] *Пигин А. В.* Новая коллекция Древлехранилища Пушкинского Дома // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 668—683.

[196] *Смирнова А. Е.* Материалы к описанию Нового рукописного собрания Санкт-Петербургской Духовной академии // ТОДРЛ. СПб., 2004. С. 517—522.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ — Археографический ежегодник
БАН — Библиотека Академии наук
БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ВЯ — Вопросы языкознания
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина (до 1992 г.). См. РГБ
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (до 1992 г.). См. РНБ
ИИФиФ — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН
ИМЛИ — Институт мировой литературы
ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности АН
ИПБ — Императорская публичная библиотека
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
МАИРСК — Международная ассоциация исследования и распространения славянской культуры
МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГУ — Московский государственный университет
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ОРРК — Отдел рукописей редкой книги
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности
ПВЛ — Повесть временных лет
ПДП — Памятники древней письменности
ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства
ПКНО — Памятники культуры. Новые открытия

ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАН — Российская Академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов. См. ЦГАДА
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. См. ЦГАЛИ
РГБ (ГБЛ) — Российская государственная библиотека (Москва). См. ГБЛ
РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург). См. ЦГИА
РГНФ — Российский государственный научный фонд
РЛ — Русская литература
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). См. ГПБ
СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987; Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.), ч. 1: А—К. Л., 1988; Вып 2 (вторая половина XIV—XVI в.), ч. 2: Л—Я. Л., 1989; Вып. 3 (XVII в.), ч. 1: А—З. СПб., 1992; Вып. 3 (XVII в.), ч. 2: И—О. СПб., 1993; Вып. 3 (XVII в.), ч. 3: П—С. СПб., 1998; Вып. 3 (XVII в.), ч. 4: Т—Я. Дополнения. СПб., 2004
собр. — собрание
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словестности
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СПбИИ — Санкт-Петербургский институт истории
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
УрГУ — Уральский государственный университет
ФИРИ — Филиал Института российской истории. См. СПбИИ
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва). См. РГАДА
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва). См. РГАЛИ
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Санкт-Петербург). См. РГИА
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЯМЗ — Ярославский историко-художественный музей-заповедник

СОДЕРЖАНИЕ

Археография

Лекция первая. Археография как научная дисциплина 5
История рукописных собраний 7
Археография в конце XVIII—начале XX в. 13
Лекция вторая. Описание репертуара древнерусской книжности 24
Лекция третья. Основные собрания древнерусской рукописной книги. Москва 42
Лекция четвертая. Основные собрания древнерусской рукописной книги. Санкт-Петербург 62
Лекция пятая. Описание рукописей и подготовка текстов к изданию 78
Описание рукописей 78
Подготовка текста 86

Текстология

Лекция первая. Основные понятия текстологии 95
Лекция вторая. Работа древнерусского книжника. Вставки и/или пропуски 110
Лекция третья. Работа древнерусского книжника: перестановки, компиляции, реминисценции 121
Исследование компилятивных памятников 127
Реминисценции 133
Внередакционные изменения текста 140
Лекция четвертая. Датировка. Атрибуция 144
Датировка 144
Проблема атрибуции 151
Лекция пятая. Этапы работы текстолога 160

Лекция шестая. Библиография 175

Приложение

Древнерусская книжность XI—XIII веков
(О Каталоге памятников) 191
Рукописные собрания России: состояние изучения
и описания 213
Список сокращений 275

Олег Викторович Творогов

АРХЕОГРАФИЯ И ТЕКСТОЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Курс лекций

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 31.07.2009. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Школьная. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,5.
Заказ № 3170.

ООО «АЛЬЯНС-АРХЕО»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (812) 517-77-31
E-mail: aarheo@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России“».
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2

Творогов Олег Викторович (род. 11.10.1928) – лингвист и литературовед, доктор филологических наук, профессор, специалист в области древнерусского летописания и хронографии, археографии, текстологии и библиографии. Автор более 300 научных трудов, в том числе монографий «Древнерусские хронографы» (1973), «Древняя Русь: события и люди» (1994, 2001), «Летописец Еллинский и Римский» Т. 1–2. (1999–2001), «Переводные жития в русской книжности XI–XV веков» (2008) и др., ответственный редактор и автор статей «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"» Т. 1–5 (1995), лауреат Гос. премии РФ 1993 г. (в составе коллектива).

О. В. Творогов в течение многих лет читал курсы лекций по истории, текстологии и археографии древнерусской литературы в Санкт-Петербургском государственном университете, Европейском университете в Санкт-Петербурге, Русской христианской гуманитарной академии.

ISBN 5-98874-041-4
9 785988 740414